

Олга Кошкинова

**Я не скажу
тебе о сыне**

Annotation

Он обещал любить меня всю жизнь, но расторг наш брак, поверив клевете. Отправил в изгнание, так и не узнав, что я носила под сердцем его ребенка. Я пообещала себе забыть его и никогда не возвращаться на родину, но болезнь сына заставила меня переменить решение. Моему малышу нужна вода из королевского магического источника, и я добуду ее, чего бы мне это ни стоило — даже если мне придется под чужим именем вернуться во дворец, из которого меня когда-то прогнали. Теперь я уже не та, что прежде. Иллюзорная магия изменила мою внешность. У меня есть титул, богатство и огромное желание отомстить. Но разве можно вернуться домой и не выдать себя перед человеком, которого когда-то любила больше жизни?

- [Я не скажу тебе о сыне](#)
 - [Пролог](#)
 - [1. Десять лет назад](#)
 - [2. Приезд в столицу](#)
 - [3. Подготовка к балу](#)
 - [4. Бал](#)
 - [5. Сомнения](#)
 - [6. Танец](#)
 - [7. Невеста короля](#)
 - [8. Леони де Сурель](#)
 - [9. Непростые обязанности королевы](#)
 - [10. Тетя Леони](#)
 - [11. Магия Эллинаров](#)
 - [12. Новости](#)
 - [13. Бывшая королева](#)
 - [14. Кругом враги](#)
 - [15. Я — преступница?](#)
 - [16. Джемма](#)
 - [17. Кorteж Его Величества](#)
 - [18. Барон Робер](#)
 - [19. Велия — мадемуазель королевской крови](#)

- [20. Маленький принц](#)
- [21. Месье Ледюк](#)
- [22. Ярость](#)
- [23. Рассказ шевалье](#)
- [24. Амулеты](#)
- [25. Князь Алонсо](#)
- [26. В Линарию?](#)
- [27. Перемены](#)
- [28. Деликатное поручение](#)
- [29. Возвращение в Лиму](#)
- [30. Аукцион](#)
- [31. Особняк](#)
- [32. Сын короля](#)
- [33. Герцогиня де Ламар](#)
- [34. Проверка](#)
- [35. Обман](#)
- [36. Аудиенция](#)
- [37. Разговор с маркизой](#)
- [38. Прошлое](#)
- [39. Флакон магической воды](#)
- [40. Граф д'Эрсан](#)
- [41. День рождения Джеммы](#)
- [42. Дело королевы](#)
- [43. Прогулка](#)
- [44. Сладости](#)
- [45. Еще один бал](#)
- [46. После бала](#)
- [47. Приём у герцога да Крелона](#)
- [48. Сестра](#)
- [49. Новости](#)
- [50. Маркиз Дюбуа](#)
- [51. Кусочек правды](#)
- [52. Амулет](#)
- [53. Маленький Эллинар](#)
- [54. Правда короля](#)
- [55. Продолжение рассказа](#)
- [56. Еще один заговор](#)

- [57. Похищение](#)
 - [58. Решение](#)
 - [59. Пикировка](#)
 - [60. Правда](#)
 - [61. Встречи](#)
 - [Эпилог](#)
-

Я не скажу тебе о сыне

Пролог

— Пятнадцать тысяч риэлей! — заявил седовласый мужчина в темно-зеленом фраке.

Я не знала, кто это, и не обратила большого внимания на его слова. Наверняка, он выйдет из гонки, когда цена лота поднимется раза в два. А в том, что она поднимется, я не сомневалась.

Это был самый престижный аукционный дом Линарии, а этот лот — самый интересный на сегодняшних торгах. Старинный особняк на площади Доблести почти в самом центре столицы в нескольких сотнях метров от королевского дворца — лакомый кусочек для любого состоятельного покупателя. Не случайно им заинтересовались и военный министр граф Эрсан, и владелец крупнейшего банка страны маркиз Рошен, и еще много других, отнюдь не последних лиц королевства.

Для меня это был идеальный вариант. Нет, сам особняк меня ничуть не прельщал. Но мне нужно было, чтобы в Лиме обо мне заговорили — в каждой газете, на каждом приеме и балу — вплоть до королевского дворца.

Громкий титул, деньги, красота — что еще нужно, чтобы стать главной звездой бального сезона в столице? Правильно — поступок, о котором будут говорить!

— Шестнадцать тысяч! — тут же ответил молодой человек в военной форме.

А вот об этом персонаже мне рассказали заранее. Виконт Анри де Кавелье — жених мадемуазель Лауры Робер, особняк которой две недели назад попал в каталог этого аукциона.

Сама Лаура сидела сейчас рядом с виконтом — бледная светловолосая девушка с покрасневшими от слёз глазами. Одета она была со вкусом, но потрепанные ленты на шляпке и потемневшее от неоднократных стирок кружево на платье, которое когда-то, наверно, было белоснежным, не оставляли сомнений в ее непростом финансовом положении.

Виконт де Кавелье повышал цену осторожно, и я понимала, что он тоже скоро выйдет из игры.

— Двадцать тысяч! — не стал церемониться граф Эрсан.

На его хищном лице с крючковатым носом появилась торжествующая улыбка. Он был уверен в своей победе.

О его намерении купить дом разорившегося барона Робера было известно еще до аукциона — именно он был основным кредитором барона, и по Лиме ходили слухи, что вел он себя в этих отношениях не вполне честно.

Во взгляде виконта де Кавелье появилось отчаяние — судя по всему, двадцать тысяч риэлей были для него непосильной суммой. Они с невестой сидели совсем рядом со мной, и я слышала, как девушка простонала:

— Если наш дом достанется Эрсану, это убьет отца.

Она не побоялась воскликнуть и громче, обращаясь уже непосредственно к его сиятельству:

— Неужели, сударь, совесть позволит вам въехать в наш дом, как ни в чём не бывало?

Граф Эрсан поднялся и, бросив на девушку уничижительный взгляд, сказал не столько ей, сколько всему залу:

— Я мог бы промолчать, господа, но я не привык к тому, чтобы меня публично оскорбляли. Я не стану требовать выдворения мадемуазель Робер, потому что понимаю, как нелегко ей приходится сейчас. Она вот-вот лишится дома, а ее отец тяжело болен. Но я хотел бы поставить точку в нашем споре. На протяжении долгого времени я ссужал барону Роберу большие суммы денег. И я особенно пострадал, когда его милость объявили банкротом.

— Вы врете, сударь! — девушка тоже вскочила. — Отец продал все фамильные драгоценности, чтобы расплатиться именно с вами! Это к вам он отправился в тот роковой день! Он вернул вам долг, я не сомневаюсь!

Граф невозмутимо пожал плечами:

— Если вы уверены, что он расплатился со мной, то извольте предъявить расписку. Любой здравомыслящий человек, вернув долг, потребовал бы с кредитора расписку в этом. Надеюсь, мадемуазель, вы не сомневаетесь в здравомыслии своего отца?

Мадемуазель Робер не сдержалась и выкрикнула:

— У него была ваша расписка! Но кому, как не вам, знать, что с ней случилось. На отца напали, когда он возвращался от вас. В тот

момент у него не было с собой ничего, кроме этой расписки. Неужели вы думаете, что настоящих воров заинтересовала бы какая-то бумажка?

— Довольно, мадемуазель! — повысил голос и граф. — Я не намерен более сносить ваши оскорбления. Насколько я понимаю, ваши финансы не позволяют вам ничего здесь купить, и если так, то я не понимаю, что вы вообще делаете в этом зале.

И он повернулся в сторону распорядителя аукциона. Тот понимающе кивнул и сделал шаг в направлении нарушительницы спокойствия.

Именно в этот момент я и сказала:

— Двадцать пять тысяч!

— Что? — не сразу понял граф Эрсан.

А распорядитель тут же вытянулся в струнку, и на лице его появилась подобострастная улыбка. Похоже, он уже не надеялся, что ставки повысятся.

Военный министр нахмурился и недовольно бросил:

— На вашем месте, месье Дижон, я бы проверил платежеспособность покупательницы. Как бы потом не пришлось признавать аукцион не состоявшимся. Не удивлюсь, если эта женщина — подруга мадемуазель Робер, которая намерена сорвать торги. Надеюсь, сударыня, у вас есть гарантийные письма?

Распорядитель занервничал, но не решился обратиться ко мне с тем требованием, на котором настаивал граф. Это был скандал, каковых любой приличный аукционист старался избегать.

А зал возмущенно загудел — подобное недоверие на аукционе, куда допускались лишь лица благородного происхождения, было оскорбительным.

Но я сделала вид, что этого не поняла — растерянно улыбнулась и обратилась к распорядителю:

— Прошу прощения, сударь, но я не знала, что нужны гарантийные письма.

Граф Эрсан хмыкнул и обвел собравшихся торжествующим взглядом — дескать, ну что, кто оказался прав?

А я уже раскрывала ридикюль.

— Может быть, вместо гарантийных писем и расписок подойдут наличные деньги? Я намерена сразу же оплатить покупку. Право же,

это такая мелочь.

Когда я отправилась на аукцион с такой огромной суммой, мой секретарь пришел в ужас — куда разумнее было бы выписать чек или оставить расписку. Но ради того, чтобы произвести такой эффект, стоило рискнуть.

Кто-то охнул, кто-то восхищенно рассмеялся — в зале не осталось ни одного равнодушного лица. Я знала, что военного министра в Лиме не любили, и теперь публика явно желала, чтобы он сел в лужу.

— Насколько я понимаю, у сударя нет других возражений, — теперь моя улыбка была адресована исключительно графу Эрсану, — и он уступает мне этот особняк?

— Тридцать тысяч! — прохрипел он.

Должно быть, его порыв объяснялся волнением — на самом деле особняк столько не стоил, и граф наверняка это знал.

— Тридцать пять! — проворковала я. — Право же, сударь, к чему упорствовать? Я перебую любую вашу цену. Я нахожусь в Лиме уже почти неделю, и мне изрядно надоела гостиница.

«Откуда взялась эта красавица?» — услышала я за своей спиной. Другой голос приглушенно ответил: «Кажется, она княгиня из Антарии. Говорят, она баснословно богата».

Я усмехнулась.

— Тридцать пять тысяч раз! — возвестил распорядитель. — Тридцать пять тысяч два! Тридцать пять тысяч три! Особняк ваш, сударыня!

Я решила добить Эрсана и подзадорить стайку журналистов, что уже вовсю скрипели перьями в своих альбомах. Я достала из сумочки нужную сумму и положила стопку ассигнаций на поднос распорядителя, удостоившись восхищенного гула зрителей.

Это был последний лот аукциона, и пока я, дожидаясь кареты, стояла на крыльце, мимо меня прошел Эрсан, не посчитавший нужным удостоить меня хоть какого-то знака внимания.

— О, сударыня, благодарю вас за то, что не позволили этому мошеннику получить наш дом! — мадемуазель Робер подошла так неслышно, что я вздрогнула. — Хотя, боюсь, скоро вы поймете, что переплатили. Я очень люблю наш особняк, но он сейчас не в лучшем состоянии. Мы с папенькой уже несколько лет как живем во флигеле — отапливать все комнаты нам не по карману.

Она была прехорошенькой — разве что бледность кожи да морщинки на высоком лбу несколько портили картину.

— Значит, мадемуазель, я купила ваш дом? — я постаралась вложить в свой голос как можно больше тепла. — Вы — храбрая девушка, если решились сюда прийти.

Она часто заморгала, пытаясь скрыть слёзы.

— О, что вы, сударыня, я — трусиха. Но я искренне рада, что особняк достался вам. Надеюсь, он вам понравится. Я была очень счастлива в нём. Не беспокойтесь, мы с папенькой съедем в течение ближайших пары дней.

Ее жених стоял чуть поодаль, не решаясь вмешаться в наш диалог, но я не сомневалась, что стоит мне отойти, как он подбежит к девушке и предложит ей опереться на свою сильную руку.

— Нет-нет, мадемуазель! — я покачала головой. — Вам незачем съезжать. В вашем особняке столько комнат, что мы все разместимся там безо всяких помех. Тем более, что вы живете во флигеле. Право же, я буду рада такому соседству. Взамен же потребую показать мне Лиму — надеюсь, вас это не затруднит, — ваш прекрасный город мне совсем не знаком.

Теперь она уже не прятала слёз. И прежде, чем я успела ее остановить, она поднесла мою руку к губам.

— Благодарю вас, сударыня! Вы даже не представляете, как много это для меня значит. Я не намерена долго злоупотреблять вашей добротой, но буду признательна вам, если вы позволите нам остаться до тех пор, пока папенька не встанет на ноги.

Она улыбалась сквозь слёзы, и улыбка ее была светлой и чистой. Когда-то я и сама умела так улыбаться. Как же давно это было.

— Не плачьте, дитя мое! — по возрасту я была старше ее лет на десять, не более, но чувствовала себя куда мудрее. — После пасмурных дней на небе всегда появляется солнце.

Эти слова когда-то, много лет назад, мне сказал ее отец — барон Робер, — и они согревали меня в те дни, когда я была близка к отчаянию. И я была счастлива, что теперь могу сделать для его дочери то, что он когда-то сделал для меня — дать пищу и кров.

1 Десять лет назад

— Сандра, Сандра, да просыпайся же скорее!

Они ворвались ко мне в спальню маленьким шумным вихрем — моя младшая сестра Бланш и гостившая у нас в поместье кузина Джемма. На лицах у обеих плескалась такая смесь эмоций, что трудно было понять, напуганы они чем-то или приятно удивлены.

— Ты только посмотри, кто оказался у нас во дворе! — Джемма уже стояла у окна, пытаюсь разглядеть кого-то через тюлевую занавеску. — Ах, это самый красивый мужчина, какого только можно вообразить!

Незнакомый мужчина? У нас? И именно сейчас, когда папеньки нет дома?

Я спрыгнула с кровати и тоже подбежала к окну. Впрочем, этого оказалось недостаточно, чтобы разделить восхищение Джеммы и Бланш. Моя комната находилась на втором этаже, и всё, что я смогла увидеть, это фигуры двух мужчин возле нашего крыльца и еще нескольких слуг с лошадьми чуть поодаль. Да, они были стройны (не лошади — мужчины!), и их горделивая осанка выдавала в них людей благородных. Но расстояние было слишком велико, чтобы можно было судить о красоте их лиц, и я не понимала, что могло вызвать такой восторг у моей двоюродной сестрицы.

А горничная уже принесла платье и готова была заняться моей прической.

— Раз дядюшки нет дома, именно ты должна выйти к ним на правах хозяйки, — поучала меня Джемма. — Поприветствуй их должным образом, предложи разделить с нами завтрак, — и добавила с видимым сожалением: — Жаль, что мы не можем предложить им отдых и ночлег под нашей крышей — без взрослого мужчины в доме это будет неприличным.

Мы спустились к неожиданным гостям только через четверть часа — за это время их лошадей уже напоили и подвели к кормушке со свежескошенным сеном. Мы вышли на крыльцо, и мужчины отвесили нам низкие поклоны.

— Простите за беспокойство, сударыни! Мы не осмелились бы потревожить вас, если бы одна из наших лошадей не нуждалась в новой подкове. В деревне нам сказали, что единственная кузница в этих местах — в вашем поместье.

Эти слова произнес мужчина в столь роскошном костюме, что я не удивилась бы, оказался он заморским принцем. Одного только золотого шитья на его камзоле было так много, что хватило бы на наряды нескольких модниц. А были еще кружева и большой драгоценный камень на широкополой шляпе, которую он сейчас держал в руках.

— Позвольте представиться, — он снова церемонно поклонился, — герцог де Ламар к вашим услугам.

Джемма за моей спиной издала восторженный вздох, а я, напротив, почувствовала беспокойство. Я никогда не бывала в столице и высшее общество знала только по рассказам папеньки. А если, принимая столь важного гостя, я допущу какую-то оплошность? Не сочтет ли он нас провинциальными невеждами?

Впрочем, я тут же прогнала от себя эту мысль. Они здесь проездом и, отведав пищи и перековав лошадей, уедут прочь, сразу же забыв и наши имена, и наши промахи. А значит, какая разница, что они о нас подумают?

Я украдкой посмотрела на Джемму — она разглядывала герцога с таким интересом, что мне захотелось ущипнуть ее за руку. Да, его светлость был молод и красив (и как она могла заметить это со второго этажа?), но выказывать свое восхищение подобным образом было неприлично.

— Шевалье де Монкур, — представил мужчину своего спутника.

Я перевела взгляд на второго мужчину. Одет тот был гораздо скромнее и держался соответственно. Он послал мне усталую улыбку, и я улыбнулась в ответ.

Пока наш кузнец занимался лошадью шевалье (а она не только потеряла подкову, но еще и заметно хромала на правую заднюю ногу), мы предложили гостям отведать скромных угощений.

— Тронуты вашей любезностью, прекрасная хозяйка, — заливался соловьем герцог. — Нас уже предупредили, что ваш отец отбыл на охоту, поэтому не беспокойтесь — как только лошадь будет подкована, мы тут же удалимся.

На сей раз вздох кухни был полон сожаления.

Слуги уже прослышали о визите важной персоны, и на стол были выставлены и старинное серебро, и восточный сервиз из тончайшего фарфора. Да и яства были поданы куда более обильные, чем обычно. Наш повар прекрасно готовил, и в качестве паштетов, суфле и других холодных закусок можно было не сомневаться, что и не преминули отметить гости.

— Право же, эти блюда не стыдно было бы подать и королю, — признал де Ламар.

Он и за столом много и с удовольствием говорил. Джемма соглашалась с каждым его словом — даже если с его уст слетала откровенная банальность.

Шевалье де Монкур был куда менее многословен. Иногда он вставлял в разговор отдельные фразы, но каждый раз кухня осаждала его возмущенным взглядом — словно считала дерзостью его вмешательство в беседу людей, имевших более высокий статус. Мне было стыдно за Джемму, но выступить в защиту шевалье значило бы еще больше его обидеть. Поэтому я, как могла, поддерживала беседу с ним и видела, что он был признателен мне за это.

Я имела слабое представление о мужской красоте, но Монкур понравился мне куда больше фанфарона-герцога. Да и суждения его были весомее и выдавали в нем человека образованного и с хорошим вкусом.

— Мы хотим приехать в Лиму на сезон балов, — сообщила Джемма, — и надеемся быть представленными ко двору.

Она произнесла это с гордостью, ничуть не сомневаясь, что гость должен этим восхититься. И он ее не разочаровал.

— Уверен, вы станете жемчужинами королевского двора, — отвесил комплимент герцог и подкрутил свой длинный ус. — Хочу заметить, что в моем доме также даются роскошные балы, и я буду рад видеть вас у себя. Известите меня, когда приедете в столицу, и я лично привезу вам приглашения.

Кухня едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши. Завтрак, меж тем, был окончен, и наш дворецкий как раз сообщил, что лошадь подкована.

— Не смеем больше злоупотреблять вашим гостеприимством, сударыни! — герцог первым поднялся из-за стола.

Мы снова вышли на крыльцо. Слуга шевалье вел по двору его лошадь, и я с беспокойством отметила, что ее хромота не прошла.

— Но как же вы поедете на ней, сударь? — с тревогой спросила я. — Если она повезет кого-то в седле, то, боюсь, вы не доберетесь до столицы, — мне было жаль и лошадь, и ее хозяина. — Быть может, вы возьмете одну из лошадей моего отца? Нет-нет, вы не доставите нам этим никакого беспокойства! Вы вернете ее, когда мы приедем в столицу.

Шевалье искренне поблагодарил меня за такую заботу и, хоть и с некоторыми сомнениями, моим предложением воспользовался.

Когда гости в сопровождении слуг выехали со двора, Джемма фыркнула:

— Какая же ты еще дуручка, Алессандра! С какой стати ты отдала ему лошадь? Он вполне мог воспользоваться лошадью своего слуги. Его статус не столь высок, чтобы считать это недопустимым. Он — всего лишь шевалье.

Я пожала плечами и отправилась в дом. Слова кузины были мне неприятны. В нашей конюшне было много лошадей, и я не сомневалась, что отец вполне одобрит мой поступок. К тому же, мне отчего-то доставляло удовольствие думать о том, что если шевалье в столице нанесет нам визит, чтобы вернуть лошадь, то мы с ним снова встретимся.

2. Приезд в столицу

Те два дня, что мы ехали в карете до столицы, Джемма учила меня уму-разуму:

— Ты должна вести себя в столице как подобает дочери маркиза. Оставь свою провинциальность дома.

Она была старше меня на целых два года и считала возможным давать мне советы по любому поводу. Самой ей давно уже следовало бы блистать в столице, но после смерти ее отца — графа Маршала — им с матушкой остались одни долги. Поэтому Джемме приходилось терпеливо дожидаться, когда я достигну возраста, позволяющего мне выезжать на балы, чтобы отправиться в Лиму с нами.

Мы выехали в столицу все вместе — я, папенька, Бланш, Джемма и ее мать — вдовствующая графиня Маршаль. Моя сестра была еще слишком юна, чтобы быть представленной ко двору, и она слушала наши с кузиной разговоры с плохо скрытой досадой. Весь бальный сезон ей предстояло просидеть в особняке, что мы сняли в предместье Лимы, довольствуясь прогулками с папенькой в парке и редкими выездами в театр.

— На балах и приемах нам будут представлять самых разных кавалеров, — тоном великосветской львицы продолжала Джемма. — Если тебя познакомят с бароном или графом, адресуй им самую холодную из своих улыбок — чтобы они сразу поняли, что ты не расположена продолжать знакомство. Запомни — нас интересуют только маркизы и герцоги.

Она говорила негромко, но сидевший напротив папенька всё-таки услышал ее и хмыкнул в усы.

— Отчего же не принцы? — рассмеялась я.

Кузина с сожалением признала:

— Боюсь, для принцев мы недостаточно родовиты.

Первую неделю в столице мы потратили на то, чтобы обустроиться в нашем особняке и завести знакомство с ближайшими соседями, среди которых представителей высшей знати, к вящему разочарованию Джеммы, не оказалось.

Потом мы стали изучать достопримечательности столицы — проехали в открытом экипаже по центральным улицам и площадям, погуляли в парках. Театральный сезон еще не начался, но папенька обзавелся билетами на премьеру.

Джемма выдержала паузу и, наконец, послала сообщение герцогу де Ламару о нашем прибытии в Лиму. На следующий же день и герцог, и шевалье де Монкур нанесли нам визит. Шевалье вернул лошадь, а его светлость привез приглашения на бал.

— Он состоится через две недели. Как вы знаете, сезон открывается большим балом в королевском дворце, на который приглашены лишь избранные. Но поверьте, мой бал соберет не менее изысканное общество, и я буду рад представить вас своим знакомым.

Кузина просияла — если нас введет в столичное общество один из первых вельмож Линарии, это сразу позволит нам выделиться среди дебютанток.

Герцог опять болтал без умолку, изредка позволяя Джемме выразить горячее одобрение или искреннее восхищение. Папенька предпочитал молча слушать.

Мы с шевалье сидели чуть поодаль, и я была этому рада — мы могли тихонько разговаривать, и с каждой следующей минутой разговора он нравился мне всё больше и больше. Я понимала, насколько это неразумно — увлечься совсем незнакомым мужчиной, не имея представления ни о его семье, ни о его материальном положении, ни о его характере. Но он был умен, очарователен и прекрасно воспитан.

Брак с шевалье для меня, дочери маркиза, стал бы мезальянсом, но я могла надеяться, что папенька не станет придавать этому значение, если поймет, что именно этот мужчина может составить мое счастье. У отца не было наследников мужского пола, а поскольку в Линарии не применялся майорат, отец мог обратиться к королю с просьбой о пожаловании титула маркиза мужу одной из своих дочерей. Конечно, это дало бы повод для пересудов в обществе, но меня это совсем не волновало — я и без этого отнюдь не рассчитывала покорить светское общество. Мне понравилась Лима, но куда больше мне нравился наш небольшой провинциальный городок. Я была не столь честолюбива, как Джемма, и не стремилась непременно стать герцогиней.

Впрочем, думать об этом после всего лишь второй встречи с Монкуром было верхом легкомыслия. Я видела, что нравлюсь ему, но были ли его чувства серьезны?

Я часто читала в романах о любви с первого взгляда, но никогда не думала о том, что подобное случается не только на страницах книг.

— Ах, Сандра, я должна выйти замуж за де Ламара! — после того, как гости уехали, мы с кузиной закрылись в нашей общей спальне — нам было необходимо всё обсудить.

Такая решительность Джеммы меня изрядно напугала.

— А ты не думаешь, что он может быть с кем-то помолвлен?

Трудно было поверить в то, что столь блестящий кавалер был свободен. В столице полным-полно богатых и знатных барышень, одна из которых уже могла его пленить. Он был совершенно не в моем вкусе, но я понимала, что он — завидный жених.

— Я должна узнать о нём как можно больше! — подпрыгнула на кровати кузина. — Маменька завтра собирается навестить свою подругу, которая наверняка поделится с нами самыми свежими светскими сплетнями. Если его светлость окажется помолвленным, я просто сойду с ума.

А я подумала, что сошла бы с ума, окажись моим супругом столь болтливый мужчина. Но разве я могла осуждать Джемму за то, что она пыталась найти для себя выгодную партию?

Мы не надеялись получить приглашения на первый бал сезона, который должен был состояться в королевском дворце, но мы их получили! Джемма едва не лишилась чувств, распечатав изящный, пахнувший жасмином конверт с вензелем его величества.

Чуть успокоившись, она заявила, что для такого бала требуются самое шикарное платье и изысканные украшения, и новые туфельки.

Я же отнеслась к этой новости почти спокойно — вряд ли на этом балу я могла встретить шевалье де Монкура. А раз так, то это событие не вызывало у меня большого интереса.

3. Подготовка к балу

Для своего бального платья я выбрала шелк нежно-кремового цвета. Портниха предложила украсить наряд жемчугом по вороту и дорогими нурландскими кружевами по рукавам и подолу. Но мне показалась ненужной эта роскошь. Я не хотела привлекать к себе внимание на первом же балу. Я слишком плохо знала светский этикет, чтобы чувствовать себя уверенно в королевском дворце. У нас в Суреле было куда меньше церемоний.

А вот Джемма решила не скромничать — тем более, что все расходы взял на себя наш отец, — и остановилась на ярко-розовом материале. Да, кружев побольше! И золотую цепочку на веер из страусиных перьев! И позолоченные пряжки на туфлях!

— Твой наряд мне нравится куда больше, — шепнула мне Бланш, когда мы приехали на примерку. — Только Джемме не говори, она обидится.

Мы заговорщически улыгнулись. Мы всегда понимали друг друга с полуслова. У нас даже магия была одинаковой.

После посещения модного салона мы позволили себе прогуляться по столице — велели кучеру проехать по Дворцовой площади, а потом свернуть на Набережную.

Королевский дворец показался нам огромным и величественным. Останавливаться подле него было нельзя, но мы еще долго оглядывались, когда он остался позади. Через несколько дней нам предстояло изучить его изнутри, и одно только предвкушение этого наполняло наши сердца трепетом.

А вот на Набережной мы вышли из экипажа, чтобы полюбоваться кораблями. В Суреле не было моря, и мы знали о нём только из книг и рассказов папеньки. Здесь, в центре Лимы стоять на рейде имели право немногие корабли, поэтому мы увидели только трехмачтовый парусник с королевским штандартом да еще несколько шхун чуть меньшего размера. Но мы были рады и этому. Солнце уже садилось, и паруса были окрашены в ярко-оранжевый цвет.

На расположенной неподалеку площади Доблести (ах, сколько в Лиме площадей!) стоял памятник королеве Алэйне — той самой

королеве, что полтора столетия назад вернула магию в источник в королевском саду.

— Какая она красивая, правда? — прошептала Бланш, любуясь статуей.

Ее величество сделала для Линарии так много, что в ее честь были названы улицы и площади почти во всех крупных городах страны.

— О, да! — согласилась я.

Ее величество Алэйна Первая вернула магию не только в источник — она вернула ее народу. Когда она взошла на престол, то разрешила применять магические заклинания безо всяких лицензий даже простому народу — по всей Линарии были открыты магические школы для крестьянских детей, обладавших нужными способностями.

Среди аристократов это решение вызвало много толков — не все смогли смириться с тем, что был отменен многовековой запрет на использование магии лицами неблагородного происхождения. Но время доказало правоту королевы — могущество Линарии настолько возросло, что все соседние страны старались заключить с нами союз.

Правда, потомки Алэйны не смогли или не захотели продолжить ее начинания. Уже ее сын Риан Шестой пошел на поводу у кучки ретроградов, потребовавших сначала вернуть лицензии, а затем и закрыть бесплатные школы для детей из народа.

— Вы только посмотрите, какая карета! — возглас Джеммы повернул мои мысли совсем в другом направлении.

Мимо проезжал экипаж с золотым вензелем на дверце, и кузина смотрела на него, открыв рот. Не сомневаюсь, она расскажет об этом сегодня за ужином во всех подробностях и намекнет, что нам тоже неплохо было бы обзавестись новой каретой, потому что поехать на бал в королевский дворец в старой — это моветон. И тетушка, конечно, ее поддержит.

Я хмыкнула — прикладывать такие усилия, чтобы произвести впечатление на совсем незнакомых нам людей, казалось мне пустой тратой и времени, и денег.

Мы вернулись домой уже под вечер, и папенька встретил меня лукавой улыбкой.

— Тебе сегодня доставили подарок, моя дорогая!

Он протянул мне книгу в красивом переплете. Она еще пахла типографской краской.

— Это мне, правда? — я взяла ее в руки почти с робостью. Сердце затрепетало от неожиданной догадки.

Во всей Лиме у меня не было других знакомых, кроме герцога де Ламара и шевалье де Монкура. Но представить себе, чтобы его светлость выбрал в подарок кому-то именно книгу, было решительно невозможно.

Да, я не ошиблась — в фолиант была вложена карточка с повторением тех слов благодарности, что шевалье уже адресовал мне при первом визите. Право же, та маленькая услуга, что я ему оказала, совсем не стоила подобных церемоний.

Но я была счастлива. И даже ворчание Джеммы было не способно испортить мне радость от жеста шевалье де Монкура.

— Ты должна вернуть подарок! — без тени сомнений заявила кузина.

— С чего бы это? — огрызнулась я.

— Сандра, как ты не понимаешь? — удивилась она. — Принимая подарок, ты даешь шевалье понять, что не против продолжения знакомства. А ведь я уже говорила тебе, что такие поклонники, как он, не добавляют девушке нужной известности в свете. Напротив, могу подумать, что раз ты принимаешь ухаживания человека, стоящего ниже тебя по положению, то в тебе есть какие-то изъяны.

Я не сдержалась и хихикнула. Джемма обиженно поджала губы и замолчала. А я решила, что не обязана считаться с ее мнением — пусть даже она и была меня старше. Если бы папенька думал так же, как она, то он сам запретил бы мне принимать подарок. А раз он не сделал этого, то я позволила себе думать, что он, как и я, счел шевалье человеком достаточно воспитанным и благородным, чтобы продолжать с ним знакомство.

4. Бал

— Джемма, где же ты? Сколько можно крутиться перед зеркалом? — тетушку уже трясло — то ли от волнения из-за предстоящего бала, то ли от нетерпеливого ожидания. — Появиться в бальной зале после его величества будет немислимым оскорблением, и если такое случится, то будь уверена, двери всех светских салонов Лимы будут для нас закрыты.

Только эта угроза и заставила кузину поторопиться. Ходя даже когда мы уже спускались по ступенькам крыльца к карете, она продолжала беспокоиться, что в ее прическе недостаточно шпилек с бриллиантами, и никак не хотела верить папеньке, что очарование ей придавали не столько новое платье и драгоценности, сколько молодость и веселый нрав.

А вот Бланш было совсем невесело — она провожала нас с таким постным видом, что, честное слово, я едва не осталась дома.

— Ну, что за глупости, Сандра? — попеняла мне на это Джемма. — Бланш слишком юна, чтобы думать о балах. К тому же, она не может быть представлена ко двору одновременно с нами — есть определенные правила, нарушать которые мы не должны. Младшая сестра имеет право появиться в свете только тогда, когда старшая уже будет там принята.

— Именно так, дорогая! — поддержала ее тетушка.

Графиня изрядно нервничала из-за того, что ее дочь будет дебютировать в столице в том возрасте, когда многие ее ровесницы уже имели знатных мужей и прочное положение в обществе.

Дополнительных переживаний им обеим добавили сведения о том, что герцог де Ламар, по слухам, вот-вот должен был объявить о своей помолвке. Эту информацию они получили накануне от старой подруги графини и теперь пребывали в унынии. Конечно, официально он был еще свободен, но если он уже дал слово какой-то знатной девице, то вряд ли решится нарушить его из-за понравившейся ему девушки из провинции. Тем более, что Джемма была бедна.

— Ах, милочка, — пыталась успокоить то ли себя, то ли Джемму тетушка, — может быть, всё это не более, чем досужие сплетни. Не

думаю, что его светлость стал бы так щедро раздавать тебе авансы, если бы был связан обещанием с другой. Конечно, о таком авантажном мужчине много говорят, но знает ли он сам об этих слухах?

Кузина несколько приободрилась и вышла из кареты перед крыльцом королевского дворца в самом воинственном расположении духа, готовая своими красотой и напором затмить любую соперницу.

Впрочем, ее решимость заметно поубавилась, стоило нам только оказаться внутри резиденции его величества. Там было столько роскоши и огней, что я на мгновение закрыла глаза.

Папенька никогда не жалел средств на обустройство нашего имения, но то, что в Суреле нам казалось верхом великолепия, сейчас воспринималось совсем по-другому.

Мы ступили на великолепный ковер на высокой лестнице, и мне показалось, что мы идем по траве — до того мягким и ворсистым он был. Было ужасно жаль топтать его — после того, как этим вечером по нему пройдутся сотни, а то и тысячи ног, он потеряет свой парадный вид. А он наверняка стоил больше, чем наши с Джеммой драгоценности вместе взятые.

Я поделилась с кузиной этой мыслью, но она только хмыкнула в ответ:

— Право же, Сандра, это такая ерунда! Его величество может менять ковры во всём дворце хоть каждый день. А ты вместо того, чтобы думать о подобных глупостях, лучше бы была более внимательна к тем, кого мы тут встречаем. Некоторые молодые люди разглядывают нас слишком пристально. Ах, это даже неприлично!

Но, несмотря на внешнее возмущение, было видно, что подобное внимание ей весьма польстило. Правда, она не знала, насколько знатны были эти пока незнакомые нам кавалеры, но первый шаг к покорению Лимы был сделан.

— Уверена, после сегодняшнего бала о нас будут говорить, — шепнула она мне на ухо.

Лучше бы она мне этого не говорила. Как только я подумала о том, сколь многие станут оценивать нас на этом балу, так тут же споткнулась. Папенька подставил мне руку и ободряюще улыбнулся.

В бальной зале было столько народа, что мне стало трудно дышать. Я не понимала, как кто-то в здравом уме захочет здесь танцевать. Все места рядом с пока еще пустующим тронem и окнами

были заняты, и мы притулились возле одной из колонн недалеко от входа. Джемма то и дело оглядывалась, пытаясь отыскать в толпе герцога де Ламара. И скоро ее поиски увенчались успехом.

Его светлость стоял довольно далеко от нас в окружении увешанных орденами генералов. Кузина сразу воспряла духом, увидев, что рядом с объектом ее симпатии не оказалось ни одной молодой девицы, а те женщины, которые время от времени подходили к нему, находились уже не в том возрасте, чтобы к ним ревновать.

— Ты видела, да? — щеки Джеммы порозовели. — Он посмотрел в нашу сторону. Думаю, он ожидал нашего появления. Как ты полагаешь, могу я надеяться на то, что он пригласит меня на первый же танец?

Я полагала, что ей вообще не следовало надеяться на танец с герцогом — по крайней мере, на этом балу. Быть может, когда мы станем гостями в его дворце, он и окажет кузине подобный знак внимания, но рассчитывать на это сейчас было верхом легкомыслия. Наверняка, все танцы его светлости давно уже расписаны.

Но Джемме я этого не сказала.

Я украдкой разглядывала наряды стоявших рядом дам и радовалась тому, что мы появились во дворце в новых платьях — те, что мы привезли с собой из Суреля, смотрелись бы здесь нелепо. Я заметила, что почти все молодые девушки предпочли наряды пастельных тонов, и только Джемма и еще несколько гостей выбрали более яркие краски.

— Говорят, его величество не любит балы, — с сожалением заметила кузина. — Я слышала, иногда он вовсе не танцует.

Я едва сдержала улыбку. Не мечтала ли она о танце с самим королем?

Я тоже была наслышана о том, что его величество был чужд праздных развлечений. Он вступил на престол в совсем юном возрасте, рано лишившись родителей, и это наложило отпечаток на его характер. Все, кто имел честь бывать при дворе, отзывались о нём как о весьма ученом муже и блестящем дипломате.

— Как жаль, что этот бал проходит в самом начале сезона, — вздохнула Джемма. — Мы еще ни с кем почти не знакомы. Ты же понимаешь — этикет не позволяет приглашать на танцы девушек, с

которыми кавалер не знаком. Если мы простоим все танцы у этой колонны, это будет такой позор!

— Не беспокойся, дорогая, — вмешалась тетушка. — Маркиза Ксавье непременно представит нам парочку достойных молодых людей.

Джемма немного взбодрилась. Мне же были неприятны подобные разговоры. Я не считала нужным кому-либо что-либо доказывать и на первом своем балу предпочла бы просто понаблюдать за другими гостями.

Церемониймейстер стукнул жезлом о пол, призывая собравшихся к молчанию.

— Ах! — воскликнула кузина и испуганно прикрыла рот ладошкой.

Мне показалось, что от волнения она была близка к обмороку.

— Его величество Этьен Третий — король Линарии и сопряженных земель! — возвестил церемониймейстер.

Мужчины склонились, а женщины застыли в реверансах.

Мы с Джеммой тоже присели. Я не знала, как долго нужно было находиться в церемонном поклоне, и спустя несколько мгновений осмелилась приподнять голову. И тут же едва не лишилась чувств.

Мужчиной, которого приветствовали столь почтительным образом, был шевалье де Монкур!

5. Сомнения

Сначала я подумала, что мне поблазнилось. Волнение, духота в зале, тайное желание увидеть шевалье — вот и приняла желаемое за действительное. Я даже незаметно ущипнула себя. Но видение не исчезло.

Шевалье де Монкур в дорогих, украшенных вышивкой и драгоценными камнями одеждах, шел по проходу к трону, время от времени чуть наклоняя голову, чтобы поприветствовать своих подданных.

К тому же, вытянувшиеся лица кузины и тетушки сказали мне о многом. Если мне и привиделось что-то, то и им явно привиделось то же самое.

Графиня Маршаль не выдержала первой.

— Разве это не тот самый молодой человек, что был у нас с визитом? — тихо спросила она и поднесла лорнет к лицу.

Папенька крикнул, но ничего не ответил. Здесь было неподходящее место для обсуждений той особы, которую нам всем сейчас хотелось обсудить.

Хуже всех восприняла ситуацию Джемма — она так побледнела, что стоявшая рядом незнакомая нам дама предложила ей нюхательную соль.

— Вполне понимаю ваше волнение, мадемуазель. Помню, когда я впервые увидела короля (это было отец нашего нынешнего величества), то чувствовала себя ровно так же, как вы.

А у Джеммы не нашлось сил даже на то, чтобы поблагодарить даму за такое участие.

Его величество уже сидел на троне, а герцог де Ламар стоял подле него. И если до этого момента у нас еще оставались какие-то сомнения относительно увиденного, то теперь они испарились.

Даже всегда невозмутимый папенька заметно нервничал. Должно быть, он, как и я, как и Джемма, прокручивал в памяти каждую минуту нашего общения с шевалье, пытаюсь понять, не допустили ли мы какой оплошности, которая была бы неважна прежде, но становилась вопиюще важной сейчас. Ах, ну конечно же, допустили! Я не была

знатоком великосветского этикета и просто поступала так, как мне подсказывало сердце.

Ах, как стыдно мне было сейчас за то, что я осмелилась пожалеть того, кто в этой жалости совсем не нуждался. У меня запылали щеки, как только я вспомнила, как пыталась поддержать шеваляе во время наших бесед, и как боялась, что его может обидеть бесцеремонность кузины.

На смену стыду пришла обида. Как он мог так поступить с нами? Должно быть, уезжая от нас, он смеялся над нашим гостеприимством. Быть может, даже рассказывал о нас приближенным вельможам. Провинциалы, не сумевшие узнать своего короля!

Теперь, возвращаясь к своим мыслям о возможном браке с шеваляе, я едва не плакала от досады. Как я могла подумать, что он всерьез мной увлечен? И, быть может, я не только думала об этом, но и позволила заметить свои чувства самому шеваляе? Ах, если так, то обо мне станут говорить по всей Лиме! Провинциальная дурочка, вообразившая себя предметом симпатии самого короля!

Наверно, выглядела я неважно, потому что папенька спросил:

— Может быть, вы с Джеммой хотите вернуться домой?

Да, я очень этого хотела!

Но тетушка прошипела:

— Ты с ума сошел! Как можно уйти с королевского бала раньше нескольких танцев? Об этом тут же доложат его величеству. Если девочки чувствуют себя дурно, можно выйти в сад и попросить лакея принести воды.

Именно так я и вознамерилась поступить. Выйти в сад и просидеть там до самого окончания бала. А потом, вернувшись домой, уговорить папеньку оставить Лиму и отправиться в Сурель.

Но даже этого я не сумела сделать. Заиграла музыка, и гости отступили к стенам, высвобождая центр зала.

Король поднялся.

— Его величество желает танцевать! — пронесся по залу изумленно-восторженный шепот.

Почтенные дамы и седовласые мужчины засуетились, выставляя вперед своих дочерей и племянниц, которые вытянулись в струнки и нацепили на лица самые широкие улыбки, какие только смогли подобрать.

Даже я — невежда в правилах дворцового этикета — понимала, насколько значим был именно первый танец на первом в сезоне балу. Девушка, которую король удостоит своим вниманием, сразу выделится в общей толпе.

Я понятия не имела, как происходит выбор партнерш на балах подобного уровня. Делает ли выбор сам его величество, или специальные люди составляют списки достойных этого особ. В любом случае, я понимала, что такие решения принимаются не сгоряча, а задолго до самого мероприятия, и желание стоявших рядом девиц привлечь внимание короля показалось мне немного смешным.

Впрочем, мне ли было осуждать их?

А его величество, меж тем, шел по залу в нашу сторону.

— Он идет к Энрике де Крелон! — пискнул кто-то за моей спиной.

Я не знала, кем была мадемуазель де Крелон, но сразу угадала ее среди собравшихся. Красавица-блондинка в роскошном серебристом платье стояла неподалеку от нас. На губах ее играла легкая улыбка, готовая вот-вот смениться торжеством.

Но, как ни странно, его величество вдруг изменил направление движения и, повернувшись, остановился прямо подле нас.

Я чуть пошатнулась, и папенька поддержал меня под локоть. Мы с его величеством встретились взглядами. Не знаю, что он прочитал в моем, но я в его увидела совсем не насмешку, а раскаяние и робкую (да-да!) надежду.

— Мадемуазель де Сурель, вы подарите мне этот танец?

6. Танец

Я не запомнила, как мы вышли в центр зала, как замерли в позах, соответствующих началу танца. Я ужасно боялась допустить какую-нибудь ошибку — перепутать фигуры, сделать неловкое движение, оступиться. К счастью, этого не случилось — наш учитель танцев из Суреля знал свое дело, и мы с Бланш, наверно, смогли бы танцевать даже во сне.

Со всех сторон я видела обращенные на нашу пару взгляды — изумленные, любопытные, осуждающие. Но мне претило такое внимание. Теперь, когда стало ясно, что шевалье де Монкур — совсем не шевалье, я предпочла бы более вовсе не встречаться с ним.

Мне хотелось скорее забыть о своих глупых мечтах, и я не понимала, зачем его величество пригласил меня на этот танец. Я не смогла выдавить из себя даже самую жалкую улыбку и, конечно, не осмелилась произнести ни слова.

Его величество первым начал разговор.

— Прошу вас, простите меня, мадемуазель, если своим обманом я вас невольно обидел. Поверьте, я этого совсем не хотел. Когда я приехал в ваше поместье, я и подумать не мог, что встречу там девушку, чье мнение станет столь важным для меня.

Он замолчал, явно ожидая от меня хоть какого-то отклика. И я спросила тихонько:

— Ваше величество, но зачем вам потребовался этот маскарад?

И сразу же почувствовала жар на щеках — не прозвучало ли это слишком дерзко? Король волен делать то, что ему заблагорассудится, он не обязан был объяснять мне мотивы своих поступков.

Но он ответил.

— Я всего лишь хотел увидеть Линарию такой, какой ее видят мои подданные, а не из окна золоченой кареты. Если бы я отправился в путешествие не инкогнито, а под своим настоящим именем, то повсюду встретил бы лесть и показное радушие. А так я оставался в тени его светлости — именно Ламару оказывалось внимание хозяевами тех замков, где мы останавливались. Меня же никто не замечал. Это было непривычное и весьма любопытное ощущение. К

тому же, оказывать прием королю было бы слишком обременительно для большинства из линарийских дворян. Поверьте, я совсем не любитель светских церемоний, и был рад обойтись без них.

Я не могла не признать справедливость его слов. А то, с какой тайной грустью он их произнес, заставило мое сердце затрепетать от жалости.

Быть может, рядом с ним было слишком мало людей, которые могли говорить ему правду, и которые ценили бы его не за то, что он облечен властью, а за его личные качества.

— Вы же простите меня, правда?

Мне показалось, что мой ответ был важен для него. И я ответила коротко:

— Да.

И забыла добавить «его величество».

Но он совсем не обиделся. Наоборот — когда я всё-таки решилась на него посмотреть, то увидела в его взгляде не уверенность, не торжество, а тихую радость — ту самую, которую я замечала у него прежде — тогда, когда он был для меня простым шевалье.

Танец закончился, и наш разговор тоже. Но я успела задать еще один вопрос:

— Вы не обидитесь, ваше величество, если мы с отцом покинем бал, не дожидаясь его завершения? События сегодняшнего вечера оказалась для меня слишком волнительными.

Мне многое необходимо было обдумать, а делать это в переполненном зале было невозможно. В добавок ко всему, я понимала, что стоит мне оказаться вдали от его величества, как гости станут разглядывать меня с куда большей бесцеремонностью, и вряд ли дело ограничится только взглядами. Я не сомневалась, что меня уже обсуждают и осуждают, и не хотела слушать шепотки и насмешки за своей спиной.

— О нет, прошу вас, оставайтесь! — кажется, его величество был взволнован не меньше меня. — Я понимаю, здесь многолюдно и душно, но вокруг дворца — чудесный сад, и я буду рад, если вы сочтете возможным по нему прогуляться. Сам я, к сожалению, вынужден исполнять свои обязанности хозяина и пока не могу оставить гостей, но я хотел бы сегодня снова увидеть вас в этом зале.

Я наклонила голову, не в силах ему отказать.

Его величество сопровождал меня до той колонны, где стояли мои родные, и поблагодарил меня за танец.

— Давайте выйдем на свежий воздух! — пролепетала я, когда его величество удалился.

Боюсь, без поддержки отца я не смогла бы сделать и нескольких шагов. Но так, опираясь на его всё еще крепкую руку, я вышла из зала. Какой-то мужчина в красивой ливрее провел нас по длинным коридорам и отошел на приличное расстояние, когда мы, наконец, оказались в саду.

Но когда я ожидала найти на улице тишину и спокойствие, то я ошибалась. В саду было довольно много гуляющего народа, и почти все, мимо кого мы проходили, разглядывали меня без всякого стеснения. Повсюду нас сопровождал сдержанный шепот, и я не сомневалась, что мне не понравились бы те слова, доведись мне их расслышать.

Впрочем, через некоторое время я обнаружила, что мы-таки остались одни — я, папенька, и тетушка с Джеммой. Мы как-то незаметно прошли в ту часть сада, куда не допускались посторонние. Я даже испугалась, что мы нарушили какой-то негласный запрет. Но, оглянувшись, увидела, что в нескольких десятках шагов от нас маячила фигура того самого слуги, что так любезно нас сопровождал. Значит, в этот вечер нам позволили несколько больше, чем другим гостям. Эта мысль была волнительна и отчего-то приятна.

Но долго думать об этом мне не позволила кузина.

— Ты узнала его, Сандра! — выдохнула она и разрыдалась. — Признайся — ты сразу узнала его еще в Суреле, потому и выделила его. А я, глупенькая, еще удивлялась, что интересного ты могла найти в каком-то шевалье!

— Джемма, что ты такое говоришь? — изумилась я. — Как я могла узнать человека, которого никогда не видела?

— Ты могла узнать его по гравюрам из геральдического вестника! Не зря же ты столько времени проводила в библиотеке! Но ты должна была меня предупредить! Тогда я не вела бы себя так вопиюще невежливо. Тебе должно быть стыдно, что ты решила выделиться за счет меня!

Подобные обвинения были нелепы, и думаю, Джемма понимала это сама, потому что она довольно быстро перестала меня упрекать, но

еще очень долго заливала слезами и свое, и мое платье. Мы сели на скамейку, и кузина уткнулась головой мне в плечо.

— Ах, Сандра, как я могла не заметить его благородства? Да одних только выправки и уверенности в суждениях должно было хватить, чтобы понять, что перед нами — человек высокого ранга. Уверена, его величество никогда не простит мне тех оскорбительных замечаний, что я ему сделала.

При этих словах тетушка испуганно закудаhtала, и мне пришлось успокаивать еще и ее. Папенька наблюдал за нами с привычной ироничной усмешкой.

Мы провели в саду не меньше часа, и я с удовольствием осталась бы тут и дольше, но слуга в ливрее подошел к нам чуть ближе и с поклоном произнес:

— Его величество просит вас вернуться в зал.

7. Невеста короля

Оказалось, что настало время того танца, после которого его величество обычно оставлял бальную залу, давая возможность гостям повеселиться в более непринужденной обстановке. Я шла за слугой по коридорам, одновременно ожидая и боясь того, что король пригласит на этот танец именно меня. Быть может, это было слишком самонадеянным, но для чего бы еще он позвал меня в зал.

Мое первое волнение улеглось, и я готова была противостоять толпе, которая, совсем не зная меня, уже наверняка аттестовала меня не в самом лучшем свете. Мне нравился молодой человек, которого я знала как шевалье де Монкура, и разве должна была я поменять свое мнение о нем лишь потому, что он оказался королем?

Музыка заиграла как раз в тот момент, когда я вернулась в залу, и его величество тотчас же оказался рядом.

На сей раз во время танца нам пришлось несколько раз обмениваться партнерами, и каждое такое расставание было мне неприятно. Зато я сумела почувствовать, сколь много значило в свете внимание короля — незнакомый мне мужчина, с которым я вынуждена была провести часть этого танца, улыбался мне столь заискивающе, что я почувствовала себя неловко. Вдобавок ко всему четвертой танцующей в нашем квартете оказалась мадемуазель де Крелон, и ее взгляды на меня не отличались дружелюбием.

Но танец закончился, и его величество, поцеловав мне руку, сказал, что будет надеяться на нашу новую встречу. Он, как и ожидалось, удалился из залы, и сам бал вмиг потерял изрядную часть своего великолепия.

Хотя музыка еще звучала, а танцы продолжались, многие гости потянулись к выходу — покинуть бал сейчас уже не считалось моветоном, и те, кто не любил светские развлечения и присутствовал здесь только из уважения к королю, предпочли поехать домой. В их числе оказались и мы. Против этого не протестовала даже Джемма — она была не в том состоянии, чтобы танцевать, и бал уже не доставлял ей радость. Нужно ли говорить, что нашу карету ко крыльцу подали первой, и нам совсем не пришлось ждать?

Всю дорогу до нашего особняка мы провели в молчании. И даже когда встретить нас выбежала Бланш, я в ответ на ее расспросы только покачала головой — утром, я расскажу всё утром.

Мне едва хватило сил снять платье и украшения, и едва упав на кровать, я сразу же погрузилась в сон. И снился мне бал, на котором я снова и снова танцевала с его величеством.

— О, это правда, что шевалье де Монкур оказался королем? — когда я проснулась, Бланш уже сидела у меня на кровати. — Кто бы мог подумать, что такое возможно? Да-да, Джемма мне всё рассказала! Она так расстроена из-за того, что была с ним не очень вежлива. Но кто же в этом виноват, кроме нее самой, правда? Надеюсь, в следующий раз она не станет судить о людях по одежке.

Я улыбнулась и кивнула. Почему-то я была уверена, что его величество не затаил на Джемму зла, а вот для нее эта история могла стать хорошим уроком.

— Но что же будет теперь, Сандра? Если его величество так явно проявил свой интерес к тебе, то это должно иметь какие-то последствия.

А вот на этот вопрос ответить я не могла. Следующий бал, на который мы были приглашены, должен был состояться во дворце герцога де Ламара, но я была уже не уверена, что хочу туда пойти.

Не успели мы позавтракать, как в наш особняк потянулись визитеры. Поскольку мы еще не принимали, они ограничивались тем, что оставляли лакею свои карточки и многочисленные приглашения на светские мероприятия самого разного уровня — балы, музыкальные и поэтические вечера и просто обычные салоны. Кто бы мог подумать, что два танца на королевском балу сделают нас столь популярными?

Даже Джемма немного взбодрилась, сразу оценив все перспективы такого насыщенного выездами сезона. Бланш тоже повеселела — папенька посчитал, что на некоторые дневные мероприятия мы можем брать с собой и ее.

И только я пребывала в некотором смятении. Да, свет жаждал знакомства со мной, но только в качестве кого он меня воспринимал? На серьезные отношения с его величеством я надеяться пока не могла, а становиться одной из его фавориток я не собиралась. Да-да, несмотря на свою неопытность, я знала о том, что многие монаршие особы не стеснялись окружать себя женщинами, с которыми не были

связаны узами брака (я читала о таком в тех легкомысленных романах, которые в Сурель привозила Джемма).

Впрочем, не прошло и нескольких дней, как мои сомнения были развеяны. Его величество нанес нам визит, причем он пожелал увидеться не со мной, а с папенькой. Бланш сообщила мне об этом, подпрыгивая от нетерпеливого любопытства.

— Ах, Сандра, как ты думаешь, зачем он приехал? Чтобы попросить твоей руки?

Я только вздохнула. Бланш была слишком юна и наивна, чтобы осознавать, сколь сложным был бы для короля подобный шаг.

Но, как ни странно, сестра оказалась права, и через полчаса папенька пригласил меня в гостиную, где он беседовал с его величеством, чтобы сообщить мне, что король сделал мне предложение. Я не нашлась, что сказать в ответ, и папенька тактично удалился, давая нам возможность поговорить наедине.

— Ваш отец сказал, что он дает согласие на наш брак, если у вас не будет к тому возражений.

Его величество находился на другом конце комнаты и не делал попыток приблизиться, за что я была ему благодарна. Я не хотела, чтобы он заметил мои робость и смущение. Я понимала, что должна что-то ответить, но слова словно застыли на губах.

— Значит, вы против? — голос его величества дрогнул.

А я, наконец, опомнилась и воскликнула:

— Нет, конечно, нет, ваше величество! Но я не хотела бы, чтобы вы принимали столь важное решение столь скоро — быть может, вы станете о нём сожалеть. Вы — король Линарии, а я — всего лишь дочь маркиза. Такой брак не сулит вам никаких политических выгод.

Я говорила от души, хотя каждое слово давалось мне с большим трудом. Больше всего на свете я хотела бы стать его женой — нет-нет, не королевой, а всего лишь женой человека, который понравился мне с первого взгляда. Но я не могла не осознавать, сколь сильное неудовольствие такой союз вызовет в свете. Его величество мог заключить куда более полезный для страны брак с принцессой одного из соседних государств, укрепив, тем самым, силу Линарии.

— Но разве не сулит он мне простого человеческого счастья? — спросил его величество.

На это у меня не нашлось возражений.

На следующий же день мы прошли проверку на совместимость наших магий — это было обязательное условие заключения любого королевского брака. Впрочем, ни я, ни его величество (мысленно я уже начала называть его Этьеном, хотя еще не решалась произнести это имя вслух) в этой совместимости ничуть не сомневались.

О нашей помолвке было объявлено как раз на балу у герцога де Ламара. Общество было не просто изумлено — оно было шокировано. Неподходящая пара, провинциальная выскочка, невежда, ничего не смыслящая в светском этикете — чего только я не услышала за своей спиной. Но, как ни странно, это почти не волновало меня. Когда я стану королевой, эти люди станут искать моего расположения с той же настойчивостью, с какой сейчас пытаются меня оскорбить.

Неожиданно горячую поддержку я получила от кузины. Оказалось, что родство с будущей королевой сильно повысило ее шансы удачно выйти замуж, и теперь, где бы она ни появлялась, ее удостаивали вниманием самые блестящие кавалеры Лимы. И, кажется, герцог де Ламар уже готов был сделать ей предложение.

Ну, а в одобрении младшей сестры я была полностью уверена.

— Ты же позволишь мне жить у тебя во дворце? — то и дело спрашивала у меня Бланш. — Ох, как я хочу остаться в Лиме! Мне совсем не хочется расставаться с тобой и возвращаться в Сурель.

Если отец позволит ей остаться со мной, я буду только рада. Мы с детства были очень близки друг с другом, и знать, что рядом находится человек, на которого я всегда могу положиться, было для меня сейчас как никогда важно.

8. Леони де Сурель

Мы с Этьеном хотели пожениться как можно скорее, но это было невозможно — свадьба короля должна была поразить подданных своей пышностью, а это требовало времени на ее подготовку. Необходимо было известить и монархов соседних стран, дабы те смогли прибыть на церемонию или прислать достойные подарки.

Я согла пригласить на свадьбу кого пожелаю, но у меня было не так много родных и совсем не было друзей. Моей лучшей подругой всегда была Бланш, а все близкие мне люди и так были сейчас в Лиме — папенька, Джемма и тетя Клэр.

— Я хотела бы отправить приглашение тете Леони! — сказала я однажды за завтраком и увидела, как вытянулись лица папеньки и тетушки.

О том, что у отца, помимо младшей сестры, были еще старшая и младший брат, я узнала от няни еще в детстве. Няня была уже старенькая и любила вспоминать, как она нянчила нынешнего маркиза де Сурель, а также его брата и сестер. Однажды я спросила о них у папеньки, и он ответил коротко и с видимым неудовольствием — да, у меня есть дядя и еще одна тетя, но где они, никто не знает, и он не советует мне о них говорить, потому что оба они опозорили род де Сурелей, и его покойный отец самолично вычеркнул их из геральдического вестника.

О, я обожала листать эту книгу! Там было описание гербов всех дворянских семейств Линарии и перечисление всех представителей каждого рода с незапамятных времен. И да, имен тети Леони и дяди Матео, в ней не было.

Я поняла, что отец ничего мне о них не расскажет, и чтобы удовлетворить свое любопытство, я пристала с расспросами к няне. А вот она говорила о них охотно.

По ее словам выходило, что в Леони еще с ранних лет проснулась магия целительницы, а роду де Сурель как раз принадлежал амулет, многократно усиливавший эти способности. Долгие годы считалось, что амулет потерял свою силу, когда было утрачено заклинание,

которое его активировало. Но Леони сумела подобрать нужные слова, и амулет признал ее и откликнулся.

«Как королева Алэйна, да? — восторженно спросила я у нянюшки. — Она ведь тоже умела придумывать заклинания!»

«Да, как королева Алэйна, — подтвердила старушка, явно гордясь тем, что ее подопечная оказалась в этом похожа на легендарную королеву Линарии. — Мадемуазель Леони хотела полностью посвятить себя врачеванию, но у вашего дедушки были на нее совсем другие планы. Он нашел ей жениха, которого посчитал достойным, и объявил о скорой свадьбе».

Дальнейшая история казалась мне волнующей и почти невероятной. Леони заявила, что не собирается выходить замуж, тем более — за сына графа Маршала, которого она назвала игроком и мотом. Дедушка оскорбился и заявил, что пока она ест его хлеб, она будет делать то, что он посчитает нужным. Начались приготовления к торжеству, но свадьба всё-таки не состоялась — потому что невеста сбежала.

Она исчезла из замка, не взяв с собой почти ничего (даже смены белья) — ничего, кроме целительского амулета.

Дедушка заявил, что не хочет больше ничего знать о той, которую он перестал считать своей дочерью, хотя время показало, что по крайней мере в отношении своего жениха Леони оказалась права — получив титул графа Маршала, тот промотал всё фамильное состояние, и тетя Клэр с Джеммой сейчас пожинали плоды его мотовства.

Тетя Леони никогда не просила помощи у родных, хотя, наверно, ей пришлось нелегко. И в родное поместье она вернулась лишь однажды, когда узнала о болезни отца. Она приехала предложить старому маркизу свою помощь, но он был слишком горд, чтобы ее принять. Он не пустил дочь даже на порог.

Но, как рассказывала нянюшка, он всё-таки любил Леони, потому что, велев закрыть перед ней ворота, он поднялся на самую высокую башню замка и смотрел на дорогу до тех пор, пока экипаж, в котором уезжала его дочь, не скрылся из вида.

Гордость не позволила ему признать свои ошибки. Более того, она не остерегла его от их повторения. Лишившись старшей дочери, он не стал мягче в отношении других своих детей.

За сына графа Маршала он выдал пусть не старшую, но младшую дочь, а Клэр не обладала сильным характером сестры и не осмелилась возразить. Этот брак никому не принес счастья, в нём не было не только любви, но даже уважения.

Не менее суров дедушка оказался и к моему дяде. Испокон веков младшие сыновья в роду де Сурель обретали себя на военном поприще, и именно этого старый маркиз ждал от Матео. Но более неподходящего для офицерской службы человека трудно было отыскать — как говорила нянюшка, он все свободное время проводил в библиотеке и мечтал поступить в университет и стать ученым. Но такая карьера показалась дедушке недостойной представителя славного рода де Сурелей, и он потребовал, чтобы сын отправился в армию. И никакие доводы Матео не заставили его переменить решение.

Дело закончилось тем же, чем и в случае с Леони, за тем лишь исключением, что молодой человек в замок так и не вернулся. И если о тете мы знали хоть что-то — когда она приезжала в Сурель, то оставила карточку со своим адресом в предместье Лимы, — то о дяде Матео мы не знали ничего.

— Ты с ума сошла, Сандра! — возмутилась тетушка Клэр. — Как тебе в голову могло прийти пригласить Леони на королевскую свадьбу? Она сейчас возвращается в столь низком обществе, что мне стыдно, что она — моя сестра.

Папенька не был столь категоричен, но его ответ мало в чем противоречил ответу тетушки.

— Леони сделала свой выбор, и я не думаю, что она будет рада встрече с нами.

— Но разве ты не хотел бы ее повидать? Давай хотя бы просто съездим к ней — Дижонское предместье совсем недалеко.

Но даже это папенька с тетушкой посчитали неуместным. А у меня не было собственных средств, чтобы нанять извозчика. К тому же, я еще плохо знала Лиму и боялась одна выходить за пределы нашего сада.

Но я подумала, что непременно расскажу о тетушке Этьену после свадьбы — я не хотела ничего от него скрывать. И мы могли бы съездить к ней вдвоем — конечно, инкогнито, — просто, чтобы убедиться, что у нее все хорошо, и она не нуждается в нашей помощи.

9. Непростые обязанности королевы

Я мало что помнила из того дня, когда состоялась наша свадьба. Отложилась в памяти только сильная усталость. Это было связано и с платьем — роскошным, белым, столь щедро усыпанным бриллиантами, что оно казалось мне тяжелым рыцарским доспехом, — и с огромной толпой гостей, которой я должна была улыбаться, и с тем, что я всё время боялась сделать что-то не так.

Во время церемонии важно было в точности следовать и гласно, и негласно установленным правилам, и хотя ко мне приставлен был помощник церемониймейстера, который на каждом шагу подсказывал мне порядок действий, я всё равно волновалась. На торжество в Лиму приехали вся высшая знать Линарии, а еще несколько глав и множество послов соседних государств.

Этьен подбадривал меня и взглядом, и улыбкой, но я продолжала дрожать до самого окончания церемонии в храме. На свадебном пиру было чуть легче — оголодавшие гости набросились на еду и крепкие напитки, и мы с Этьеном даже смогли поговорить.

Меня пугала еще и наша первая совместная ночь, но, как оказалось, совершенно напрасно. Этьен был нежен, и все мои неприятные ощущения были связаны исключительно с моей стыдливостью — я смущалась любопытных взглядов горничных, которые готовили меня ко сну и помогали мне привести себя в порядок на следующее утро.

Я ожидала, что с окончанием дня свадьбы всё станет проще и понятней, но сильно ошиблась в этом — скоро выяснилось, что королева столь же несвободна в своих действиях и желаниях, как какая-нибудь младшая служанка. Мне то и дело напоминали, как я должна одеваться, какими словами приветствовать посетителей, как отвечать на многочисленные письма с поздравлениями и просьбами.

Нам с его величеством дали насладиться друг другом лишь пару дней, а потом мне стали представлять особо высших чиновников, их жен, дочерей и племянниц. Всё началось с первого министра Арно де Крелона. Он появился в моих апартаментах, дабы засвидетельствовать

мне свое почтение, а заодно и замолвить словечко за свою сестру — мадемуазель де Крелон.

— Ваше величество, в самые ближайшее время вы должны будете назначить главную статс-даму королевского двора — именно она будет заботиться о вашем удобстве и руководить статс-дамами и фрейлинами. Позвольте вас заверить, что моя младшая сестра Летиция де Крелон подходит для этой должности как нельзя лучше. Она ответственна, умна и блестяще знает дворцовый этикет.

Признаться, я боялась, что он будет хлопотать за совсем другую особу — за свою дочь Энрику, которую я уж точно не хотела бы держать подле себя.

Я обещала подумать, и он удалился, крайне разочарованный тем, что я не поступила так, как он мне подсказывал.

В тот же день ближе к вечеру я удостоилась визита еще одного чиновника — министра финансов маркиза Гастон Жомини. Он пожаловал вместе с супругой — Ванесс. Она была уже немолода, но имела приятную внешность и не менее приятные манеры.

— Вам понадобится утвердить целый штат фрейлин и статс-дам, ваше величество, — сказала она после того, как супруг представил ее должным образом. — Думаю, вы понимаете, ваше величество, насколько важно окружить себя по-настоящему преданными вам людьми.

Я кивнула, хотя пока не очень понимала все эти дворцовые хитрости. В число моих приближенных может затесаться девица, подосланная врагами Линарии? Эта мысль показалась мне смешной, и я невольно улыбнулась, чем вызвала осуждающее покачивание головы министра финансов.

— Напрасно вы не верите нам, ваше величество. Вы еще слишком юны и не понимаете, какие игры могут развернуться за вашей спиной. Поверьте — есть люди, которые пойдут на что угодно, чтобы скомпрометировать вас и перед его величеством, и перед вашими подданными.

— Скомпрометировать меня? — переспросила я удивленно. — Но зачем? У меня нет врагов.

Они переглянулись, пораженные моей наивностью. Ответила мне маркиза:

— Ах, ваше величество, у любого лица в вашем положении есть враги. Я не хотела затрагивать этот вопрос, но вынуждена вас предупредить — не все при дворе были довольны выбором, который сделал его величество, но сейчас они сделают всё, чтобы завоевать ваше расположение. Они будут льстить вам в лицо, но поднимут камень, стоит вам отвернуться. Именно поэтому крайне важно, чтобы в вашем окружении было как можно меньше таких людей. К сожалению, полностью избежать их присутствия в штате ваших придворных не получится, но можно хотя бы не допустить их до главных женских должностей.

Мне было трудно это понять, и я решила пока воздержаться от каких-бы то ни было назначений — сначала стоило обсудить всё с Этьеном.

— И сколько таких должностей при дворе? — кое в чём мне всё-таки нужно было разобраться.

Маркиза Жомини охотно начала перечислять:

— Главная статс-дама, пять статс-дам — все они, как правило, выбираются из семей высшего дворянства, получают жалованье и имеют знаки отличия, и пятнадцать фрейлин — эти обходятся без жалованья и довольствуются столом и проживанием во дворце.

— Пятнадцать фрейлин? — еще больше изумилась я. — Но что же они делают?

Теперь улыбнулась и маркиза:

— О, ваше величество, у них много обязанностей. Кто-то будет отвечать за ваше рукоделие — подаст вам пяльца или подходящие по цвету нитки. Кто-то — за подбор драгоценностей к платью. Кто-то станет отвечать за вас на простую корреспонденцию. Кроме того, любая из дежурных фрейлин будет готова выполнить любое ваше распоряжение — захочется ли вам, чтобы она почитала вам книгу или развлекла вас музыкой или пением.

Дома всё это я делала сам, но я не стала возражать, дабы лишней раз не показать себя дремучей провинциалкой.

Из всех этих разговоров я поняла одно — при дворе было, как минимум, две противоборствующие партии, возглавляли которые как раз герцог де Крелон и маркиз Жомини. Но если эти люди думали, что я стану поддерживать кого-то из них, то они ошибались. Именно так я и сказала маркизу.

— Я не хотела бы вмешиваться ни в дела его величества, ни в государственные дела. Я далека от политики и во всём стану полагаться на мнение мужа.

Супруги Жомини снова переглянулись.

— Это весьма похвально, ваше величество, — ответил мне с поклоном министр финансов, — но, поверьте, у вас вряд ли это получится. Это большая игра, ваше величество, и вам придется в нее играть, и чем лучше вы разберетесь в правилах, тем больше будет шансов на выигрыш.

10. Тетя Леони

Когда я рассказала Этьену о нелегком выборе, который мне предстояло сделать, он только посмеялся.

— Если ты боишься обидеть моих министров, то совершенно напрасно. Ты им ничем не обязана — это они должны угождать тебе, Лесси, а не ты им.

Только он называл меня Лесси, и это так ласкало слух! Но ему легко было рассуждать так о своих придворных, для меня же они представлялись грозной силой, с которой я пока вынуждена была считаться.

— Ты не сможешь быть хорошей для всех, дорогая. Если ты выберешь сестру де Крелона, то обидятся Жомини, если выберешь кого-то из клана Жомини, обидятся Крелоны.

— А если я выберу кого-то третьего? — высказала я робкую идею.

Этьен отодвинул в сторону тарелку с остатками орехового пирожного и сказал совсем не то, на что я рассчитывала:

— Тогда обидятся и те, и другие. Поэтому просто познакомься со всеми дамами, которые подходят для этой должности, и выбери ту, которая тебе больше понравится.

— Но зачем мне пятнадцать фрейлин? — вспомнила я про другой вопрос, который меня волновал. — Если мы сократим численность наших придворных, простой народ скажет нам «спасибо». Тратить немалые средства на содержание девушек, которые будут всего лишь подавать мне мотки шерсти или советовать, какое ожерелье надеть к новому платью, — непозволительная роскошь.

Этьен снисходительно махнул рукой:

— Поступай, как знаешь, дорогая. Но не забудь, что для некоторых из этих девушек служба при дворе — единственный источник дохода для их семей. Рассчитав их, ты обречешь их на голод.

И так было с каждым решением, которое мне приходилось принимать — требовалось учесть столько всяких мелочей, что у меня голова шла кругом.

Когда я познакомилась с сестрой герцога де Крелона, то сразу отвергла ее кандидатуру — она показалась мне слишком властной и педантичной — боюсь, она вымуштровала бы не только фрейлин, но и меня саму. В этом смысле мне куда больше понравилась маркиза Жомини, и хотя я не была уверена в правильности своего выбора, я всё-таки сделала его в пользу маркизы.

Ее светлость знакомила меня с придворными и давала весьма ценные советы, ежедневно приучая меня к дворцовому этикету.

Но куда больше приемов и балов мне нравились дела совсем другого толка — обязанностью королевы было раз в месяц принимать просителей, стекавшихся во дворец со всей Линарии. «Жалобщиков» — как их однажды назвал герцог де Крелон. Для него они и были жалобщиками, обременявшими королевский двор своими просьбами, которые с высоты положения первого министра казались слишком мелкими. Для меня же эти обращения становились тем немногим, чем я реально могла помочь своим подданным. И я охотно выслушивала всех и принимала в их делах самое деятельное участие.

Меня радовало и то, что Этьен и сам был не чужд проблем простого народа — как и прежде, он часто в простой одежде выезжал из дворца, чтобы лучше разобраться в том, что волновало крестьян, ремесленников и купцов. Иногда мы выходили в город вместе, и эти прогулки становились для меня настоящей отдушиной.

Там, за пределами дворцовых стен, даже воздух, казалось, был чище. И мы с Этьеном были одни, без докучливых фрейлин и министров. Конечно, я догадывалась, что нас повсюду сопровождали офицеры королевской стражи, но они не приближались к нам и старались оставаться незаметными. Хотя одного из них — серьезного молодого человека с белокурыми волосами и едва заметным пушком над верхней губой, я уже научилась выделять из толпы — судя по всему, Этьен особенно ему доверял.

Во время одного из таких выездов я попросила мужа съездить в Дижонское предместье — мне ужасно хотелось познакомиться с тетей Леони. Но в первый наш визит к ней я так и не решилась признаться, кто я такая. Мы просто разыскали ее дом и на его крыльце увидели ее саму — невысокую крепкую женщину с сильными руками и коротко стриженными курчавыми волосами. У нее была смуглая кожа и цепкий взгляд.

— Ты уверена, Лесси, что это — твоя тетя? — засомневался Этьен.

Но, судя по тому, что я слышала о ней от няни, это как раз она и была. Она не гнушалась мужской одежды и прекрасно обходилась без мужчин. Они с тетей Клэр были столь непохожи друг на друга, что я вполне понимала удивление Этьена.

— Неужели ты решилась к ней съездить? — ахнула Бланш, когда я рассказала ей о поездке. — Но стоило ли делать это, Сандра?

Я удивилась:

— Почему нет? По крайней мере, я убедилась, что у нее всё в порядке. Если хочешь, в следующий раз я могу взять тебя с собой.

Но трусишка Бланш только покачала головой:

— Ох, нет! И давай не будем рассказывать об этом папеньке и тете Клэр — боюсь, они этого не поймут.

Конечно, такие прогулки по городу без надлежащих церемоний и достойной охраны вызывали недовольство среди приближенных к его величеству чиновников — и первый министр, и министр финансов, и военный министр неоднократно просили Этьена быть осторожнее. Но он продолжал изучать город и страну так, как считал нужным. И позволял это делать и мне.

Хотя мадам Жомини тоже часто пеняла мне на такое поведение, неподобающее королеве, и я даже обещала ей над ним подумать.

Но стоило мне только вспомнить, как много важных дел мы находили во время вроде бы самых обычных поездок по городу, и я понимала, что не готова от этого отказаться. Так, в бедном пригороде Лимы, где проживали ремесленники, мы увидели разрушенную водонапорную башню, на ремонт которой у местного населения просто не было средств, и жители квартала вынуждены были носить воду издалека или набирать застоявшуюся воду в ближайшем пруду. Из-за отсутствия нормальной питьевой воды в квартале начались болезни. Едва вернувшись во дворец, Этьен распорядился отремонтировать башню за счет королевской казны, и вопрос был решен за несколько дней.

А в небольшом городке Рулане мы случайно услышали, что некий меье Поршаль выйдя в отставку с чиновничьей службы, взялся учить местных детей грамоте — уроки его пользовались большой популярностью, хотя и проходили под открытым небом даже в

холодную погоду. Желаящих научиться читать и писать было так много, что месье Поршалю приходилось работать в две смены — при этом он не получал никакого жалования. Эта история так поразила его величество, что он намекнул местному градоначальнику поддержать столь полезное начинание, что и было сделано незамедлительно — в местной ратуше под школьный класс выделили большой и светлый кабинет, а месье Поршалю назначили ежемесячное пособие.

Подобные дела мне казались куда более важными, чем то, чем я занималась во дворце. Досужие разговоры с фрейлинами, приёмы, на которых говорилось то, что полагалось, а не то, что хотелось сказать, занимали много времени, но приносили мало пользы.

И я всё-таки поехала в Дижонское предместье снова — Этьен тогда отправился на охоту куда-то в горы, и я решила прогуляться по городу в одиночестве. Точнее, не совсем в одиночестве, а в сопровождении своей камеристки Джанет и того самого молчаливого светловолосого офицера, что тенью маячил на расстоянии нескольких шагов от нас. Может быть, страж был и не один, но остальных я не знала в лицо.

В небольшой, окруженный розами домик тети Леони, как и в прошлый раз, то и дело заходил народ — судя по всему, старшая сестра папеньки продолжала заниматься знахарством, и ее услуги были весьма популярны. По крайней мере, еще за несколько кварталов до этого места я услышала разговор двух женщин, одна из которых настоятельно рекомендовала другой обратиться за нужным снадобьем к Лео с улицы Ткачей.

На этот раз я решилась с Леони заговорить. Нет, я всё еще не была уверена, что смогу назвать ей себя, но почему бы мне не спросить у нее, например, какого-нибудь травяного отвара от головной боли?

Но врать мне не пришлось. Когда я подошла ко крыльцу, тетушка перебирала какие-то засушенные растения. Она подняла голову на звук моих шагов и прищурилась, разглядывая меня.

— Здравствуйте! — кажется, я сказала это слишком тихо, но она услышала.

И в ответ сказала то, от чего я густо покраснела.

— Добрый день, ваше величество!

Если она поняла, что перед ней — королева, то поняла и то, что я — ее племянница. Вся Линария знала, из какого рода взял себе жену

его величество. И мне стало мучительно стыдно за то, что я так и не заехала к ней перед свадьбой.

— Что привело вас в мое скромное жилище, ваше величество?

Ее почтительность была скорее напускной, чем искренней, а во взгляде ее я читала смесь недовольства из-за того, что ее оторвали от работы, и легкого пренебрежения к тому слою общества, о котором она предпочла забыть.

— Я хотела познакомиться с вами, — я помедлила немного и всё-таки добавила, — тетя Леони.

Она хмыкнула, пожала плечами — дескать, ну что же, заходи, раз пришла, — и распахнула передо мною дверь. И я вошла в небольшую, скромно обставленную гостиную, где царил беспорядок и сладко пахло травами, еще не догадываясь, что эта женщина, которую я видела второй раз в жизни, скоро станет для меня самым близким человеком на свете.

11. Магия Эллинаров

В саду, что зеленым браслетом обвивал королевский дворец, был пруд ровной круглой формы, в центре которого бил такой высокий и мощный фонтан, что струи его взлетали над деревьями. Именно в этом источнике — тщательно охраняемом от посторонних глаз — крылась магическая мощь королевской династии Эллинаров.

Давным-давно, почти семь столетий назад, во время крупного восстания, когда бунтовщики подняли руку на маленького сына короля, вода ушла из источника, и пруд пересох. А вместе с волшебной водой Линария лишилась и изрядной части своей магической энергии. Сильных магов в стране рождалось всё меньше и меньше, и для применения самых простых заклинаний требовалось применение всё более и более мощных амулетов. Некогда великая магия воды сменилась магией амулетов, которые усиливали ту слабую магию, что еще осталась в тех, в ком текла благородная кровь.

Во всей Линарии насчитывалось не более сотни таких амулетов, и каждый из них был бесценным. Когда-то в каждом дворянском роду был хотя бы один амулет, но постепенно обедневшие семейства продавали или закладывали свои сокровища, и сейчас большая часть из них была сосредоточена в королевской казне.

Этьен показывал мне их — они хранились в особом помещении, по соседству со слитками золота и драгоценными камнями. Каждый амулет требовал своего заклинания, а поскольку тексты многих из них были утеряны, то амулеты потеряли свою силу и по большей части пылились без дела.

Двести лет назад юная королева Алэйна вернула магию в королевский источник, и с тех пор магическая мощь Линарии возрастала с каждым годом. Именно Алэйна доказала, что по-настоящему сильные маги могут придумывать заклинания для амулетов сами. Но, к сожалению, помимо самой королевы, этим умением обладали немногие.

Этьен говорил, что он умел это в детстве — когда еще не владел грамотой и не мог ничего записать. Он сочинял заклинания, и давно лежавшие без дела амулеты вдруг обретали былую силу. Но потом этот

дар в нём исчез, и теперь ему самому иногда казалось, что всё это ему приснилось.

Мы с мужем часто гуляли возле королевского источника. Этьен чувствовал себя рядом с ним превосходно, я же в этой части сада постоянно ощущала тревогу — словно магия Эллинаров меня к себе не подпускала.

— Не расстраивайся, — утешал меня всякий раз Этьен, — матушка рассказывала мне, что у нее в первые годы замужества были похожие ощущения. Но потом источник принял ее и подпитывал ее своей силой.

Я кивала, пытаюсь улыбнуться. Мне хотелось думать, что так оно и будет. Я привыкну к источнику, а источник привыкнет ко мне.

В эту часть сада не пускали никого, кроме членов королевской семьи. Этьен говорил, что маги установились здесь сильную защиту.

— Но ты сможешь приходить сюда, когда захочешь — невидимая сеть узнает твою магию и пропустит тебя. Ты — моя жена, и у меня нет от тебя секретов.

Я была благодарна ему за доверие, но никогда не приходила сюда одна — боялась сделать что-то, что не понравится источнику. Эллинары и вся Линария слишком зависели от него.

Этьен смеялся над моими страхами:

— Глупышка, разве ты сможешь сделать что-то дурное? Лесса, ты — самый светлый человек, которого я знаю.

Лесса, Лесси — в его устах это звучало как музыка.

Мы были счастливы — почти абсолютно. Для полного счастья нам не хватало только одного — детского смеха в нашем огромном дворце. Прошли уже три года брака, а я так и не смогла подарить мужу наследника. И эта проблема, серьезная для любой семьи, становилась особенно значимой для семьи королевской.

У Этьена не было младших братьев, и случись что с ним самим, страна погрузилась бы в междоусобные войны, в которые с удовольствием ввязались бы и соседние государства — Сигезия и Нурландия. Поэтому отсутствие детей беспокоило не только нас с Этьеном, но и всех наших подданных.

Каждый раз, когда у меня пропадал аппетит, маркиза Жомини с надеждой спрашивала, не тошнит ли меня по утрам, а я в ответ, краснея, лишь качала головой. Королевские лекари велели мне пить

целебный отвар перед сном, а королевские маги — носить подходящий амулет. И я много месяцев подряд пила отвар и носила амулет — но даже это не дало результата.

Я не хотела обременять своими проблемами Леони, но однажды, навещая ее, не выдержала и расплакалась, всё ей рассказав. Она не стала меня жалеть — не обняла, не подбодрила ласковыми словами — всё это было совсем несвойственно ей. Она просто дала мне кружку с чистой водой и сказала:

— Иногда, чтобы что-то получить, нужно всего лишь перестать стараться.

Я вытерла слёзы и посмотрела на нее с удивлением.

— Что ты имеешь в виду?

Мы уже давно перешли с ней на «ты» — она решительно отвергала все светские церемонии. Более того, она потребовала, чтобы я называла ее Лео — именно так обращались к ней те, кого она пользовала, или кто жил по соседству. И ее совсем не смущало, что это было не женское, а мужское имя.

— А что тут непонятного? — хмыкнула она. — Перестань прикладывать усилия и положишься на судьбу.

В тот день я вернулась от тетушки во дворец почти обиженной — я думала, что Леони даст мне своё, особое снадобье, готовить которые она была мастерица, и была разочарованной тем, что она не предложила мне свою помощь.

И всё-таки решила последовать ее совету — я сняла с платья пришпиленный булавкой амулет, а отвар, который мне приносили каждый вечер после ужина, стала выливать в ночной горшок. Но я никому об этом не сказала — мне не хотелось обижать недоверием ни лекарей, ни магов.

12. Новости

Сначала я подумала, что к столу подали несвежую рыбу — этих карпов привезли откуда-то с севера, и они вполне могли испортиться за время пути. Конечно, было странно, что повар этого не заметил, но поскольку обычно месье Шампань готовил отменно, то я не стала привлекать внимание к этому конкретному случаю. Просто отставила тарелку и сказала, что уже сыта.

Но когда тошнота повторилась и на следующий день, а среди стоявших на столе яств не было ни рыбы, ни каких-либо других морепродуктов, я едва не вскрикнула от внезапно осенившей меня догадки.

Нет, я всё-таки сдержалась и ничем не выдала своего волнения. За столом вместе со мной сидели Бланш и маркиза Жомини, и я не хотела давать им надежду, не будучи сама уверенной в своем положении. Кроме того, если это действительно было правдой, то мне хотелось бы, чтобы первыми об этом узнали совсем другие люди.

К сожалению, Этьен был в отъезде — он наносил визит в Антарию, а поскольку отношения между Линарией и Антарией были весьма прохладными, он не решился взять меня с собой. Он отсутствовал уже третью неделю, и я сильно скучала и не находила себе места от беспокойства. Особенно остро я прочувствовала его отсутствие именно сейчас. Ах, как мне хотелось бы именно с ним поделиться своей догадкой!

Этьен должен был вернуться со дня на день, и я в мельчайших деталях представила, как я скажу ему то, что он так давно желал услышать. Как засияют его глаза, как он подхватит меня на руки и закружит по комнате, шепча на ухо самые нежные слова. Ох, от этой мысли мне стало жарко. Как мне хотелось сделать счастливым человека, которого я любила больше, чем саму себя.

Я велела заложить экипаж — не парадный, а повседневный, в котором я предпочитала ездить по столице, не привлекая к себе внимания. На сей раз меня сопровождал незнакомый мне офицер. Впрочем, он тоже знал тот адрес, по которому было велено ехать кучеру, и когда карета остановилась у домика Леони, я не утерпела и

распахнула дверцу сама, не дожидаясь пока это сделает кто-то из моих спутников.

Я почти влетела в гостиную тетушки, и Лео поморщилась от моей стремительности.

— Что случилось, переполошная?

Кажется, я покраснела, когда рассказывала, и тетушка улыбнулась, а потом обняла меня и поцеловала в ухо. Это было так непохоже на нее — обычно она была скупа на ласку, — что я совсем расчувствовалась и даже всплакнула.

Леони сунула мне в руку какой-то камень, и когда он поменял свой цвет, удовлетворенно кивнула.

— Ты не пила их отвар и не носила амулет? — уточнила Лео.

И когда я подтвердила, она странно хмыкнула.

— Не хочешь же ты сказать, что..., — я замолчала, не решаясь вслух произнести то, о чём подумали мы обе. И замотала головой. — Нет, уверена, что это — не более, чем совпадение.

Мне не хотелось бы думать, что кто-то мог желать зла мне или Этьену. Я всегда старалась относиться к людям хорошо и полагала, что большинство из них относятся ко мне с такой же приязнью.

— Теперь это неважно, — сказала Леони. — Просто будь осторожна. И хотя бы какое-то время постарайся сохранить эту новость в тайне. Я понимаю, что ты не сможешь не рассказать всё своему супругу, но если он хочет получить здорового наследника, то ему неплохо бы тоже пока держать язык за зубами.

Я пообещала молчать, хотя с трудом представляла, как я смогу утаить это от Бланш, от отца или от Джеммы.

Я возвращалась во дворец в самом превосходном настроении. Наверняка, Этьен уже прислал мне весточку с дороги, а скоро появится в Лиме и сам. Мне так хотелось увидеть его поскорее, что я готова была отправиться ему навстречу. И только забота о нашем малыше удерживала меня от этого шага.

Светловолосый офицер — тот самый, что часто сопровождал меня в поездках по Лиме, а в этот раз отправился вместе с королем в Антарию, — встречал меня на ступеньках крыльца. Я радостно встрепенулась — он привез письмо от Этьена! Или подарок, которым меня часто баловал муж. И даже непроницаемое выражение лица молодого человека меня не насторожило.

— Ваше величество, у меня срочная депеша для вас! — отрапортовал он, звякнув шпорами.

Я протянула руку, желая сразу прочесть письмо, но офицер чуть отступил назад.

— Не здесь, ваше величество.

Я удивилась, но ничего не сказала и быстро пошла в свои апартаменты. И оказавшись там, наконец, получила конверт с сургучной печатью. Не знаю, почему, но в этот момент у меня задрожали руки.

В конверте было два листа, и исписаны они были совсем не почерком моего мужа. С Этьеном что-то случилось? Я почувствовала головокружение и предпочла опуститься в кресло.

Первый документ (а это был именно документ!) известил меня о том, что брак его величества Этьена Третьего, короля Линарии и сопряженных земель, и Алессандры Сурель считался расторгнутым со вчерашнего дня. Под этими словами стояла подпись епископа Лимского — того самого, который совершил обряд в день нашего бракосочетания.

Прочитанное не укладывалось у меня в голове. Какое расторжение брака? Ведь мы с Этьеном так любим друг другу! И скоро у нас появится сын или дочь!

Я подняла голову и наткнулась на печальный взгляд офицера. Кажется, эта новость не была для него тайной. Он знал, какую весть везет мне.

— Если это шутка, то очень глупая и жестокая, — я едва нашла в себе силы, чтобы это сказать.

Слёзы обиды и разочарования уже стояли в глазах, но я почти заставила себя сдержаться. Королева не имеет права показывать свои чувства в присутствии подданных.

— Это не шутка, ваше величество.

Я уже понимала это и сама. Не понимала только, как Этьен мог так со мной поступить. И если и были какие-то причины для этого, то почему он известил меня об этом подобным образом, не решившись поговорить со мной лично? Может быть, его зачаровали, и он пошел на это не по своей воле? Но он был достаточно сильным магом, чтобы противостоять чужому влиянию. Хотя теперь я уже ни в чём не была уверена.

Я вспомнила про второй листок и впилась взглядом в его строки.

Его величество извещал меня о том, что он принял решение расторгнуть наш брак в интересах Линарии в связи с тем, что тот не дал потомства. В течение двух часов после получения сего письма мне надлежало покинуть дворец и вернуться в Сурель, в поместье моего отца. На этом листке всё-таки стояла подпись Этьена и королевская печать, но текст был холодным и равнодушным. Это было письмо не мужа, а короля.

Строчки запрыгали у меня перед глазами, и я до боли стиснула кулаки, пытаясь прийти в себя.

— Что я должна сделать, господин лейтенант? — я не знала имени этого молодого человека, он всегда сохранял дистанцию.

— Шевалье де Ламаж к услугам вашего величества, — догадавшись о моих сомнениях подсказал он. — Простите, но вам надлежит сегодня же покинуть королевский дворец. К сожалению, я не смогу сопровождать вас, так как вынужден немедленно отправиться назад к его величеству. Но я распорядюсь, чтобы вам была выделена надлежащая охрана. Вы можете взять с собой всё, что пожелаете — в том числе и тех слуг, к которым особенно привязались. Если вам нужно что-то еще, ваше величество...

Но я оборвала его:

— Не называйте меня так, шевалье! Я уже больше не королева.

Как ни странно, но эти слова дались мне почти легко. Я еще не теряла надежды, что всё образуется, стоит нам только увидеться с Этьеном снова. Я была обижена на мужа и не была уверена, что скоро смогу простить его за ту боль, что он мне причинил этим письмом. Но я слишком хорошо осознавала свою ответственность перед ребенком, которого носила в себе. Я должна была сообщить о нём его величеству. Хотя бы это он имел право знать.

13. Бывшая королева

— Кого еще во дворце вы уведомили о расторжении нашего с его величеством брака? — осведомилась я.

Мне надлежало покинуть дворец в течение нескольких часов, но если придворным станет известна эта новость, то наверняка многие из них захотят лично убедиться в том, что это — правда, и пожалуют в мои апартаменты. А я не хотела выслушивать ни насмешки, ни сожаления.

— Его величество отправил в столицу двух гонцов, но второго адресата я не знаю, — мне показалось, что шевалье де Ламаж ответил искренне. — Но моя лошадь была резвее, и я приложил все усилия, чтобы добраться до столицы первым.

Я поблагодарила его за это и позвала свою камеристку. Наверняка, второе письмо было адресовано первому министру, а если так, то он скоро прибудет во дворец, но именно он был тем человеком, с кем я меньше всего хотела бы встречаться.

Если Этьен развелся со мной из-за отсутствия наследника, то не приходилось сомневаться, что немалая заслуга в том, что он пошел на этот шаг, принадлежала герцогу де Крелону. Теперь я уже была уверена, что отвары и амулеты были призваны сыграть совсем другую роль.

Я велела Тересе упаковать в саквояж несколько платьев попроще и смену белья. Да-да, я отправляюсь в паломническую поездку инкогнито. Нет, драгоценности там не потребуются.

— Его величество сказал, что вы можете взять всё, что пожелаете, — напомнил шевалье.

Но я только усмехнулась. Мне ничего не нужно было от мужчины, которому оказалась не нужна я сама. Я не знала, как сложатся наши дальнейшие отношения с Этьеном, но не хотела ни в чём чувствовать себя обязанной.

Мне надлежало отправиться в Сурель, но я решила повременить с отъездом из столицы. Его величество вот-вот прибудет в Лиму, и я была намерена с ним встретиться. Я остановлюсь в гостинице на несколько дней и приму решение, когда немного успокоюсь.

— Мне нужно поговорить с сестрой! — сказала я шевалье, и он поклонился, готовый отправиться за Бланш, комнаты которой находились в другом крыле дворца.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, когда в моих апартаментах появился герцог де Крелон. Его светлость тяжело дышал, и его одутловатое лицо было куда краснее обычного. Должно быть, он сильно торопился меня навестить. Он отвесил мне поклон — достаточно уважительный, но куда менее низкий, чем прежде.

— Рад, шевалье, что застал вас во дворце, — заявил он, с трудом переводя дыхание. — Это письмо вы должны доставить его величеству как можно скорее. Тот гонец, что привез послание мне, в ближайшие несколько часов будет не в состоянии отправиться в дорогу.

Офицер растерялся, явно не зная, как поступить, и я пришла ему на помощь.

— Благодарю вас, шевалье, за заботу. Не беспокойтесь, я выполню распоряжение его величества.

Я не хотела, чтобы у него возникли проблемы из-за желания мне услужить. Он подчинялся королю и первому министру, а мое слово уже не имело никакого значения.

— Да-да, лейтенант, я лично сделаю всё, чтобы ее величество ни в чём не нуждалась, — вмешался герцог. — В том числе отправлю лакея за мадемуазель де Сурель.

Де Ламаж сначала поклонился мне, потом — де Крелону и удалился с видимым сожалением.

— Вы так торопились мне помочь, ваша светлость, — усмехнулась я, — что порвали кружева на камзоле.

Он посмотрел на рукав бархатного камзола и поморщился. Он всегда старался выглядеть безупречно.

— Вы язвите, ваше величество, а между тем, всё именно так, как вы сказали. Как только я получил депешу от его величества, то сразу помчался во дворец. Вы можете мне не верить, но для меня эта новость тоже стала ударом. Впрочем, кто мы такие, чтобы обсуждать решения его величества?

Я и не собиралась ничего с ним обсуждать. Тереса уже стояла с упакованным саквояжем, ожидая дальнейших распоряжений. Шевалье сказал, что я могу взять с собой любых слуг, но мне не хотелось никого

из них обязывать отправиться со мной в Сурель, лишив, тем самым, возможности работать во дворце.

Но герцог думал иначе.

— Ваше величество, карета будет ждать вас у западных ворот дворца. Я подумал, вам не захочется выходить через парадное крыльцо.

Мне этого действительно не хотелось.

— Да, вы очень предупредительны, ваша светлость.

Де Крелон повернулся к камеристке:

— Отправляйтесь к западным воротам, мадемуазель. Ее величество подойдет туда чуть позднее.

Я собиралась возразить и оставить Тересу здесь, но подумала, что этот вопрос мы можем решить уже у западных ворот — после того, как я сяду в карету. Девушка удалилась, но герцог не спешил меня оставить.

— Думаю, вы понимаете, ваше величество, что ваш супруг поступил подобным образом вовсе не из прихоти. Вы прекрасно знаете, как сильно он вас любит, и если он решился на подобный шаг, то лишь потому, что для любого монарха долг перед страной куда важнее самых горячих чувств. Уверен, его величеству сейчас не менее тяжело, чем вам, и надеюсь, вы не станете добавлять ему страданий.

Я едва не задохнулась от возмущения. Мне было неинтересно знать, как он оценивает поступок Этьена, но убеждать меня понять и простить предавшего меня человека было верхом наглости.

А герцог, меж тем, продолжал:

— Если вы попытаетесь увидеться с ним, то лишь причините боль и себе, и ему. Когда вы проходили обряд коронации, вы понимали, что приобретаете не только права, но и обязанности — в том числе и обязанность в любых обстоятельствах ставить интересы Линарии выше собственных интересов.

Я взмахнула рукой, давая понять, что не нуждаюсь в подобных нравоучениях. Пока еще никто — ни герцог, ни сам Этьен — не знали, что обстоятельства изменились.

— Я желаю поговорить со своей сестрой! — напомнила я, надевая плащ, на капюшоне которого был королевский вензель, инкрустированный бриллиантами. Я предпочла бы обойтись без

подобных знаков отличия, но Тереса уже ушла, и мне уже некогда было искать другую одежду.

Де Крелон посмотрел на меня с недоумением:

— Вы уверены, что хотите задержаться во дворце, ваше величество? С минуты на минуту о вашем разводе с королем узнает вся Лима. Нет-нет, сам я не болтлив, но я не сомневаюсь, что те, кто сейчас находятся рядом с его величеством, уже наверняка отправили в столицу своих гонцов. Более того, когда я ехал во дворец, мне показалось, что за мной следили. Поверьте — найдутся немало людей, которые захотят увидеть поверженную королеву. Но хотите ли вы доставить им подобное удовольствие?

В этом он был прав. Каждая минута промедления грозила неприятными встречами с придворными, которые прежде спешили выразить мне свои верноподданические чувства, а теперь наверняка пожелают насладиться моим падением.

— Вы сможете поговорить с сестрой в Суреле. Уверен, она захочет отправиться вслед за вами. Я расскажу ей обо всём со всем возможным тактом.

— Но я хотела бы, чтобы она обо всём узнала от меня, — я возразила, но сама уже поняла, что сейчас у меня нет ни сил, ни желания разговаривать даже с Бланш. Мне было жаль сестренку, которую мой развод лишил блестящих перспектив в свете, но я надеялась, что она не будет ни в чем меня винить.

— Вам необходимо отдохнуть и выспаться, ваше величество, — герцог обратил внимание на мое состояние. — Может быть, пожелаете эту ночь провести в гостинице, отправившись в Сурель лишь поутру?

Но я покачала головой. Да, я была намерена остановиться в гостинице, но я не хотела, чтобы кто-то знал, где я буду находиться.

— Нет, я поеду прямо сейчас, — сказала я. — И, ваша светлость, перестаньте называть меня вашим величеством — этот титул мне более не принадлежит.

Герцог поклонился:

— Как вам будет угодно..., — он секунду помедлил и прибавил, — сударыня.

В дверь постучали, и через секунду лакей доложил о том, что аудиенции со мной просят маркиз и маркиза Жомини. Был уже поздний час, в который визиты были не приняты, и не приходилось

сомневаться, что толкнуло супругов Жомини на нарушение светских приличий.

Его светлость бросил на меня выразительный взгляд — дескать, ну вот, я же говорил.

— Если позволите, я поговорю с ними сам, — и обернулся к лакею. — Проводите ее величество до кареты!

Я оставила герцога в своих апартаментах и отправилась вслед за слугой. При этом я не сразу сообразила, что идем мы в сторону парадного крыльца. Конечно, лакей посчитал вполне естественным, что карета ожидает меня именно там. Он еще не знал, что я уже не была королевой.

— Нет, — грустно улыбнулась я, — нам совсем в другую сторону.

И свернула на боковую лестницу. К счастью, на нашем пути почти никто не попадался, и мы довольно скоро достигли выхода из дворца.

— Благодарю вас. Вы можете идти.

— Но, ваше величество, я помогу вам сесть в карету.

Он был полон желания помочь, но я покачала головой:

— Я же сказала — ступайте!

Он не посмел возразить. Стражники торопливо распахнули ворота. Они не удивились, что я выходила из дворца одна — и я, и Этьен часто проделывали что-то подобное.

Я оказалась на улице. Было уже темно, и я поежилась от ночного холодного ветра. Огляделась. Никакой кареты поблизости не было. И в отличие от парадного крыльца, этот выход почти не был освещен, и только в нескольких десятках шагов отсюда горел факел рядом с обелиском, посвященным обретению источника.

Так, стоп! Но откуда здесь этот обелиск? Он находился совсем в другом месте!

Я охнула и привалилась спиной к холодной дворцовой стене. Я же пришла не к западному, а к восточному выходу!

14. Кругом враги

Я могла вернуться во дворец и пройти к западному выходу по его коридорам. Но сама мысль об этом была мне противна. Да, на улице было пасмурно и ветрено, но я предпочла пойти по булыжной мостовой, а не по паркетному полу.

Шла я медленно, стараясь не сбиться с пути — я не очень хорошо знала прилегавший ко дворцу квартал, и только сама махина дворца, в окнах которого горел свет, служила мне ориентиром. Судя по всему, недавно был дождь, и мои сапожки из тонкой кожи быстро промокли.

Я находилась в центре Лимы, но даже здесь на улицах было темно и грязно. В столь позднее время порядочные люди предпочитали сидеть по домам, и за всё время пути я не встретила ни одного экипажа, и только несколько хмурых прохожих торопливо прошмыгнули мимо меня, спеша укрыться в теплом доме или сытной таверне.

При мысли о еде и мягкой постели я особенно остро почувствовала холод. Всё-таки мне следовало вернуться во дворец, а не бродить по улице ночью. По внутренним коридорам я уже давно добралась бы до нужного места. Но думать об этом сейчас было уже поздно.

Западное крыло дворца выходило на торговый квартал, где часто шумели ярмарки и было много пришлого люда, отправившегося покорять столицу из самых разных провинций Линарии. Именно здесь можно было услышать чужую речь и отведать экзотические яства. Но здесь же было много нищих, которые днем просили подаяния, а по ночам спали прямо на грязных тротуарах.

Одного такого я и встретила совсем рядом с западными воротами. Он вынырнул откуда-то из подворотни, и когда я увидела его в свете одинокого фонаря — грязного, в оборванной одежде — то вздрогнула и вскрикнула.

— Не подадите на краюшку хлеба, мадемуазель?

К моему плащу изнутри обычно был привязан мешочек с серебряными и медными монетками, которые я раздавала нищим, гуляя по городу. Я нащупала его рукой, достала одну из монет и

протянула мужчине. Его беззубый рот растянулся в довольной улыбке — кажется, ему досталась серебришка.

— Благодарствую, мадемуазель. А теперь послушайте доброго совета — бегите отсюда, что есть сил. Страшные дела творятся в этом месте.

Я испуганно попятилась, не понимая, о чём он говорит.

— Да-да, — он понизил голос, и от этого тот стал звучать еще более зловеще. — Не смотрите, что рядом — королевский дворец. Это там, внутри — тепло и светло. А что творится здесь, за его стенами, никто не знает.

— О чём вы говорите, сударь? — я отступил от него еще на шаг.

Он понял мои страхи и почти обиделся:

— Вам не стоит бояться меня, мадемуазель. Здесь есть более опасные звери. Не далее, как час назад вон там, недалеко от дворцовых ворот, убили женщину. Да-да, почти под самым носом у королевской стражи.

Я похолодела от внезапной догадки. Где карета, которая должна была меня тут ожидать? И где Тереса?

Слова нищего только подтвердили мои опасения.

— Здесь были злые люди. Подойдите ближе, мадемуазель, я и вам всё расскажу.

Наверно, это было глупо, но я всё-таки подошла к нему так близко, что смогла разглядеть крючковатый нос и шрам на правой щеке. Теперь я уже не знала, кого мне стоило бояться больше — тех, кто шатался по лимским улицам по ночам, или кто находился в самом дворце?

— Сначала к воротам подъехала карета. Добротная такая карета, не наемный экипаж. А спустя четверть часа верхом прибыли пятеро. Я сразу понял, что ничего хорошего от них ждать не стоит и не выкуркивал из подворотни. Они не заметили меня, мадемуазель. Сначала они стащили кучера с козел, стукнули его по голове и затолкали в карету. Один сел вместо кучера, остальные отошли вон туда, за деревья. Потом из ворот вышла женщина — не благородная, не в пример вам.

— У нее что-то было в руках? — когда я задавала этот вопрос, то уже знала ответ.

— Да, — подтвердил мой собеседник, — что-то вроде небольшого сундучка. Мужчины бросились к ней, она попыталась закричать, и один из них ударил ее ножом. Да-да, мадемуазель! Когда они уехали, я подходил к тому месту — там кровь на камнях. Женщину тоже сунули в карету. Я думал, они испугаются наделанного шума и сразу же уедут, но ничуть. Они долго ждали еще кого-то, ругались между собой. Может быть, они стояли бы тут и дольше, но мимо проезжал целый взвод королевской стражи — во время ярмарок стража часто патрулирует этот квартал. Начальник стражи подъехал к карете и едва не заглянул внутрь, так что этим молодцам пришлось броситься врассыпную. Карета понеслась вон туда, в сторону улицы Оружейников, стража — за ней. Но догнали ли они карету, я не знаю.

Теперь меня трясло уже не от холода. Не приходилось сомневаться, что эти люди ждали моего выхода из дворца, и намерения у них были самые дурные. Я расплакалась, подумав о бедной Тересе, и нищий участливо тронул меня за руку.

— Идите домой, мадемуазель. И впредь не ходите одна в такое время.

При мысли о доме у меня сжалось сердце. Мой дом был в Суреле, но я уже не представляла себе, как смогу до него добраться. У меня не было с собой ни теплых вещей, ни достаточного количества денег.

Может быть, я сказала это вслух, потому что нищий покачал головой:

— Вон там, в Шелковом переулке, есть небольшая гостиница. Быть может, она покажется вам слишком скромной, мадемуазель, но там есть камин, и там подают отличных жареных перепелов.

Я увидела, как он облизнулся, и достала из мешочка еще несколько монет.

— Благодарю вас, сударь. Надеюсь, у вас сегодня тоже будет сытный ужин.

Он проводил меня до самой гостиницы и исчез в темноте, когда я поднялась на ее крыльцо. Звякнул колокольчик на дверях, и мне навстречу вышел невысокий солидный мужчина. Он окинул меня взглядом, оценивая мою платежеспособность, и кажется, остался доволен.

— Добро пожаловать в «Королевскую розу», сударыня!

Он позвал горничную, и та проводила меня в небольшую, но уютную комнату. У меня не было сил, чтобы спуститься в обеденный зал, и удовольствовалась стаканом молока и теплой румяной булочкой, которые мне принесли.

Я упала на мягкую постель, но еще долго не могла заснуть. Мне нужно было о многом подумать.

В том, что у меня были враги — могущественные, много знающие и готовые на всё — теперь уже не приходилось сомневаться. Одним из них, несомненно, был де Крелон, но вряд ли он был единственным. Теперь я уже не знала, кому я могу доверять.

Больше всего я боялась за Бланш. Как я могла оставить ее одну во дворце? И как я смогу с ней связаться?

Я успокоилась только тогда, когда подумала о Джемме и тете Леони — только им я могу доверять, у них могу попросить поддержки и приюта. С этой мыслью я и провалилась в тревожный сон.

15. Я — преступница?

Утром я сосчитала те деньги, что оказались у меня в мешочке — их оказалось совсем немного. Мне не хватило бы их даже на то, чтобы расплатиться за номер в гостинице. К счастью, хозяин гостиницы месье Кассель пока не требовал оплату. Я сказала, что остановлюсь на несколько дней и расплачусь перед выездом — ему пока хватило моего слова.

Особняк герцога де Ламара находился ближе к гостинице, чем дом Лео, но начать я всё-таки решила не с кухни, а с тетушки.

Имеющиеся монеты я потратила на извозчика — я не смогла бы дойти до Дижонского предместья пешком. Но их всё-таки оказалось недостаточно, чтобы доехать до нужного мне места. Экипаж остановился у моста на въезде в предместье, и возница заявил, что за жалкие три монеты он не намерен плутать по узким улочкам. Но это оказалось даже кстати.

Потому что когда я только вышла на улицу Ткачей, в начале которой был заросший акациями пустырь, то прямо из кустов до меня донесся знакомый хрипловатый голос:

— Иди сюда!

Я не успела опомниться, как высунувшаяся из кустов загорелая тетушкина рука схватила меня за плечо и потащила сквозь усеянные ягодами ветви.

— Лео, ты с ума сошла? — зашипела я, испугавшись, не порвала ли я кружево на своем теперь единственном платье.

Тетушка хмыкнула:

— Из нас двоих с ума сошла, по-моему, ты. И не сейчас, а тогда, когда ты согласилась выйти замуж за своего, насколько я понимаю, теперь уже бывшего супруга.

Я вздрогнула. Не думала, что новости так быстро дойдут до окраин Лимы. Но если она уже всё знает, то так даже лучше — по крайней мере, мне не придется ничего объяснять. И меньше всего мне сейчас хотелось бы выслушивать ее нотации. Мне нужны были поддержка, участие и чашка теплого травяного чая. Именно это я и сказала ей в ответ.

А она посмотрела на меня как-то странно:

— От чая я бы и сама не отказалась. Но, боюсь, чтобы выпить его, нам придется заново собирать травы. Потому что те, что я заготовила, валяются сейчас на полу моей разоренной каморки. Если хочешь, можешь сама в этом убедиться. Но не советую — наверняка они оставили там соглядатая.

— Кто они, Лео? — выдохнула я.

Она пожала плечами:

— Те люди, которые тебя искали. Тебе лучше знать, кто они. Они пришли рано утром и заявили, что у них есть приказ доставить Алессандру де Сурель в тайную королевскую канцелярию. Так я узнала, что ты уже не королева.

Я пошатнулась, и тетушка позволила мне на себя опереться.

— Ну, ты чего, девочка? Держись. И рассказывай уже, что случилось. Что ты натворила такого, что тобой заинтересовалась тайная канцелярия? И как ты ухитрилась так быстро получить развод?

Я едва могла стоять на ногах, и Лео подвела меня к большому камню, на который я и опустилась. Он был теплым от солнечных лучей.

Но что я могла рассказать, если сама ничего не понимала? Да, я получила от Этьена письмо, но оно ничего не объясняло. Он развелся со мной, потому что отчаялся получить от меня наследника. Но разве я совершила какое-то преступление? Что нужно было от меня тем людям, что ждали вчера у западных ворот дворца, а сегодня нагрянули в дом тетушки? Или это были совсем разные люди?

— Они сказали, что ты обвиняешься в государственной измене и покушении на жизнь короля, — не скупясь, подлила масла в огонь тетушка.

— Что???

Мне показалось, что я сплю, и я ущипнула себя за руку, надеясь, что этот дурной сон прекратится.

— Они были уверены, что ты прячешься у меня и перевернули всё вверх дном. А когда они полезли в подпол и чересчур увлеклись своими поисками, я выскочила через черный вход и через двор соседней прошла на другую улицу. А потом стала дожидаться здесь, разглядывая каждый ехавший со стороны города экипаж. Где ты провела эту ночь, Сандра?

Я рассказала про гостиницу, и тетушка заявила, что нам надлежит туда вернуться. Что мы и сделали, остановив свободного извозчика.

И уже в гостинице подкрепились не слишком изысканным, но очень сытным обедом. Мы обедали в общей зале, устроившись за стоявшим в закутке столиком, и могли слышать разговоры других постояльцев.

Главной темой дня был развод короля, и мнения собравшихся по этому поводу разделились. Кто-то отнесся к этому с одобрением — Линарии нужен был наследник, и если его величество не смог получить его от одной супруги, то ему следовало как можно скорее жениться на другой. Кто-то жалел меня, говоря о моей кротости и доброте.

Про государственную измену не было сказано ни слова — либо эта новость еще не стала достоянием общественности, либо изначально это были не более, чем домыслы.

Я не боялась, что меня узнают — трудно было подумать, что бывшая королева решит остановиться в захудалой гостинице, подходящей разве что для приезжавших на ярмарки торговцев и ремесленников.

— Что ты намерена делать дальше? — спросила тетушка, когда мы заперлись в нашем номере. — Только не говори, что хочешь рассказать Этьену о ребенке!

Я посмотрела на нее с удивлением. Именно это я и намерена была сделать! Мне казалось это правильным. Линария нуждалась в принце или принцессе, и разве могла я промолчать? И да, я всё еще надеялась, что то письмо, что я получила от Этьена, было подложным. Я не верила, что он мог так со мной поступить. Быть может, его зачаровали, и он поставил свою подпись под бумагой, что ему подсунули, не осознавая, что делает? А теперь он пришел в себя и уже ищет меня, чтобы всё исправить.

— Да, возможно, всё так и было, — согласилась Лео. — Но что, если ты ошибаешься? К тому же, не забывай, если кто-то сумел так манипулировать королем, то значит, он достаточно могущественный, чтобы тебя уничтожить. Как ты собираешься добраться до Этьена? Ты уже не можешь запросто прийти во дворец и потребовать аудиенции. Тебя не подпустят даже к воротам. Твой бывший муж и не узнает о том, что ты приходила.

Всё, что она говорила, было разумно, но я была не готова отказаться от своего решения.

— Ты разве не слышала, что завтра Этьен возвращается в Лиму? — об этом тоже говорили в зале. — Он проедет по городу до самого дворца. А учитывая, как много народа захочет его поприветствовать, процессия будет двигаться очень медленно, и я наверняка смогу подойти к его карете. Обещаю тебе — если он не захочет со мной разговаривать, я больше не стану даже пытаться. Тогда я сделаю всё, что ты скажешь — уеду в Сурель и никогда не вернусь в Лиму.

Я полагала, что это вариант устроит нас обеих, но тетушка отчего-то рассердилась:

— Глупая девчонка! Как можно быть такой наивной? Ты думаешь, что твой Этьен будет всё время смотреть в окно кареты, надеясь разглядеть тебя? Он даже не заметит тебя в толпе. А вот те, кто пытаются тебе навредить, дремать не станут. К тому же, если тебя действительно обвиняют в покушении на жизнь короля, то твой бывший муж станет видеть в тебе врага и сам не пожелает с тобой разговаривать.

Слова «твой бывший муж» больно царапнули по сердцу.

— Хорошо, — я снова пошла на уступку. — Я не стану делать попыток подойти к его карете. Но давай выйдем на улицу, по которой она будет проезжать. Я всего лишь хочу взглянуть на Этьена. Уверена, я смогу понять, почувствовать, если он зачарован. Прошу тебя, позволь мне сделать хотя бы это.

Я произнесла это почти с отчаянием, и тетушка нехотя согласилась:

— Пусть будет по-твоему. Но помни — если ты допустишь ошибку, это погубит не только тебя, но и твоего ребенка.

16. Джемма

К Джемме я пошла одна — за все три года кузина так и не выразила желания познакомиться с Леони, и мне совсем не хотелось, чтобы сейчас она сказала тете что-то обидное. Лео, утомившись от утренних переживаний, заснула, и я, набросив на плечи плащ изнаночной стороной кверху, тихонько выскользнула из комнаты.

Особняк герцога де Ламара стоял на площади Согласия в окружении аккуратно подстриженных тисов и благоухающих розовых кустов. Уже смеркалось, и я, почти совсем скрыв лицо в капюшоне, не боялась быть узнанной.

Я попросила привратника передать ее светлости записку, и он, пусть и без особой охоты, отправился исполнять поручение. Он не предложил мне войти, оставив дожидаться ответа на крыльце, но я была этому даже рада.

Джемма выпорхнула на улицу на удивление быстро. Она взглянула на меня с испугом и потащила меня к аллее, по которой мы часто прогуливались в прежние времена.

— Сандра, ты с ума сошла! — воскликнула она, когда мы оказались достаточно далеко от привратничкой, и уже можно было не опасаться, что нас услышат. — Как ты могла сюда прийти? Разве ты не понимаешь, насколько это опасно — и для меня, и для тебя самой?

Я ожидала от нее этих слов — кузина никогда не отличалась особой храбростью. Но я не собиралась обременять ее своим присутствием надолго. Мне нужна была лишь информация и хотя бы немного денег.

— Скажи мне, что говорят во дворце? — я схватила ее за руку, заглянула в глаза. — Ты же была там, правда? Где Бланш? С ней всё в порядке?

— Не кричи так! — она перешла совсем на шепот. — Да, с Бланш всё в порядке, она по-прежнему во дворце. Не думаешь же ты, что его величество позволит кому-то обидеть ее только потому, что она — твоя сестра?

— Ты видела ее лично? Она намерена вернуться в Сурель? — я забрасывала кузину вопросами, потому что боялась, что нас могут

прервать.

Джемма высвободила руку и поежилась от вечерней прохлады.

— Да, я разговаривала с ней. Но она пока не определилась, что будет делать дальше. Теперь, когда она перестала быть сестрой королевы, у нее уже нет права находиться во дворце, но она отложила отъезда до прибытия его величества. Ее пока никто ни в чём не обвиняет, но если ты попытаешься встретиться с ней, то сильно ей навредишь.

— А меня? — выдохнула я. — В чём обвиняют меня?

Кузина покачала головой.

— Я не знаю, Сандра. Правда, не знаю. При дворе ходят страшные слухи, но никто доподлинно ничего не знает. К тому же, со мной самой сейчас почти никто не разговаривает — боюсь, родство с тобой сослужит мне дурную службу.

Я пропустила это мимо ушей, хотя могла бы напомнить ей, что именно эта родственная связь позволила ей когда-то стать герцогиней де Ламар.

— Кажется, тебя подозревают в том, что ты пыталась отравить магический источник. Будто бы ты приходила к источнику со склянкой страшного зелья, и только появление стражи помешало тебе осуществить задуманное.

Это было ужасное обвинение. За осквернение источника согласно законам Линарии могла грозить смертная казнь.

— Какая чушь! — возмутилась я. — Зачем бы мне это делать?

Джемма, которая всегда была болтушкой, на сей раз говорила неохотно:

— Говорят, что ты узнала, что его величество, отчаявшись получить от тебя сына, намерен с тобой развестись, и вступила в сговор с сигезийцами. Они пообещали тебе, что ты станешь женой их принца, если поможешь ему взойти на линарийский престол.

Да, я вела переписку с одной из дочерей короля Сигезии, с которой познакомилась во время их прошлогоднего визита в Лиму, но это были обычные письма, направленные на поддержание добрососедских отношений. Но, кажется, сейчас это играло против меня.

— Но ты же этому не веришь, Джемма? — я едва сдержала рыдания.

Кузина ответила не сразу:

— Нет, Сандра, не верю. Но моего мнения никто не спрашивает. И если люди из тайного сыска найдут доказательства твоей вины, то они сделают всё, чтобы разыскать тебя и предать суду. Поэтому лучшее, что ты можешь сделать, это уехать отсюда как можно дальше. И я удивлена, что ты до сих пор не сделала этого.

— Да, — согласилась я, — я собираюсь уехать в Сурель в самое ближайшее время.

— В Сурель? — переспросила она. — Да ты еще более ненормальная, чем я думала! Разве ты не понимаешь, что, вернувшись домой, ты поставишь в опасность жизнь своего отца? Его тоже могут счесть участником заговора. Разве ты этого хочешь?

Теперь я понимала и сама, насколько невозможным было мое возвращение в Сурель. Если королевские сыщики приедут в наш замок и станут требовать моей выдачи, отец, отказавшись выполнить их требования, и сам окажется вне закона. Как я могла не подумать об этом раньше?

Вместе с этим осознанием в мое сердце хлынуло такое мрачное, всепоглощающее отчаяние, что мне стало трудно дышать. До этого я могла хотя бы надеяться, что обрету приют у себя дома, в окружении близких людей, где всё знакомо и дорого мне. Но сейчас эти мечты были разбиты.

— Да, ты права, — после долгого молчания признала я. — Мне следует укрыться в другом месте. Но, Джемма, у меня совсем нет денег. Мне очень неловко просить их у тебя, но...

Договорить мне кузина не позволила:

— Сандра, мне очень жаль, но ты же знаешь — у меня нет своих денег. Каждое новое платье мне приходится выпрашивать у мужа с большим трудом. А если я стану просить у него что-то сейчас, то он сразу же обо всём догадается. Нет, прости, но я не могу так рисковать. Я и без того боюсь, что в свете этих событий Ламар может решить расторгнуть наш брак. Ах, а ты еще вздумала явиться сюда, как ни в чем не бывало! — кузина так волновалась, что уронила перчатку, которую до этого нервно мяла в руках, и не заметила этого. — Прошу тебя — уходи! Если Ламар узнает, что я встречалась с тобой, он оставит меня, а я этого не переживу. Да-да, так и знай — я брошусь с ближайшего же моста, и это будет на твоей совести.

Я отступила на шаг. Она была близка к истерике.

— Не беспокойся, я больше не потревожу тебя. Только прошу тебя — позаботься о Бланш и папеньке. Скажи им, — я сглотнула подступивший к горлу комок, — скажи им, что я ни в чём не виновата. Пообещай, что позаботишься о них!

— Да-да, обещаю! — часто закивала Джемма. — А теперь ступай, пока нас никто не увидел!

Она всё-таки решилась обнять меня, но сразу после этого побежала к дому. А я отчетливо поняла, что рассчитывать мне больше не на кого.

17. Кортёж Его Величества

Денег у Лео оказалось еще меньше, чем у меня. Она выскочила из дома в рабочей одежде и, думаю, именно то, что у меня появилась гостья, не внушившая месье Касселю доверия, и привело к тому, что поздним вечером он появился в нашей комнате вместе со своей племянницей Ванесс.

— Простите, сударыня, — обратился он ко мне прямо с порога, — что возвращаюсь к вопросу, что уже был решен между нами. Но завтра на Ратушной площади открывается большая ярмарка, в Лиму приедет много народа, и цены на номера вырастут во всех гостиницах города. Я совсем забыл сообщить вам об этом, но поскольку это — моя вина, я не стану брать с вас больше, чем прежде, но в обмен на это хотел бы получить оплату вперед.

Я вполне могла его понять — я прибыла в его гостиницу без вещей, а теперь так же, с пустыми руками, тут появилась и моя тетушка. Он не был с нами знаком и не обязан был нам доверять. И я расплатилась бы с ним по первому требованию, если бы у меня было чем.

— Давайте отложим этот разговор до завтра, сударь! — попросила я. — И вы вовсе не обязаны предоставлять мне скидку, я заплачу вам столько же, сколько и другие постояльцы, но немного позже.

Любезная улыбка сбежала с его губ. Он был радушным хозяином, но прежде всего — деловым человеком, и я не могла его за это осудить.

— Значит ли это, сударыня, что вам нечем мне заплатить? Но если у вас пока нет денег, я могу взять что-нибудь в залог. Или я могу помочь продать вам что-то. Вот хотя бы этот добротный плащ, — он кивнул в сторону висевшей на спинке стула накидки. Той самой, на которой был королевский вензель. — Поверьте, у меня нет намерения вас обмануть, я дам вам хорошую цену.

Я почувствовала дрожь в коленях и опустилась на кровать. Он заметил вензель и правильно его истолковал! Теперь он смотрел на меня уже с изумлением, словно не верил своим глазам.

И как я могла быть такой беспечной? Почему я не вывернула плащ наизнанку? Почему не прикрыла чем-нибудь этот вензель?

Сложить дважды два месье Кассель, несомненно, смог.

— Нет, сударыня, вам не о чем беспокоиться. Мне совершенно не нужно знать, кто вы такая. И я умею хранить чужие тайны. Доверьтесь мне, и вы не пожалеете. Если вы попытаетесь продать этот плащ сами, то привлечете к себе ненужное внимание. Я же буду действовать в ваших интересах и возьму себе совсем небольшой процент.

Конечно, он заплатит мне за плащ гораздо меньше, чем стоят те бриллианты, что сияют на нём. Но если я не соглашусь на эту сделку, где гарантия, что он станет молчать? Или что не выгонит нас на улицу, на ночь глядя? К тому же, мне действительно нужны были деньги, чтобы уехать из Лимы. Так почему бы не воспользоваться посредничеством месье Касселя?

— Хорошо, сударь, — после некоторых раздумий сказала я. — Буду признательна вам за помощь и за молчание.

— Вы можете быть в нас уверены, сударыня! — поклонился он. — Не так ли, Ванесс?

— Разумеется, сударыня, — заверила и его племянница. Всё это время девушка стояла, молча, и только пожирала меня взглядом. И вдруг спросила с трепетом в голосе: — А могу я примерить его?

Я улыбнулась — почему бы и нет? А Лео даже помогла ей накинуть плащ на плечи.

Девушка была молода и красива, примерно одного роста со мной, и ее длинные темные волосы пышной волной рассыпались по бархату плаща. А бархат был отменного качества — его в подарок королю привезли из самого Каристана. Такую ткань не купишь на лимской ярмарке.

Ванесс с заметным сожалением погладила мягкий ворс. Конечно, ей хотелось бы оставить этот плащ себе, но для них с дядей это было слишком дорогое удовольствие.

Они удалились, забрав плащ и пожелав нам спокойной ночи. Лео закрыла за ними дверь и проворчала:

— Надо быть осторожней, девочка! Как ты собираешься завтра показаться на улице? Будь у тебя плащ, ты могла бы накинуть на голову капюшон. Слишком многие из тех, кто будут находиться в кортеже твоего бывшего мужа, знают тебя в лицо.

В этом она была права, и первое, что мы сделали на следующий день, это отправились на ярмарку и купили простенькую шляпку с вуалью. Она совершенно не подходила к моему платью, но мне было на это наплевать. Мне требовались еще и шпильки, чтобы убрать под шляпку волосы, но на них у нас не хватило денег.

— Попросим их у Ванесс, — решительно сказала тетушка. — Уверена, ее дядюшка знатно на нас наживется, так что у него достанет денег, чтобы купить ей новые шпильки.

Но когда мы вернулись в гостиницу, Ванесс там уже не застали. Паренек, что был у месье Касселя на побегушках, сообщил, что она отправилась на Набережную, чтобы поглядеть на кортеж его величества.

— Вся такая нарядная, в новом плаще! — он сказал это с восхищением.

— В новом плаще? — изумилась я.

Месье Кассель был практичным человеком, и было странно, что он позволил племяннице надеть дорогой плащ, отправляясь туда, где было много народа, и где этот плащ могли испачкать или даже порвать.

— Ты уверен? — переспросила и Лео.

— А то! — ухмыльнулся парнишка. — Она еще сказала, что не намерена упускать такой шанс поговорить с самим королем. Я засмеялся — так ее и подпустят к карете его величества! — а она обиделась и заявила, что я — дурак и ничего не понимаю.

Мы с Лео переглянулись. Ванесс собиралась подойти к карете Этьена, пользуясь тем, что на ней будет плащ с королевским вензелем! Но для чего? Не из праздного же любопытства?

— Может быть, она думает, что ей хорошо заплатят, если она скажет, где тебя искать? — предположила тетя. — Ты же слышала, что говорили на ярмарке? Что бывшая королева сбежала из дворца, и теперь ее разыскивает стража. Наверняка, эта девица решила продать информацию о тебе за большие деньги.

Мы уже почти бежали в сторону Набережной. Я не знала, что мы станем делать, если нагоним Ванесс. Какие слова найдем, чтобы отговорить ее от того шага, на который она решилась. Нам нечего было ей предложить. Разве что пообещать, что деньги ей пришлет мой отец из Суреля. Но поверит ли она моему слову?

Но говорить ничего не пришлось. К тому времени, как мы добрались до Набережной, кортеж его величества уже выехал на нее, и разыскать в гудящей, волнующейся толпе девушку, даже зная, как она одета, было решительно невозможно. Да и теперь мне было уже не до Ванесс.

Мое внимание было приковано к карете Этьена. Впрочем, самого Этьена мне увидеть так и не удалось — его величество ни разу не выглянул из окошка, и народ разочарованно вздыхал и охал.

Стража была повсюду — впереди кареты, сзади, по бокам. И уже за несколькими рядами офицеров, среди которых я разглядела и шевалье де Ламажа, тоже верхом ехали дворяне из королевской свиты. А дальше тянулась бесконечная вереница из карет приближенных ко двору вельмож.

— Ну, что, посмотрела? — усмехнулась Леони. — Надеюсь, эта дурочка Ванесс тоже поняла, что ей не удастся поговорить с королем?

Но не успела она это сказать, как стало ясно, что она ошиблась — девушка в знакомом нам плаще отважно метнулась к карете.

— Ваше величество! Ваше величество! — кричала она. — Да пропустите же меня, пропустите!

Но ни король, ни те, кто находился в карете рядом с ним, не услышали ее из-за гула толпы. И строй стражников не разомкнулся, чтобы пропустить ее к экипажу. Напротив, они быстро оттеснили ее к тротуару, где к ней подбежали какие-то люди, на одежде которых не было никаких отличительных знаков. Действовали те тихо и слаженно — подхватили Ванесс под руки и уже через несколько мгновений скрылись с ней в ближайшем проулке, что вел к Центральному каналу.

Мы не могли кинуться вслед за ними — всё происходило на другой стороне улицы, перейти через которую сейчас было невозможно — ее перегораживал кортеж.

— Теперь-то ты поняла, что я была права? — мрачно спросила тетя. — У тебя не было ни единого шанса, чтобы поговорить с королем. И кто знает, что за люди задержали эту дуреху. И что она наболтает им, когда они начнут ее допрашивать. Думаю, нам придется искать другое место для ночлега. Идём!

— Но как же мадемуазель Кассель? — запротестовала я. — Разве мы не должны ей помочь?

Тетушка посмотрела на меня как на умалишенную.

— Ты всё еще думаешь, что ты — королева, — хмыкнула она. — И что достаточно тебе сказать слово, как все бросятся выполнять твое желание. Это уже не так, девочка. Пора бы тебе это понять.

— Но давай хотя бы еще побудем здесь, — запротестовала я. — Давай убедимся, что с ней всё в порядке.

— А если нет? — не стала миндальничать со мной Лео. — Что тогда? Что мы с тобой сможем сделать против нескольких вооруженных мужчин? И я не собираюсь чувствовать себя виноватой из-за того, что какая-то глупая девица сделала то, чего ее просили не делать.

И всё-таки мы остались на Набережной, и когда последняя карета кортежа, наконец, проехала мимо нас, перешли на другую сторону улицы.

Конечно, в проулке уже никого не было. А вот дальше, у каменного моста через Центральный канал толпился народ. Когда я увидела, как все — и стар, и млад, — вглядывались темные мутные воды канала, сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

— Что тут случилось? — спросила Лео у дородной женщины, стоявшей чуть в стороне от основной толпы зевак.

— Какая-то девка упала с моста, — сообщила та, зевнув. — Наверно, бросала монетки на камень желаний. Перегнулась через перила и не удержалась. Здесь редкий месяц кто-нибудь не срывается, будто медом им тут намазано. А может, она того, сама спрыгнула. Совратили бедняжку, вот она и удумала жизни себя лишить, — она сказала это безо всякого сожаления, и даже слово «бедняжка» прозвучало в ее устах грубовато.

— Ее уже достали? — тошнота уже подступила к горлу, и я отвернулась, боясь, как бы меня не вырвало прямо тут.

Женщина хмыкнула:

— Вот еще! Тут глубоко, течение быстрое, а вода холодная. Кто же полезет ее искать?

Лео подхватила меня под руку и повела прочь, но я долго еще оглядывалась, словно надеясь, что Ванесс выплывет. Конечно, она не спрыгнула сама — ее сбросили с моста, пользуясь тем, что весь народ глазел на кортеж короля. Быть может, она закричала, и это привлекло внимание. Или кто-то услышал всплеск? Наверняка, те самые люди,

что притащили ее сюда, и стали же первыми наблюдателями. Они и сказали, что она упала сама. Но кто они? И зачем им было ее убивать?
Ответов у меня не было.

18. Барон Робер

Мы зашли в маленькое кафе, попавшееся нам на глаза, и на оставшиеся монеты купили чая и пару сдобных булочек. Мне совсем не хотелось есть, и Лео едва не силком заставила меня проглотить хоть несколько кусочков.

— Что мы будем делать теперь? — я посмотрела на тетю, и та приосанилась, расправила плечи, стараясь показаться мне более бодрой, чем была на самом деле. — Нам негде даже переночевать.

— Пройдем по ближайшим тавернам и гостиницам, — сказала она. — Быть может, кто-то даст мне работу. Я могу работать на кухне или даже на конюшне. Я буду работать не за деньги, а за еду и крышу для нас над головой.

Я охнула, и она поспешила меня успокоить:

— Ну, что ты, девочка, это же ненадолго. Нам просто нужно время, чтобы всё успокоилось. А там уж мы как-нибудь сумеем связаться с твоим отцом. Он пришлет нам деньги, и мы славно устроимся в каком-нибудь маленьком городке, где я снова займусь целительством, а ты станешь воспитывать нашего малыша.

Это должно было прозвучать обнадеживающе, но я видела — она сама не верила в то, что говорила.

И всё-таки мы стали действовать по этому плану и зашли в две таверны и три гостиницы в квартале, достаточно удаленном от заведения месье Касселя. Но в наших услугах нигде не нуждались. Хотя в одной из таверн мне предложили место подавальщицы, намекнув, что если я соглашусь оказывать дополнительные услуги, то жалованье будет удвоено. В ответ на это Лео так зыркнула на хозяина, что тот закашлялся.

К вечеру пошел дождь да такой сильный, что одежда насквозь промокла за несколько секунд. Прохожие бросились врассыпную, торопясь к теплым очагам и бодрящим напиткам. И только нам с Лео некуда было бежать.

Мы собирались переждать ливень под крышей магазинчика сладостей, рядом с которым как раз оказались, но хозяйка попросила нас удалиться, едва услышала, что мы ничего не собираемся покупать.

Мы укрылись от ливня под навесом уже закрытой на ночь лавки зеленщика, но этот навес не мог защитить нас ни от холода, ни от ветра.

Под ним же вместе с нами пережидали дождь две лохматые собаки — такие же бесприютные, как и мы сами. Но даже они побежали по своим делам, когда небо прояснилось. Теперь я уже с чувством сожаления вспоминала ту утреннюю булочку, что так и не смогла доесть. Сейчас я не отказалась бы даже от краюхи черствого хлеба.

Лео отдала мне свой шарф, но мне не стало теплее. Я села прямо на булыжную мостовую, по которой бежали ручейки, и никакие слова тети не могли заставить меня подняться.

— Девочка моя, да у тебя жар! — я никогда не видела Лео такой испуганной.

Мы услышали цоканье копыт, и скоро из-за поворота вывернул экипаж. Тетушка оставила меня под навесом, а сама бросилась на дорогу, крича и маша руками. Не знаю, что она сказала вознице или пассажирам, но через несколько секунд экипаж оказался подле меня, и дверца его распахнулась.

На мостовую спрыгнул мужчина средних лет, одетый хорошо, но без лишних изысков.

— Давайте, сударыня, я помогу вам подняться!

Но я только мотнула головой, и ему пришлось подхватить меня на руки.

— Осторожнее, сударь! Прошу вас — осторожнее! — хлопотала рядом Леони.

Меня опустили на лавку кареты, в темноте которой я не могла разглядеть лица мужчины, который согласился нам помочь. Слышала только, как тетушка сказала с сожалением:

— Простите, сударь, боюсь, мы испачкаем вам все сиденья.

Он заверил ее, что в этом нет ничего страшного, и весь оставшийся путь мы проделали молча. Когда экипаж остановился, Лео помогла мне выйти наружу.

Мы находились у крыльца довольно большого здания, окруженного садом, который в темноте ночи казался мрачным и пугающим.

Я вздрогнула:

— Лео, где мы?

Она пожала плечами:

— Я знаю столько же, сколько и ты. Но даже если нас привезли в публичный дом, поверь, здесь будет теплее, чем на улице.

Выбежавший встречать хозяина слуга позвал нас за собой. Внутри особняка было красиво и уютно — обивка на стенах приятных тонов, удобная и не вычурная мягкая мебель, паркет на полу — не новый, но натертый до блеска.

— Горничная принесет вам сухую одежду. А потом мы будем ужинать, — мужчина ободряюще улыбнулся, и я как-то сразу почувствовала к нему расположение.

Наверно, это было глупо — доверять человеку, которого видела впервые в жизни, но я радовалась уже тому, что эту ночь мы проведем не под дождем.

Немолодая молчаливая горничная отвела нас в гостевую комнату и помогла нам переодеться. Платья были не вполне по размеру, но выбирать не приходилось, и когда я посмотрела на себя в зеркало, то не смогла не улыбнуться. Тетушка тоже выглядела весьма забавно — платье было чересчур длинно для нее, и когда она спускалась по лестнице, ей приходилось чуть приподнимать его подол.

Хозяин уже ждал нас за накрытым столом. И не один, а с прелестной девочкой лет десяти, которая разглядывала нас с таким неприкрытым любопытством, что ему пришлось сделать ей замечание.

— Барон Робер к вашим услугам, сударыни! — представился мужчина с легким поклоном. — А это — моя дочь Лаура, — девочка сделала милый книксен. — Надеюсь, вам будет у нас удобно.

— Леони Бриссак, — сказала в ответ тетушка, слегка споткнувшись на только что придуманной фамилии. — Лесса Бриссак, моя племянница.

Сердце тут же отозвалось на произнесенное имя, которым еще совсем недавно называл меня Этьен. Но я сразу взяла себя в руки, запретив себе думать о бывшем муже. Он — это прошлое.

Лео попросила принести для меня горячего молока с медом, и когда я выпила его, то сразу почувствовала себя лучше и с удовольствием съела и гусиный паштет, и большой кусок пирога с сыром.

Когда ужин был закончен, барон отправил дочку спать, поцеловав ее и пожелав ей спокойной ночи.

— Простите, что не сумели развлечь вас беседой, — виновато улыбнулся он. — мы редко принимаем гостей, и Лаура немного дичится. Боюсь, я слишком много занимаюсь делами и мало времени уделяю дочери.

Ему ли было извиняться? Никакие наши слова благодарности не смогли бы в полной мере описать нашу признательность за его доброту.

Он ни о чём нас не спрашивал, ни в чём нас не подозревал — он просто пытался помочь тем, кто в этой помощи отчаянно нуждался.

— Вы можете оставаться здесь столько, сколько пожелаете. Поверьте, вы нас совсем не стесните. Лаура будет только рада вашему обществу.

Это было заманчивое предложение. Но я знала, что должна от него отказаться. Я не могла сказать ему, кто мы такие, но не хотела и обманывать его. Оставаясь здесь, мы подвергали опасности и его самого, и маленькую Лауру.

Лео была того же мнения.

— Нет, господин барон, мы не можем злоупотреблять вашим гостеприимством, и если у Лесси к утру снова не появится жар, то уедем завтра же, — Лео произнесла это с сомнением и посмотрела на меня, но я кивнула, одобряя всё то, что она сказала. Потом, после некоторой паузы, она прибавила: — Но мы будем вам признательны, если вы дадите нам немного денег.

Я почувствовала, что краснею. Мы было стыдно поднять глаза на барона. Что он о нас подумает? Как Лео смогла об этом попросить?

Но я знала — она просила для себя, а для меня.

И, как ни странно, барон не удивился и не возмутился. Напротив, он воскликнул:

— Разумеется, сударыня! Это меня совсем не затруднит.

Я так и не смогла на него посмотреть.

И утром, когда он вышел нас проводить и протянул Лео мешочек с деньгами, я расплакалась — и от стыда, и от облегчения, и от благодарности одновременно. А он в ответ пожал мою руку.

— Мы обязательно вернем вам всё, сударь! Не знаю, когда, но вернем, — выдохнула я сквозь слёзы.

И, наконец, посмотрела в его глаза — тоже подозрительно заблестевшие.

— Не плачьте, дитя мое! — он протянул мне шелковый платок. — После пасмурных дней на небе всегда появляется солнце.

И я поверила ему. Потому что мне нужно было во что-то верить. Ради себя, ради Лео и ради моего малыша.

19. Велия — мадемуазель королевской крови

Мы отправились с Лео в Розенбург — небольшой городок на западе Линарии. Тетушка вспомнила, что именно там живет ее старая подруга и учительница мадемуазель Велия де Шатильон. Мы несколько раз меняли почтовые кареты, чтобы сбить со следа королевских ищеек, если вдруг те за нами увяжутся.

Барон оказался щедр, и в пути мы не испытывали недостатка ни в еде, ни в удобном транспорте. Я никогда не была в этой части страны и взирала на проплывавшие за окном кареты пейзажи с большим любопытством. Розенбург же и вовсе поразил мое воображение. Розы были здесь повсюду — на балконах, на клумбах у крыльца, в садах. От пьяняще-сладкого аромата кружилась голова.

— Мило, правда? — сдержанно восхитилась и Лео.

Домик мадемуазель де Шатильон тоже был весь в цветах — белых, алых и ярко-красных. И сам домик был розового цвета, отчего издалека показался мне карамельным.

И я совсем не удивилась, когда на наш стук на крыльцо вышла женщина в розовом чепчике и розовой же кружевной накидке. Она подслеповато прищурилась и поднесла к лицу лорнет. Из-под чепчика выбивались седые кудряшки, и вся она была похожа на одуванчик.

— Велия, дорогая! — не дожидаясь, пока хозяйка узнает ее, воскликнула Лео. И сделала шаг ей навстречу.

Старушка в розовом охнула и всплеснула руками, отчего лорнет выскользнул из ее разжавшихся пальцев, упал на крыльцо, и был бы нещадно растоптан, если бы я не исхитрилась быстро его поднять.

— Леони, милочка!

Слово «милочка» так не вязалось с моей тетей, что я не сдержалась и хихикнула, за что получила от тетушки ощутимый щипок.

— Прости, мы к тебе без предупреждения. Я давно собиралась послать тебе весточку, но ты же знаешь, как я не люблю писать.

— Ну, что ты! — пожурила ее мадемуазель де Шатильон. — К чему церемонии между подругами? Прошу вас, входите в дом! Кто эта милая мадемуазель рядом с тобой?

— Моя племянница Лесса, — представила меня тетушка.

Уже через четверть часа мы сидели за круглым столиком в маленьком саду, и румяная горничная разливала по чашкам ароматный чай.

— Кушайте, кушайте! — потчевала нас хозяйка.

На блюде были пирожные на любой вкус — шоколадные, сливочные, фруктовые, — и все такие же миниатюрные, как сама хозяйка. Я попробовала все, какие были, и Велия наблюдала за мной с умилением.

Мне ужасно нравилась мадемуазель де Шатильон, и только одного я не могла понять — как такие разные (и внешне, и, судя по всему, по характеру) люди, как она и Лео, смогли стать подругами. Велия была восторженной и утонченной, моя же тетушка — решительной и порой грубоватой. Но, кажется, вместе им было очень комфортно.

— Ты должна научить ее иллюзорной магии, — заявила вдруг тетушка, когда горничная удалилась.

Я поперхнулась чаем.

— С чего бы это мне учиться иллюзорной магии? Да у меня совсем нет магических способностей!

На самом деле, способности у меня были, пусть и не совсем обычные для женщины. Когда я была еще совсем маленькой, отец привез в Сурель профессора из лимской академии, который с помощью странного прибора определял склонность ребенка к тому или иному виду магии. Так вот — этот ученый муж, к вящему изумлению родителей, заявил, что я — боевой маг! Это я-то, которая не могла поднять руку даже на комара!

Папенька пытался развить мои способности, но безуспешно — я решительно отказывалась направлять свой магический поток против кого бы то ни было — даже против бешеной собаки, которая однажды едва меня не покусала. Не находя применения, моя магия слабела, и я ощущала ее всё реже и реже.

В отличие от меня, у сестры был дар не разрушительницы, а созидательницы — в ее руках расцветало всё, что могло. Иногда по весне она вместе с крестьянскими детьми выходила в поля сеять рожь или пшеницу, и всякий раз после этого по осени были отменные урожаи.

— Глупости, милочка! — решительно заявила мне мадемуазель Велия. — У каждого есть способности, нужно только чувствовать их и развивать. Ты думаешь, твоя тетя была сильным лекарем, когда впервые пришла ко мне? Ничуть!

Она коснулась моей руки и удовлетворенно кивнула.

— Я чувствую твою магическую энергию, деточка! Она удивительно похожа на магию Леони. Даже не знай я, что вы родственницы, я догадалась бы об этом по магическому следу.

Да, я знала это — к какому бы виду магии не относились способности каждого из членов нашей семьи, сам магический след был у нас настолько похожим, что, если в детстве мы с Бланш шалили на уроках магии, то папенька никогда не мог догадаться, кто из нас совершил ту или иную шалость.

— Но иллюзорная магия — это, наверно, ужасно сложно? — предположила я. — И чтобы пользоваться ею, нужно иметь подходящий амулет?

— Это ничуть не сложно, дорогая! — улыбнулась мадемуазель Велия, внезапно молодея прямо на моих глазах. — А что касается амулета, то если он кажется тебе необходимым, то мы сможем сделать его сами.

Я смотрела на нее, открыв рот. И услышанное не могла осознать. Как это — сделать амулет? Все амулеты, которыми мы пользовались, были сделаны давным-давно, много столетий назад, когда еще существовали маги, способные на это. Да, королева Алэйна доказала, что люди могут составлять заклинания, которые активировали амулеты, но даже она не умела делать амулеты сама!

— Правда, — чуть погрустнела хозяйка, — для этого потребуется серебро или другой благородный металл и хотя бы один драгоценный камень, но, думаю, мы сможем что-нибудь отыскать.

— Но разве такое вообще возможно? — не поверила я.

— Да почему же нет, милочка? — удивилась старушка.

Это рушило всё то, чему меня учили с детства. И я даже посмотрела на тетюшку, ища в ее взгляде подтверждения, что мадемуазель Велия — сумасшедшая.

— Я всегда думала, что амулеты могли создавать только древние маги — и то не все, а лишь те, в ком была хоть капля королевской крови, — осторожно сказала я.

Старушка энергично закивала:

— Я тоже так думала, деточка! А однажды решила попробовать, и вот — получилось! А что касается королевской крови, то во мне ее куда больше, чем капля.

Нет, она точно была сумасшедшей! Ничем другим я не могла объяснить ее странные речи. Но если так, то не опасно ли нам оставаться в ее доме?

Лео заметила мое недоумение и поспешила объяснить:

— Мать Велии была внебрачной дочерью прадедушки нашего нынешнего короля.

— Именно так, милочка, — подтвердила хозяйка. — Он обольстил мою бабушку, но, конечно, ее ребенка не признал, а поспешил выдать ее за другого. К сожалению, бывает и так. Но, словно в отместку за это, его законный сын был очень слабым магом, а вот способности моей матушки были выдающимися. Кое-что, как видишь, перепало и мне.

Слушать ее было необычайно интересно, и мы, переместившись из сада в гостиную, проболтали до самого вечера. А потом мы с Лео с удовольствием отправились спать в уютную комнату с интерьером, выдержанным в персиковых тонах. И на следующий день проснулись, когда солнце было уже высоко. Хотя, может быть, тетушка проснулась и раньше, но продолжала лежать в кровати, боясь меня разбудить.

Спустились в гостиную, где на диване с клубком розовых ниток в руках сидела хозяйка и по странному выражению ее лица поняли, что что-то случилось.

— Это ужасное известие для всей Линарии, — ответила она на наш немой вопрос. — Всё произошло несколько дней назад, но до Розенбурга вести дошли только сейчас, — и произнесла с печальной торжественностью, — скончалась королева Алессандра.

20. Маленький принц

Видя, как убивается мадемуазель де Шатильон из-за смерти королевы, с которой даже не была знакома, мы с Лео сделали то, что изначально делать не собирались — мы рассказали ей правду. И в тот день на целом свете, наверно, не было человека счастливей Веллии.

— Ах, какую радость вы мне принесли! — восклицала она за ужином и всё подкладывала и подкладывала самые лучшие куски рыбы в сметанном соусе в мою тарелку. — Тебе следует хорошо питаться, моя девочка! Мой правнук должен родиться здоровым и сильным. Ты же разрешишь мне называться его бабушкой? Ведь двоюродная прабабушка — это почти что родная.

Она почему-то была уверена, что родится мальчик и сразу же взялась вязать для него чепчики, распашонки и пинетки. А так как дома у нее была только пряжа розового цвета, нам пришлось отправиться на рынок за голубой.

Она, казалось, совсем не была удивлена предательством Этьена — помня историю своей матери, она не ждала от мужчин ничего хорошего. А уж от мужчин королевской крови — тем более.

Она закармливала меня морепродуктами и сдобными булочками и попутно учила магии иллюзий.

— Тебе решительно необходимо научиться менять свою внешность! Нам совсем не нужно, чтобы тебя кто-нибудь узнал. И не пытайся становиться своей противоположностью — на первых порах ты не сможешь долго поддерживать иллюзию, и если в людном месте ты вдруг превратишься из блондинки в брюнетку, это привлечет к тебе ненужное внимание. Меняйся потихоньку — добавь рыжины в свои пряди, чуть приподними кончик носа, сделай губы более пухлыми. Ты не поверишь, но такие мелочи часто преображают человека настолько, что его перестают узнавать даже хорошие знакомые.

Я практиковалась каждый день, но мои успехи всё еще были очень скромны, а потому мы с Лео предпочитали не заводить знакомства ни с кем из соседей.

Был и еще один вопрос, который сильно волновал мадемуазель Велию.

— Каждый мальчик из рода Эллинаров должен как можно раньше коснуться воды магического источника. Иначе ребенок будет слабым и болезненным. Девочке, впрочем, это тоже не помешает. Даже мне, хоть я и была представителем незаконной ветви рода, позволили сделать это. Конечно, к самому источнику меня не подпустили, но принесли мне воды из него.

Но пока я еще не осознавала важность этой проблемы. Я уже чувствовала своего малыша и радовалась тому, что он должен был родиться в таком славном спокойном месте в окружении любящих и преданных ему людей.

Время от времени до нас доходили новости из столицы — в Лиме на целый месяц был объявлен траур, отменены балы и прочие развлечения. Лео, услышав об этом, только хмыкнула и назвала Этьена крокодилом. Про крокодилов ей однажды рассказал купец из Каристана — именно там водились кровожадные животные, которые, поедая своих жертв, вроде бы обливались слезами.

Я не знала, какие чувства испытал Этьен, когда его известили о том, что королева Алессандра утонула. Но если он пролил по мне хоть одну слезинку, то я надеялась, что это было искренне.

Мы могли только догадываться, как так вышло, что бедняжку Ванесс приняли за меня — должно быть, ее достали из воды спустя несколько дней, когда обглоданное рыбами тело можно было опознать только по вензелю на бархатном плаще. Но мы надеялись, что эта ошибка приведет к тому, что нас перестанут искать.

Но я еще долго просыпалась по ночам, вздрагивая от малейшего шороха под окном, и только когда на свет появился маленький Андрэ, я полностью растворилась в заботах о сыне. Мне казалось, что он похож на Этьена, Лео же утверждала, что исключительно на меня.

Он рос здоровым и улыбчивым мальчиком, и к тому времени, когда он сделал первые шаги, я если и вспоминала Лиму и королевский двор, то уже без горечи и даже почти без сожаления. Эту страницу книги я уже перевернула. Мы с Лео уже не опасались бывать в людных местах, перестав бояться, что кто-то может меня узнать. И, как оказалось, совершенно напрасно.

Прошлое ворвалось в наш дом дождливым весенним утром. Зазвенел колокольчик на дверях, и когда я вышла посмотреть, кто к нам пришел, то увидела на крыльце шевалье де Ламажа. Я увидела его

последний раз почти два года назад, и с тех пор он сильно изменился — морщинки избородили его высокий лоб, появились темные круги под глазами, а плечи, хоть и стали шире и мощнее, словно поникли. И всё-таки это был он — тот самый светловолосый офицер, что так часто был моей безмолвной тенью.

Моим первым побуждением было захлопнуть дверь и снова податься в бега. Но уже через мгновение я осознала, что это невозможно. Теперь мы с Лео были не одни.

— Что вам угодно, сударь? — я попыталась набросить на себя иллюзию, но сделать это следовало гораздо раньше, потому что он, несомненно, меня уже узнал.

— Ваше величество! — он низко поклонился. — Я должен с вами поговорить.

Я попыталась изобразить удивление:

— К кому вы обращаетесь, сударь?

Выглядел он неважно. Он едва стоял на ногах — должно быть, от усталости, — и его привязанная к изгороди лошадь тоже тяжело дышала.

— Я проделал путь от Лимы до Розенбурга за полтора дня. Я сменил нескольких лошадей, чтобы добраться к вам как можно скорее. Прошу вас — уделите мне хотя бы несколько минут!

Рядом со мной, сжимая в руках разделочный нож, встала Лео. Там, в Дижонском предместье, она не раз видела шевалье и тоже сразу поняла, кто он такой.

— Нет-нет, — торопливо заговорил он, — вам не нужно меня опасаться! Я не причиню вам вреда. Никто в Лиме не знает, куда и к кому я направился.

— И что вам нужно от нас? — рыкнула тетя. — И как вы узнали, где нас искать? Вы следили за нами всё это время?

Я содрогнулась. Если это было так, то он не мог делать это в одиночку, а значит, о том, что мы в Розенбурге, было известно кому-то еще при королевском дворе.

Я посторонилась, пропуская шевалье в дом, и тете пришлось сделать то же самое, хотя нож из рук она так и не выпустила. Де Ламаж прошел в гостиную и сел в предложенное кресло. Он заметно волновался и разговор начал не сразу. И только когда Лео покашляла,

призывая его сказать уже хоть что-то, он поднял на меня взгляд, что до этого буравил лакированную столешницу.

— Несколько дней назад в нашу секретную службу было доставлено письмо, отправитель которого сообщил, что королева Алессандра не утонула, и если мы хотим убедиться в справедливости его слов, то должны прибыть в городок Розенбург, что стоит в Сежальских горах.

Я не утерпела и перебила его:

— Кто еще читал это письмо?

Шевалье покачал головой:

— Не беспокойтесь, ваше величество, его вскрыл именно я, и осознав его важность, не стал его регистрировать. Я взял на службе отпуск и отправился сюда. Я должен был увидеть вас сам.

Он замолчал, и я, едва справляясь с дрожью в голосе, спросила:

— И что теперь, сударь? Вы увидели меня и теперь знаете, что отправитель письма вас не обманул. Что вы намерены с этим делать?

Но прежде, чем он успел что-то сказать, в наш диалог вмешалась Лео:

— Пока вы еще не ответили на вопрос, сударь, позвольте мне тоже кое-что сказать. Та девушка, которую приняли за королеву, сбросилась с моста не сама — ее сбросили! И люди, которые сделали это, думали, что убивали Алессандру. Впрочем, я знаю, что вы не поверите нам, потому что вы служите тем, кто во всём этом замешан.

Я вцепилась в подлокотник дивана с такой силой, что у меня побелели пальцы. От его ответа зависело слишком многое, и я смотрела на шевалье, затаив дыхание.

— Я вам верю, сударыня! Потому что я и сам пришел к такому же выводу — королеву обвинили несправедливо, а все доказательства были подтасованы, — сказал он, обращаясь к Лео, а потом перевел взгляд на меня. И в этом взгляде я увидела не сомнение, не недоверие, а отчаяние. — И в заговоре против вас, ваше величество, были замешаны очень важные люди. Возможно даже, что сам король.

21. Месье Ледюк

Я вздрогнула, когда он это произнес. Нет, я и раньше понимала, что Этьен, пусть и косвенно, был замешан во всём этом, но услышать это от постороннего человека было мучительно больно. Лео же, как я заметила, одобрительно кивнула.

— Ну, что же, — сказала она, — раз в этом вопросе мы пришли к единому мнению, то мы готовы вас выслушать, молодой человек. Надеюсь, ваша откровенность не закончится на этом признании.

— Не извольте беспокоиться, сударыня, я расскажу всё, что знаю. Правда, знаю я не так много, как, может быть, невольно дал вам понять. Но, если позволите, расскажу это несколько позже. А пока я хотел бы обсудить с вами совсем другой вопрос. Человек, который узнал королеву, находится сейчас в Розенбурге. Я должен встретиться с ним в самое ближайшее время — он ждет, что я подтвержу его предположения.

Лео нахмурилась:

— Но вы же не собираетесь этого делать, сударь? Вы же понимаете, какая опасность грозит Алессандре, если при дворе узнают, что она жива?

Офицер кивнул и облизал пересохшие губы. Ах, мы даже не предложили ему воды!

— Я постараюсь убедить его, что он ошибся. Он видел королеву лишь однажды, и я не думаю, что он уверен в своей правоте. Я скажу ему, что познакомился с дамой, на которую он указал, и убедился, что это — не ее величество. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы он прекратил вас подозревать.

Он упрямо называл меня королевой, хотя я не имела уже никаких прав на этот титул. Но у меня не было сил, чтобы ему возразить.

— Мы будем признательны вам, сударь! — сказала тетюшка, когда молчание затянулось. — Сделайте так, как намеревались, а потом возвращайтесь к нам, и мы продолжим наш разговор. Только будет лучше, если вы придете к нам в дом уже после того, как стемнеет и постараетесь сделать это незаметно — не думаю, что для человека из тайного сыска это будет сложно.

Шевалье похвалил ее за осторожность и жадно выпил целую кружку воды. Мы предложили разделить с нами обед, но он отказался.

— Будет лучше, если я не стану медлить и поговорю с месье Ледюком прямо сейчас. Он — помощник бургомистра, и я надеюсь застать его в ратуше.

Он удалился, а мы погрузились в томительное ожидание. На столе уже стояли обеденные блюда, но ни я, ни мадемуазель де Шатильон не смогли проглотить ни крошки. А вот на аппетите Лео волнение не сказалось — она полагала, что любую опасность лучше встречать на сытый желудок.

Я накормила маленького Андрэ, уложила его спать и вернулась в столовую, где Велия и Лео всё еще сидели за столом.

— Я знаю этого месье Ледюка, — сказала хозяйка. — Вернее, я знакома с его сестрой. Он отвечает за торговые дела в нашем городе. Кажется, он весьма амбициозен и жаден до денег.

— Если так, то это осложняет дело, — Лео задумчиво потерла нос. — Для него участие в поимке Алессандры могло означать быстрое продвижение по службе. Его бы заметили, наградили и, возможно, дали бы должность в столице. Боюсь, даже если шевалье удастся убедить его, что он ошибся, он всё равно станет следить за нами. А возможно, напишет еще одну кляузу или даже лично поедет в Лиму.

Это означало лишь одно — нам придется уехать из Розенбурга. И сделать это тайно, чтобы месье Ледюк не смог за нами увязаться. Я почувствовала отчаяние. Андрэ был еще слишком мал, чтобы скитаться с ним по постоянным дворам.

— Прости, Велия, но нам придется оставить Розенбург, — мысли Лео двигались в том же направлении. — И, боюсь, в Линарии нам уже не укрыться. Нам следует податься в Антарию. Да-да, я знаю, что мы враждуем с антарийцами уже много столетий, но это — вражда королей, а не наша. Нам же она, напротив, сыграет на руку. В Антарии нас никто не станет искать. Да и не сможет сделать это, даже если захочет.

Антария была совсем неподалеку — по другую сторону Сежалских гор, и в окрестностях Розенбурга было немало проводников, которые за небольшую плату водили желающих через границу тайными горными тропами.

— Ты права, дорогая! — неожиданно поддержала ее Велия. Как ни странно, она почти не расстроилась из-за предстоящей разлуки с нами. Впрочем, причина этого стала понятна уже через секунду. — Только не думаешь же ты, что я позволю вам податься туда одним? Нет-нет, я намерена быть подле нашего маленького принца, куда бы вы ни отправились.

Она заявила это столь решительно, что даже Лео не нашла, что ей возразить.

А я попыталась представить себе, как мы пойдем через горы с ребенком на руках и старенькой мадемуазель де Шатильон, и не смогла этого сделать.

Колокольчик на дверях отвлек меня от раздумий. У горничной был трехдневный отпуск, на время которого она уехала в деревню к родителям, и мне пришлось самой выйти на крыльцо.

— Шевалье? — я удивилась и испугалась одновременно. — Мне казалось, мы договорились, что вы придете к нам вечером.

— Ситуация изменилась, ваше величество, — он выглядел виноватым. Я предложила ему войти, и разговор мы продолжили уже в гостиной. — Я старался быть убедительным, но месье Ледюк мне не поверил. Он абсолютно уверен в своей правоте и полагает, что либо я недостаточно хорошо знал королеву, либо вам удалось купить мое молчание.

— Какой наглец! — возмутилась мадемуазель де Шатильон. — И чего же он хочет?

— Он хочет лично встретиться с ее величеством. Я продолжал утверждать, что не узнал в вас королеву, но он заявил, что хочет лично поговорить с молодой женщиной, которая живет в этом доме, кем бы она ни была. Этого я ему не мог обещать, не спросив вашего согласия, но он намерен прийти сюда через четверть часа.

Лео едва не зарычала от негодования.

— Ваше величество! — воскликнул шевалье. — Я соглашусь с любым вашим решением. Если вы прикажете, я вызову этого мерзавца на дуэль и обещаю вам, что не дам ему ни малейшего шанса.

Лео кровожадно закивала, но я не готова была так жестоко поступить с человеком, вся вина которого заключалась лишь в том, что он оказался слишком наблюдательным. К тому же, дуэль вызовет ненужные разговоры.

— Нет, не нужно, — попросила я. — Я встречу с ним, если он на этом настаивает, и постараюсь убедить его в том, что я — не та, за кого он меня принял.

Во взгляде шеваляе промелькнуло сомнение, но он лишь поклонился, давая понять, что выполнит всё, что я пожелаю.

Ровно через четверть часа в наш дом пожаловал еще один гость. Месье Ледюк оказался высоким худым мужчиной с цепким взглядом и крючковатым носом. Едва посмотрев на него, я поняла, что, чтобы я ни говорила, мне не удастся его переубедить.

И словно подтверждая мои мысли, он поклонился так низко, как кланяются только венценосным особам.

— Рад приветствовать вас в Розенбурге, ваше величество! Месье Ледюк, председатель торговой палаты города, к вашим услугам!

Я покачала головой:

— Не понимаю, о чём вы говорите, сударь! Для меня большая честь, что вы спутали меня с королевой, но, уверяю вас, вы ошибаетесь. Шевалье де Ламаж уже рассказал нам вкратце суть дела, и смею вас заверить, что, придя сюда, вы только потеряли время. Я — мадам Бриссак, племянница мадемуазель де Шатильон по линии ее отца барона де Шатильона.

На мне была иллюзия, поддерживаемая не только моей слабой магией, но и куда более сильной магией Велии. Но слишком сильно изменить мою внешность мы не решились — ведь этот месье видел меня в моем подлинном состоянии, и значительные изменения могли его только насторожить.

— Ну, что же, сударыня, — он кивнул, давая понять, что готов принять и мою версию, и перестал обращаться ко мне «ваше величество», — в таком случае вам не составит труда доказать мне, что я ошибаюсь. Вы же понимаете — вопрос слишком серьезен, чтобы я мог поверить вам на слово. Вы так похожи на королеву Алессандру, и вы появились в Розенбурге примерно тогда, когда народу сообщили о ее гибели, что мои подозрения имеют под собой основания. А раз так, то я просто обязан поставить о них в известность королевский двор. Если я окажусь не прав, я принесу вам искренние извинения и выплачу ту компенсацию, что вы пожелаете.

— Что за чушь, месье! — не выдержала Лео. — Какие доказательства вас убедят? Мы приехали с самого востока Линарии,

где нас многие знают, и если вы хотите в этом убедиться, то вам придется поехать именно туда.

— Нет-нет, сударыня! — возразил он. — Нам ни к чему проделывать путь через всю страну! Достаточно доехать всего лишь до Лимы. И уверяю вас, мы не станем поднимать никакого шума. Если кто-нибудь из тех, кто близко знал ее величество, подтвердит, что вы — не она, то я смиренно попрошу у вас прощения.

22. Ярость

Я не предложила ему присесть, и он так и стоял на некотором расстоянии от меня. Впрочем, шевалье де Ламаж тоже слушал это, стоя у дверей.

— Кто вы такой, сударь, чтобы требовать от нас чего бы то ни было? — холодно спросила я. — И это вам, а не мне, нужно собирать доказательства своей правоты. Но меня это уже совершенно не интересует.

На его лице напряженно заходили желваки. Я не знала, о чём думал в этот момент он, но для себя уже приняла решение — как только месье Ледюк удалится, мы соберем самые необходимые вещи и уедем из Розенбурга. Наверняка, Велия знает надежного проводника, который проведет нас через горы.

— Вы переходите всякие границы, сударь! — в голосе шевалье зазвучали гневные нотки. — Как вы смеете так разговаривать с благородной дамой? Мадам Бриссак сказала вам, что вы ошиблись, а значит, дальнейший разговор не имеет смысла, и нам с вами следует удалиться.

— Не смею возражать вам, шевалье! — смиренно поклонился Ледюк. — Только позвольте мне сказать несколько слов именно вам. Я уверен, что для вас, как для офицера, интересы Линарии стоят превыше всего!

Де Ламаж посмотрел на него с удивлением.

— Разумеется, месье!

— В таком случае, я должен сообщить вам еще один маленький секрет, о котором, я уверен, вы еще не знаете. У мадам Бриссак есть ребенок! Прелестный малыш одного года от роду. Ага, сударь, вижу, вас это заинтересовало! Только представьте — если я не ошибся, и мадам Бриссак на самом деле — королева Алессандра — то этот мальчик может быть сыном его величества! Наследник престола Линарии! Только задумайтесь об этом, сударь!

Я почувствовала, как холодный пот потек по спине. Шевалье де Ламаж был готов пожалеть изгнанную королеву, но захочет ли он помочь нам теперь?

И то молчание, что последовало за словами Ледюка, красноречиво свидетельствовало, что шевалье и сам еще не принял решение. Лео незаметно сжала мне руку, но этот жест поддержки был не способен меня приободрить.

— С какой стати нам с вами, месье, вмешиваться в частную жизнь мадам Бриссак? — наконец, спросил шевалье. — Эта дама не кажется мне знакомой, а ведь я сопровождал королеву на выездах на протяжении многих месяцев, и куда быстрее, чем вы, должен бы ее признать. Но я позволил вам лично задать ей тот вопрос, что вас волновал, и она ответила на него отрицательно. Чего же вы изволите еще, сударь?

Ледюк посмотрел на меня, на Лео, потом перевел взгляд на шевалье, недвусмысленно поглаживавшего эфес своей шпаги, и сдался.

— Ну, что же, возможно, я действительно ошибся. Прошу прощения, сударыня, за то беспокойство, что причинил вам своим визитом. И вас, лейтенант, тоже прошу меня простить — вы проделали напрасно такой путь из Лимы.

Он выглядел расстроенным и разочарованным, но я сомневалась в том, что он отступит так просто. И сомневалась в этом не я одна. Как только за Ледюком закрылась входная дверь, Лео хрипло сказала:

— Не удивлюсь, если он завтра же отправится в столицу.

— Это его право, — ответила я и повернулась в сторону де Ламажа. — Сударь, я крайне признательна вам за поддержку, но понимаете ли вы, что, решившись помочь мне, вы уничтожили свою карьеру? Если этот месье действительно поедет в столицу и лично явится со своим сообщением в вашу сыскную службу, вас тоже могут обвинить в государственной измене.

Шевалье выглядел взволнованным, но было не похоже, что он сожалеет о своем выборе.

— Ваше величество, день, когда я узнал о вашей гибели, был худшим днем моей жизни. Знали бы вы, как сожалел я о том, что не сумел вас защитить! Останься я тогда в Лиме, всё могло бы обернуться по-другому!

Он говорил с таким пылом, что Лео подозрительно хмыкнула. Я бросила на нее укоризненный взгляд.

— Вам не за что корить себя, сударь! Вы не могли поступить по-другому. Вы должны были выполнить приказ.

Лео хмыкнула еще раз и проворчала:

— Сейчас не время ворошить прошлое, сударь! Нам нужно думать о сегодняшнем дне. Боюсь, месье Ледюк может сообразить, что действовать нужно быстро и привлечет к делу городскую стражу Розенбурга. Если он захочет помешать нам сбежать, ему достаточно будет обвинить нас в чем-нибудь непотребном, чтобы на время поместить нас под арест.

Тетя, как всегда, была права — Ледюк был чиновником, и его слово имело в Розенбурге вес.

— Вы оказали нам большую услугу, шевалье, — меж тем, продолжала Лео, — но, если вы не хотите еще больше себя скомпрометировать, вам лучше удалиться. Пока вы виноваты лишь в том, что оказались слишком близоруки, чтобы узнать королеву, но если вы станете помогать нам и дальше, то...

Лейтенант не дал ей договорить:

— Не беспокойтесь обо мне, сударыня. Эти несколько месяцев, что прошли со дня нашей последней встречи с ее величеством, стали для меня кошмаром. Каждую ночь я просыпался в холодном поту, и если теперь у меня появилась возможность хоть что-то исправить, то я не намерен ею пренебрегать. Правильно ли я понимаю, что вы намерены уехать из Розенбурга?

Он и сам знал, что у нас не было другого выхода.

Мадемуазель де Шатильон уже вышла в гостиную с небольшим саквояжем. Не знаю, как она ухитрилась так быстро собрать свои вещи, но это послужило сигналом и для нас.

— Да, — коротко ответила я. — Более вы ни о чем не хотите меня спросить?

Он был достаточно тактичен, чтобы не завести разговор о моем сыне, но я понимала, что этот вопрос необходимо прояснить. Я не хотела обманывать его — ведь ему придется сделать выбор между долгом и совестью.

— Значит ли это, что месье Ледюк сказал правду, и у Линарии уже есть принц, о котором все так долго мечтали?

И снова я не посчитала нужным скрывать правду.

— Да, он не ошибся и в этом.

— Но если речь идет о наследнике Эллинаров, — теперь шевалье смотрел на меня с изумлением, — то зачем вам куда-то бежать? Вы должны вернуться в Лиму! Его величество будет счастлив узнать о наследном принце, и вся страна будет ликовать вместе с ним.

Лео уже вышла из спальни, держа Андрэ на руках, и шевалье, приветствуя его, опустился на одно колено.

— Разве вы забыли, сударь, — спросила она, — что случилось с девушкой, которую приняли за Алессандру? В этой игре слишком большие ставки, и тех, кто хотел навредить моей племяннице, не остановит наш маленький принц.

— Но когда его высочество признает источник, никто не посмеет ему навредить, — пытался убедить нас де Ламаж.

Но Лео только вздохнула:

— Вы еще более наивны, чем моя племянница, сударь. Но давайте поговорим об этом по дороге. Нам тоже нужно о многом вас расспросить. Ведь я же правильно поняла — вы намерены нас сопровождать?

Он горячо заверил ее, что она поняла всё совершенно правильно, и первым вышел на улицу.

— Мы не должны втягивать его во всё это, — прошептала я, когда он удалился достаточно, чтобы нас не услышать. — Он присягал его величеству. Помогая нам, он совершает преступление.

Тетка сунула мне тот саквояж, с которым мы когда-то приехали в Розенбург, и жестко сказала:

— Мы собираемся переправляться через границу, Лесса, и нам совсем не помешает, если на этом опасном пути нас будет сопровождать мужчина. Де Ламаж кажется мне человеком благородным и надежным. К тому же, у него есть лошадь.

Об этом я, как обычно, не подумала и в полной мере оценила все преимущества путешествия с таким спутником, только когда мадемуазель де Шатильон и Андрэ расположились в седле. В ближайшей деревне мы собирались купить еще хотя бы пару лошадей и нанять проводника, который сопроводил бы нас до Антарии.

По улицам города мы передвигались молча, боясь своими голосами привлечь чье-то внимание, и вздохнули с облегчением только тогда, когда вышли на горную дорогу. Уже занимался рассвет, и когда я

оглянулась назад, Розенбург в долине показался мне совсем крохотным.

Мадемуазель де Шатильон сказала, что в деревушке Валентен она знает опытного проводника, который иногда снабжал ее контрабандными антарийскими товарами, и который знает тропу через границу как свои пять пальцев. К тому же, он умеет держать язык за зубами, а значит, именно к нему нам и следует обратиться. Никто против этого не возразил.

— А теперь, шевалье, вы уже можете ответить на несколько наших вопросов, — сказала Лео, подходя к де Ламажу поближе. — Прежде всего, меня интересует, почему вся Линария говорит об Алессандре как о королеве? Ведь к тому времени, как нашли утонувшую девушку, всем уже должно было бы быть известно о разводе их величеств. Мы с Лессой лично слышали, как об этом судачили, еще когда мы были в Лиме. И кажется, бедняжку Ванесс похоронили со всеми почестями в королевской усыпальнице.

Но ответить де Ламаж не успел, потому что неподалеку от нас хрустнула ветка. Было уже почти светло, и я заметила, как на некотором расстоянии от нас метнулись, скрываясь за огромным валуном, две темные фигуры.

— Кто здесь? — громко спросил шевалье, и поскольку никто не ответил, предупредил: — Если вы не отзоветесь, я вынужден буду стрелять.

Я видела кремниевый пистолет у него на поясе и понимала, что это — не пустая угроза.

Судя по всему, угроза возымела действие на преследовавших нас людей. Но еще прежде, чем я услышала голос Ледюка, я уже знала, что это именно он.

— Зачем поднимать шум, шевалье? У нас нет намерения причинить вам зло. К тому же, стрелять в горах — весьма опасно. Я всего лишь хотел убедиться в своей правоте, и вы своим бегством невольно подтвердили мои догадки. Ваше величество, прошу вас, не делайте глупостей. Вы — королева Линарии, и вам надлежит вернуться во дворец и воспитывать наследника престола в тех условиях, на которые он имеет право. Я не знаю, какие причины вынудили вас покинуть Лиму, но уверен, что его величество будет счастлив узнать, что вы живы. Позвольте мне сопровождать вас в

столицу. Возможно, сейчас вы ненавидите меня, но когда-нибудь вы скажете мне «спасибо».

Он был не один, и наверняка, они тоже были вооружены. Я была уверена в храбрости шевалье, но наших преследователей могло быть не двое, а трое или даже пятеро. Что мы сможем им противопоставить?

К тому же, они прятались за валуном, а мы были у них как на ладони. Лео помогла спешиться мадемуазель де Шатильон, и я видела, что Велия дрожала от страха.

Более уже не было смысла отрицать, что я — Алессандра, и я решила воззвать не к совести Ледюка, а к его разуму.

— Позвольте нам уйти, месье Ледюк! Поверьте — вы сделаете доброе дело и для меня, и для моего сына. Возможно, однажды я вернусь в Лиму, чтобы получить всё то, на что Андрэ имеет законное право. И тогда я щедро вознагражу вас за эту услугу.

Было слышно, как он усмехнулся:

— Зачем же мне ждать, ваше величество, если я могу получить награду от вашего супруга гораздо быстрее?

— Да, вы получите награду, — не стала возражать я, — но вы обретете врага в лице королевы, и я найду способ, как вам отомстить.

Я еще верила, что мы сумеем договориться, но скоро случилось то, что я потом уже не могла вспоминать без содрогания.

Но сначала я не поняла, что произошло — стоявший рядом со мной шевалье просто рухнул на землю. Я даже подумала, что к нему применили какое-то заклинание, и удивилась этому — Ледюк не был похож на человека, обладавшего магическими способностями. И только спустя пару секунд, когда де Ламаж захрипел, я увидела торчавший из его тела нож. Его камзол так быстро окрашивался в красный цвет, что серьезность раны не вызывала сомнений.

Я опустилась на колени рядом с ним, схватила его дрожащую руку. Я беспомощно оглянулась на Лео, и она сделала шаг в нашу сторону.

— Оставьте его! — теперь Ледюк оказался достаточно смел, чтобы выйти из-за камня. — Если вы не хотите, чтобы пострадал кто-то еще, то оставайтесь на своих местах. Думаю, вы уже поняли серьезность наших намерений. Как вы могли убедиться, мой слуга отлично бросает ножи. Шевалье ничем вам уже не поможет. Взываю к

вашему благоразумию, ваше величество! Если вам дороги близкие вам люди, то зачем же рисковать их жизнями? Я даже готов пойти на компромисс. Если вы хотите уехать в Антарию, то кто я такой, чтобы препятствовать королеве? Но наследный принц Линарии останется здесь. Не сомневайтесь — я доставлю его в Лиму со всей возможной осторожностью. Так что решайте — хотите ли вы получить свободу такой ценой?

Де Ламаж силился подняться, но даже я, которая ничего не понимала во врачевании, понимала — он уже не сможет подняться. Никогда. От бессилия, от чувства вины, от отчаяния у меня опускались руки. Тереса, Ванесс, шевалье — всех этих людей погубила я, пусть и невольно. Слезы застилали глаза, текли по щекам, попадали в рот.

Я была не намерена сдаваться, но я была слишком слаба и растеряна, чтобы противостоять врагам.

А могучий как скала слуга Ледюка уже тоже вышел на поляну.

— Принеси мне мальчика! — велел ему хозяин.

Андрэ стоял на траве, потирая сонные глазки. Он был еще слишком мал, чтобы понимать, что происходит. Наперерез амбалу с неожиданной прыткостью бросилась Велия. Она встала между ними, заслоняя ребенка своим худеньким телом. Божий одуванчик с храбрым сердцем. В этот момент она не думала о себе — она, как могла, пыталась защитить моего малыша.

Слезы мгновенно высохли. Я, наконец, пришла в себя, вскочила. Я чувствовала, как где-то глубоко внутри меня зарождается и преумножается ярость. И через несколько мгновений ее стало так много, что она рвалась наружу с испугавшей меня самой силой.

Я не понимала, что со мной происходит — я просто взмахнула рукой, а слуга Ледюка отлетел на несколько шагов слово тряпочная кукла. Должно быть, он ударился головой о камень, потому что, упав, так и лежал безо всякого движения.

Я повернулась в сторону Ледюка, и он попятился. Я впервые увидела в его глазах не просто страх, а ужас.

23. Рассказ шевалье

— Ваше величество, простите, я не хотел... Я не думал..., — он отступал от меня всё дальше и дальше. — Меня толкнуло на это желание послужить Линарии. Мой двоюродный брат служит на кухне королевского дворца, и я как раз был в Лиме, когда заговорили о разводе короля. Брат обмолвился, что развод связан не только с отсутствием наследника у королевской четы, но и с тем, что вы, ваше величество, покушались на жизнь короля! По дворцу ходили слухи, что вы — преступница! Что я должен был подумать, увидев вас в Розенбурге? Разве не должен каждый добропорядочный гражданин действовать в интересах своего короля?

— Ваш брат, он знает обо мне?

Ледюк замотал головой:

— Нет, конечно, нет! Я не хотел, чтобы слава и деньги достались ему!

Он находился уже слишком далеко от меня, а ветер уносил его слова совсем в другую сторону. Я сделала по направлению к нему только один шаг, но этого оказалось достаточно, чтобы окончательно его испугать. Лицо его побелело, и он отступал всё дальше и дальше.

— Стой! — крикнула Лео. Она первая заметила, что за его спиной — обрыв.

Но ее возглас его не остановил. Через секунду, он, взмахнув руками, полетел вниз, и его истошный крик, многократно повторенный эхо, еще долго стоял у нас в ушах.

Я не могла двинуться с места. Всё мое тело сотрясала дрожь. Я не могла даже плакать.

— Ну, что ты, девочка? — крепко обняла меня Лео. — Всё позади.

Я посмотрела на Андрэ, который сидел на траве — он был не напуган, а словно удивлен отсутствием внимания к нему с нашей стороны. А заметив наши взгляды, требовательно взмахнул пухлой ручкой.

Лео отошла от меня, склонилась к шевалье, и я, сбросив с себя оцепенение, сделала то же самое. Он был еще жив, но по скорбному

выражению тетушкиного лица я поняла, что она ничем не сможет ему помочь.

— Простите, что снова не сумел вас защитить, — еще слышно прошептал де Ламаж и облизал пересохшие губы.

— Вам не в чем себя упрекнуть, сударь, — кажется, по щеке Лео тоже скатилась слезинка. — Они напали как шакалы, исподтишка.

— Они мертвы, оба? — он дождался ее кивка, и лицо его просветлело, а взгляд переместился на меня. — Мне так многое нужно было рассказать вам, ваше величество, но, боюсь, я уже не смогу. Да я и сам знаю не всё. Это странная история, в которой очень много тайн. В тот день, когда я прибыл во дворец с письмом к вам от его величества, такой же путь, только несколькими часами ранее, должен был проделать один мой товарищ из нашей службы. Но он исчез, и как я ни старался, я не смог отыскать его след. Я до сих пор не знаю, кому было адресовано то письмо, что поручил доставить ему король. Он был славным парнем, виконт де Сервес, и мне жаль, что я ничего не смог о нём узнать.

Я видела, что Лео несколько раз порывалась направить его мысли к более важным для нас событиям, но так и не решилась это сделать.

— Меня действительно обвинили в покушении на его величество? — спросила я.

— Да! — едва заметно кивнул шевалье. — Но об этом не решились объявить во всеуслышание. Да это стало и бессмысленным после вашей гибели. Вернее, после гибели девушки, которую приняли за вас. О, ее невозможно было опознать — но у нее были волосы совсем как у вас, и ваш плащ. В тот день я впервые напился до беспомыслия — я надеялся, что вино поможет мне забыть о том, что случилось.

— Но почему кто-то решил, что Алессандра покушалась на жизнь короля? Неужели можно было обвинить королеву в столь страшном преступлении вот так, запросто, без всяких доказательств? — этот вопрос Лео неоднократно задавала и мне самой, но у меня не было на него ответа.

Дышать шевалье становилось всё труднее и труднее, и тетушка подложила ему под голову свой свернутый плащ.

— Доказательства были! — прохрипел он. — Однажды ночью, когда его величество был уже в Антарии, какая-то женщина дошла

почти до самого королевского источника, и магические ловушки не среагировали на нее. И только когда стража заметила ее, она вынуждена была убежать, выронив при этом стеклянную бутылку с ядовитым отваром. На ноги были подняты лучшие королевские маги, и их мнение было единогласным — магический след, оставшийся на месте преступления, принадлежал вам, ваше величество! А на бутылке было ваше клеймо, мадемуазель Леони! В таких склянках вы выдаете зелья тем страждущим, которые приходят к вам за помощью.

Лео вздрогнула. А мне стало холодно, и я поплотнее стянула края пелерины.

— Вот как? — тетьа хмыкнула. — Тогда почему же вы, шевалье, сочли, что королева всё-таки невиновна? Или вы решили нам помогать, даже будучи уверенным, что Алессандра — преступница?

— Нет-нет, сударыня! Я просто посчитал, что два эти доказательства могут быть совсем не связаны между собой. Да, в том, что его величество была ночью рядом с источником, не было сомнений. Но значило ли это, что она приходила туда с преступной целью? Конечно, нет! Королева имела право бывать у источника в любое время суток. Быть может, у вас заболела голова, и вы отправились в сад, чтобы набрать целебной воды. Да-да, в ту самую бутылку с клеймом вашей тети. Вы услышали голоса стражников, испугались и предпочли вернуться во дворец. А бутылку выронили в саду, и кто-то решил воспользоваться ею, чтобы вас опорочить! Достаточно было налить в нее яд.

Я кивнула. Это звучало логично, за исключением одного факта, обсуждать который сейчас было неуместно.

— Не сочтите за хвастовство, но в свое время я был одним из лучших студентов на курсе магического сыска. Я изучил дело, что хранилось в канцелярии — доступ к нему имели всего несколько человек, в том числе и я. Мало кто задумывается, но по самому зелью иногда можно установить того, кто его сварил. Или, напротив, убедиться в том, что оно — не творение рук какого-то конкретного человека. Простите, но я счел возможным наведаться в ваш дом, мадемуазель Леони, и взял несколько склянок с вашими отварами. Так вот — то зелье, что было найдено в королевском саду, сварили не вы!

— И что же, сударь, — заволновалась Лео, — сказали ли вы кому-нибудь об этом?

— Да, конечно! Я доложил об этом своему начальнику — графу д'Эрсану — главе тайной королевской канцелярии. Но он решил, что я ошибся. А после того, как было объявлено о гибели королевы, дело против вас, ваше величество, было закрыто, и его сиятельство посоветовал мне обо всём забыть. Но я не смог забыть!

Он выкрикнул это громко и горячо, и это отняло у него последние силы. Он еще успел бросить на меня прощальный взгляд, а потом его глаза закрылись уже навсегда.

Мы с Лео долго сидели подле него, и ни Велия, ни Андрэ нас не беспокоили.

— Нам надлежит позаботиться о его погребении, — сказала Лео, когда мы, наконец, поднялись. — Надеюсь, в Валентене есть священник?

Мадемуазель де Шатильон подтвердила, что есть.

— Нам придется сказать, что мы нашли его в горах. Не думаю, что нас станут подозревать в его гибели. А этого, — она посмотрела на второе тело, — оставим здесь. Лошадь не сможет увезти их обоих. Но скажем священнику и про него. У слуги месье Ледюка еще один точно такой же нож висит на поясе — все решат, что они погибли от рук друг друга.

Мы завернули тело шевалье в плащ и втроем с немалым трудом водрузили его на спину лошади.

— Быть может, вы посчитаете, что нам стоит вернуться в Розенбург? — Лео обвела нас вопросительным взглядом. — Ледюк погиб, и если он сказал правду, то про Лессу больше никто не знает.

Я дала возможность Велии ответить первой — ведь именно она вынуждена была сейчас оставить свой дом, в котором была счастлива так много лет. Отправиться в рискованную поездку в ее возрасте было почти подвигом.

— Нет, дорогая, — мадемуазель де Шатильон покачала головой, — это было бы слишком опасно. Он мог рассказать обо всём сестре или кому-то еще из близких. К тому же, я уже написала письмо своей горничной, сообщив, что мы отправились по делам в столицу. Я вложила в письмо щедрую сумму, и наверняка, Сюзанна уже порадовалась этому. Не беспокойтесь обо мне — я, конечно, очень стара, но еще могу держаться в седле. А еще, я слыхала, путешествовать — ужасно интересно!

До Валентена мы добрались еще засветло. Разыскали священника, оставили ему тело шеваље де Ламажа, рассказав о ссоре между мужчинами в горах и сообщив, что перед смертью шеваље успел назвать нам свое имя. Духовный отец пообещал похоронить де Ламажа по всем необходимым правилам. Наш рассказ не вызвал у него подозрений — этой тропой часто ходили контрабандисты, и происшествий на ней случалось немало.

На ночлег мы остановились в доме того самого проводника, который был знаком Велии Он заявил, что мы выдвинемся в путь на рассвете и посоветовал нам хорошенько выспаться. Мои спутники охотно последовали его совету — после треволнений этого дня и сытного ужина и Лео, и Велия, и маленький Андрэ погрузились в сон, едва добравшись до сеновала.

А вот мне не спалось. Я всё прокручивала и прокручивала в голове наш последний с шеваље разговор. Наконец, не выдержала и спустилась на крыльцо. Ночь была теплой, а звезды в горах казались таким близкими и яркими.

— Ты почему не спишь? — услышала я за спиной недовольный голос тетки. — Нам предстоит тяжелая дорога.

Она села на ступеньку рядом со мной.

— Ты ведь тоже всё поняла, да? — спросила я, отчаянно борясь с очередным потоком слёз.

Вместо ответа она стиснула мою руку. Кому, как не ей, было знать, что наша родовая магия оставляет одинаковый след. И именно поэтому магические ловушки в саду пропустили Бланш к источнику — они приняли ее за меня и не почувствовали угрозы.

— Если ты в ту ночь не была у источника, значит, это была твоя сестра, — Лео обняла меня, и я положила голову ей на плечо.

— Но почему??? Мы были так близки с самого детства! Я любила ее как саму себя! И так боялась за нее, так ругала себя за то, что оставила ее одну во дворце!

Мы с Бланш мечтали в детстве, что станем принцессами — непременно обе, потому что у нас всегда всё было поровну. Вспоминать об этом теперь было так горько!

В этот день я перестала мечтать. За несколько часов я словно повзрослела на несколько лет. В моем сердце не было уже ни жалости, ни любви — в нём поселилась ненависть — ко всему, что было связано

с Лимой. Это он, королевский дворец, отравлял всё живое, что попадало в него. И я не намерена была туда возвращаться.

24. Амулеты

Город Эскала, как и Розербург, располагался в долине — только по другую сторону Сежальских гор. Он был таким же небольшим, но на этом их сходство заканчивалось. Если Розенбург был бело-розовым от цветов, которые были там повсюду, то грязно-коричневый Эскала навевал уныние. Это был рабочий городок, где проживали в-основном семьи рудокопов, и атмосфера в нём была такой же беспросветно-мрачной, как и сама работа в горах.

Мы сразу решили, что задерживаться в Эскале не стоит, но нам требовался хотя бы недельный отдых — переход через горы сильно вымотал не только Велию и малыша, но и нас с Лео. Мы сняли комнату на втором этаже местной таверны и принялись зализывать раны. Раны, по большей части, были душевные, и именно поэтому Лео не знала, как их лечить.

— Нам следует податься в Анжерон! — сказала Велия. — Я слышала о нём много хорошего. Говорят, он куда красивее Лимы.

С некоторых пор я настороженно относилась к столицам, но в большом городе проще было стать незаметными. Вот только чтобы добраться до Анжерона и обустроиться в нём, нужны были деньги, а после того, как мы расплатились с проводником и заплатили за номер в таверне, у нас их почти не осталось.

Мадемуазель де Шатильон была отнюдь не бедна, но большая часть ее денег осталась в банке в Розенбурге — в той спешке, в которой мы уезжали, у нее не было возможности их снять. Она взяла с собой семейные драгоценности, которые в случае необходимости можно было продать, но, когда она собралась сделать это, я решительно воспротивилась — мне не хотелось, чтобы она расставалась с тем, что было дорого ей. Она и без того сделала для нас очень много.

На следующий день после прибытия в Эскалу Лео прошлась по городу, разузнавая насчет работы, но всюду на нее смотрели с удивлением и насмешкой. Работы для женщин в городе было мало, а на рудниках требовались крепкие мужские руки.

Как ни странно, но в этом мрачном и унылом месте мы обнаружили множество славных людей. Они были бедны и часто недоедали, но у них были добрые сердца. Мы быстро обзавелись знакомыми, а Андрэ сразу же стал любимчиком всех посетителей таверны.

Я знала антарийский язык в совершенстве, и желая хоть чем-то отблагодарить так тепло встретивших нас людей, я взялась учить их грамоте и арифметике. Многие из них не умели ни читать, ни писать, и я не без оснований подозревала, что их нещадно обманывает управляющий рудниками, давая им на подпись документы, содержание которых они не могли понять.

Мои уроки пользовались популярностью и у детей, и у взрослых, и скоро я не могла пройти по улице, не встретив кого-нибудь из своих учеников. Они приветствовали меня с таким почтением, что мне становилось неловко. Я впервые в жизни не бездельничала, а делала что-то полезное, и это меня сильно подбадривало.

Здесь рудники принадлежали князю Алонсо, который в Эскалу приезжал крайне редко, предпочитая проводить время в столице, и его можно было понять. Всеми делами в городке заправлял сеньор Суарес, который, поговаривали, был нечист на руку и, наверняка, наживался не только на рабочих, но и на своем хозяине.

— Милочка, кажется, в здешних пещерах добывают драгоценные камни? — спросила однажды Велия.

— Да, изумруды, — нахмурилась Лео, — но что нам с того?

Мадемуазель де Шатильон начала издаലെка:

— Помнится, раньше каждый ребенок из благородной семьи начинал изучение магии со знакомства с книгой амулетов Линарии.

Я нетерпеливо кивнула. Да, у нас в Суреле тоже была такая книга, и наш учитель магии заставлял нас заучивать свойства каждого амулета. А когда мы с Бланш пытались протестовать, он обращал нас к примеру королевы Алэйны, которая знала эту книгу наизусть.

— Да, — мечтательно улыбнулась Велия, — любой из этих амулетов я до сих пор могу нарисовать по памяти. А ведь многие из них были утрачены еще много веков назад. Вы только представьте — мы знаем, как выглядели эти амулеты, какими свойствами они обладали, какие заклинания их запускали...

— Нельзя ли ближе к делу? — не выдержала Лео. — К чему ты клонишь?

Велия странно хихикнула:

— К тому, что найдется немало людей, готовых за любой из таких амулетов заплатить огромные деньги. Линарийские амулеты всегда были в цене — и не только в самой Линарии, но и за ее пределами. А что, если бы у кого-то вдруг оказался амулет, давно считавшийся утерянным, и он захотел бы его продать? Знаешь, сколько среди утерянных амулетов тех, что с изумрудами? Я посчитала ночью по памяти — целых семнадцать штук. Правда, десять из них — золотые. А золота у нас, к сожалению, нет. Но вот семь других — серебряные. А у нас есть ножны твоего кинжала, которые вполне можно переплавить для благого дела. Поверь — в кожаных ножнах твой кинжал не станет хуже. Конечно, будет странно, если вдруг все эти амулеты найдутся разом, но, думаю, продать две-три штуки, не вызвав подозрений, мы сможем.

— Прости, но я тебя не понимаю! — рассердилась Лео. — Да, я помню, ты говорила, что пробовала делать амулеты сама, и у тебя это даже получалось. Но одно дело сделать что-то новое, и совсем другое — пытаться воссоздать старинный амулет.

— Милочка, да что же тут сложного? — обиженная ее недоверием Велия тоже повысила голос. — Нам нужен только мастер, который смог бы изготовить украшение по нашей картинке. Да, и конечно, нам потребуются изумруды. Уверена, что именно здесь, в Эскале, их можно купить совсем задешево. Ну, что вы смотрите с таким удивлением? Рабочим здесь платят очень мало, а их семьи хотят кушать. Уверена, рудокопы научились проносить самоцветы с рудников мимо охраны. А может быть, охрана тоже имеет что-то с этого. Вы видели, сколько в городе ювелирных лавок? А народ здесь бедный, и такие товары покупать ему не на что. А значит, ювелиры не продают, а покупают.

Мы с Лео переглянулись. В ее словах была определенная логика. Но слабых мест в них было куда больше.

— Даже если всё так, как ты говоришь, то мы всё равно не сможем купить драгоценные камни, как бы дешево их ни продавали.

Но Велия возразила:

— Мы можем заложить что-то из моих драгоценностей — вот хотя бы то тяжелое рубиновое ожерелье, носить которое ни одна нормальная женщина не в состоянии. Всего лишь заложить! Этого вполне хватит на изумруды.

— Допустим, — теперь Лео слушала ее куда внимательней, — мастер сделает нам украшение по рисунку. Но у него не будет свойств амулета!

— Ну, почему же, милочка? — удивилась мадемуазель де Шатильон. — Конечно, они будут куда слабее подлинных, но магии, уж поверь, в них будет достаточно. Тот, кто захочет их купить, сразу почувствует их силу.

Если бы у нас были другие варианты, мы с Лео никогда не согласились бы на эту авантюру. Но их не было, и тетушка, скрепя сердце, сказала:

— Ну, хорошо. Но только — один амулет! Мы продадим его и как можно скорее уберемся из Эскалы.

Велия радостно закивала, и мы приступили к поиску нужных нам людей. Оказалось, что изумрудами, в том числе, ограненными, «из-под полы» торговали многие, а наше желание купить самоцветы никому не показалось странным. Женщины, как сороки, падки на всё, что сверкает.

Среди моих учеников мы без труда нашли и искусного мастера, который без лишних разговоров согласился изготовить по рисунку красивую серебряную брошь. Рисунок принадлежал перу Велии, но мы с Лео контролировали процесс — мы все хорошо помнили этот амулет из толстой старинной книги. Амулет, отгоняющий драконов.

— Начнем с него, мои милые! — сказала Велия. — Потому что проверить его действие будет особенно сложно — для этого, как минимум, нужно найти дракона, а они исчезли куда раньше, чем сам амулет. Но изумруды будут пропитаны магией, и амулет, уверена, легко подействует на какую-нибудь более мелкую тварь.

Процесс наделения амулета магическими свойствами занял несколько дней, но мы не торопили Велию — уж больно тонкая это была работа.

В те часы, когда мой маленький принц спал, я практиковалась в иллюзорной магии и уже добилась в ней значительных успехов. Впрочем, если бы в Эскале я встретила кого-то из своих линарийских

знакомых, уверена, они не узнали бы меня и безо всяких иллюзий. Теперь я носила не шляпку, а платок, платье из немаркой прочной ткани и башмаки из грубой кожи. Выходя на улицу, я уже не прикрывалась зонтиком от солнца, и кожа на моем лице стала такой же смуглой, как и у местных женщин. Я научилась стирать и гладить белье и варить простые похлёбки.

— Готово! — Велия, наконец, позволила нам полюбоваться результатами своего труда.

Я почувствовала магию, стоило мне только коснуться амулета. Не знаю, как у Велии получилось, но я была уверена, что никто не усомнится в подлинности этого артефакта. Осталось только выгодно его продать.

Мы уже подыскивали подходящего покупателя. Сеньор Наварро владел ювелирными лавками не только в Эскале, но и по всей Антарии. Велия намекнула ему, что она хотела бы продать старинный амулет, доставшийся ей от бабушки — тот когда-то получил его не вполне законным путем, и потому о нахождении в их семье такой ценной реликвии не знал никто из посторонних.

Благородное происхождение было просто написано на лице Велии, и никто не усомнился бы в ее словах. Поверил им и месье Наварро.

— Разумеется, сеньора, всё это останется между нами. Не извольте беспокоиться — я продам ваш амулет со всей возможной осторожностью. Я найду покупателя, который не станет задавать лишних вопросов. И если вдруг в вашей семье хранился не один амулет, а несколько, то знайте — никто не даст за них цену лучше, чем я.

Мадемуазель де Шатильон позволила ему надеяться на то, что амулет был не один, и он уехал в Анжерон, полный решимости заключить выгодную сделку. Он вернулся из столицы через две недели и привез нам двести пятьдесят золотых. Для нас это была немислимая сумма! На эти деньги можно было купить маленький домик в любом городе Антарии. Но могли ли мы теперь остановиться?

— Еще один только амулет! — жалобно сказала Велия. — Тем более, что мы уже почти обещали его сеньору Наварро. Мы же хотим, чтобы наш маленький Андрэ учился в лучшей магической школе Антарии! А на это нужны немаленькие деньги.

Мы согласились — хорошо, но только один!

Это был амулет нахождения потерянных вещей. Когда Велия вдохнула в него магию, мы проверили его действие прямо в таверне, и хозяин с удивлением обнаружил в потаенных местах серебряную ложечку, запылившуюся бутылку дорогого вина многолетней выдержки и старинное кольцо, которые уже не чаял найти.

За этот амулет мы затребовали больше — всё-таки это была куда более полезная вещь. Драконы — твари мифические, а потерянные предметы — вполне себе реальность. И судя по тому, как легко сеньор Наварро согласился увеличить сумму до трехсот пятидесяти золотых, стало понятно, что в Анжероне он продает их куда дороже.

— Еще один! — решили мы и взялись за изготовление амулета усмирения взбесившихся животных.

Но его нам уже не суждено было продать. Как раз тогда, когда Велия, как обычно, в нашей каморке занималась приданием амулету магических свойств, в таверну пожаловал полицмейстер.

— Сеньоры, мне ужасно жаль, но в город прибыл князь Алонсо, и его светлость немедленно требует вас к себе.

Было видно, что ему действительно жаль — недавно Лео приготовила для его дочки отвар из горных трав, и девочка быстро оправилась от лихорадки.

Жена хозяина таверны охотно согласилась присмотреть за мирно спавшим Андрэ.

Нас ожидали карета и несколько стражников.

— Нас в чём-то обвиняют? — сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

— Боюсь, что так, сеньора, — подтвердил полицмейстер. — Я слышал только, что его светлость недавно купил в столице какой-то старинный линарийский амулет и с удивлением обнаружил в нём изумруд, добытый на здешнем руднике. Да, у нашего князя — глаз-алмаз. Он свои изумруды легко отличит от любых других. Месье Наварро уже заключен под стражу.

Это была нелепая случайность. Кто мог представить, что амулет купит едва ли не единственный человек, который сумел бы определить подделку? И зачем ему вообще понадобился этот амулет? И который из двух амулетов он приобрел? Неужели, решил поохотиться на несуществующих драконов?

Всю дорогу до дома его светлости мы пребывали в унылом молчании. Только Велия шепнула, чтобы мы ни в чём не признавались — дескать, это ее вина, ей и держать ответ. Но мы с Лео с этим не могли согласиться.

Особняк князя, роскошный по здешним меркам, в любом другом городе скорее подошел бы куда менее знатной особе. Сопровождаемые полицмейстером, мы прошли в гостиную, где нам никто не предложил присесть.

— Знаете ли вы, сеньоры, что подделка магических артефактов — одно из самых тяжких преступлений? — нас встретил не сам хозяин, а управляющий Суарес. — И то, что вы — чужестранки, только усугубляет дело. По законам Антарии вам грозит пятнадцать лет тюрьмы.

Я вздрогнула. Нет, я думала сейчас не о себе. Как сможет мой малыш обойтись всё это время без меня? Кто сумеет о нём позаботиться? А Велия? Разве выдержит ее слабое здоровье тюремные сырость и холод?

А управляющий, заслышав чьи-то шаги, вытянулся в струнку. Дверь распахнулась, и в комнату вошел князь.

— Ах! — воскликнула вдруг Лео и пошатнулась.

25. Князь Алонсо

Я подхватила тетушку под локоть — мне показалось, она была близка к обмороку. И это было так не нее не похоже, что теперь уже и я разглядывала князя с неподобающим благородной даме любопытством.

Седые волосы, усы и бородка, орлиный нос и тонкие губы. Средний рост, сухощавая фигура. Обычная внешность аристократа. Разве что темно-синий камзол без единой нарядной детали казался слишком простым для отнюдь не бедного человека.

— Матео, это ты? — спросила Лео, и слёзы хлынули у нее из глаз.

Матео? Имя показалось мне смутно знакомым, но я далеко не сразу сообразила, о ком она говорит. И только когда с хозяина слетела вся его суровость, и он метнулся к тетушке как мальчишка, я вспомнила. А слово, сорвавшееся с его губ, лишь подтвердило мою догадку.

— Сестренка!

Они обнялись так тепло, что мы с Велией тоже растрогались.

Нужно отдать должное и сеньору Суаресу — он быстро сообразил, что вместо тюрьмы мы, похоже, отправимся в столовую, и быстро удалился, чтобы распорядиться насчет обеда.

— Ты — князь Алонсо? — всё еще не верила Лео. Она провела рукой по волосам брата, коснулась его плеча — словно боялась, что он всего лишь ей приснился. — Но как так получилось? И почему ты нам ничего о себе не сообщал?

Он поцеловал ее в лоб и рассмеялся, украдкой смахивая слезинку и со своей щеки:

— Об этом не расскажешь в двух словах. Но что же мы стоим здесь как неродные? Идемте за стол! Такую встречу нужно отпраздновать!

Сеньор Суарес оказался весьма расторопен, и к нашему приходу в столовую залу стол уже ломился от всевозможных яств — похоже, хозяин не обращал внимания на скромное убранство своего особняка, но не готов был отказывать себе в удовольствии вкусно поесть.

Пока мы рассаживались, Лео представила брату сначала мадемуазель Велию, а потом и меня.

— Алессандра? — переспросил он. — Но если речь идет о дочери Анри, то я слышал, что она погибла.

Он многие годы не подавал семье вестей о себе, но, кажется, внимательно следил за тем, что происходило с его родными.

— Это тоже долгая история, — вздохнула Лео. — Но сначала мы бы хотели послушать твой рассказ.

Лакей в ливрее, выглядевшей куда более нарядно, чем камзол хозяина, молчаливой тенью скользил по залу, подкладывая в наши тарелки самые аппетитные кусочки. Я уже отвыкла от столь изысканной пищи, а некоторые лакомства и вовсе пробовала впервые.

А князь всё рассказывал и рассказывал.

Он ушел из дома, когда ему было семнадцать лет, и он слишком хорошо понимал, что отец попытается отыскать его и заставить сделать то, что было ему противно — поступить на военную службу. Выход был только один — покинуть Линарию. Что он и сделал, так же, как и мы, перейдя через Сежальские горы.

Но, по иронии судьбы, армейская служба настигла его и здесь — Антария тогда ввязалась в войну с Нурландией, и в солдаты вербовали всех молодых людей. Так Матео оказался на поле боя, где неожиданно для себя самого показал себя храбрым воином. А во время битвы под Деламаном он и вовсе совершил подвиг — в опасную минуту заслонил собой не кого-то, а самого короля Антарии. Тот этого подвига не забыл и приблизил юношу ко двору, где он и познакомился со своей будущей супругой — дочерью старого князя Алонсо.

— А что же твои науки? — спросила Лео. — Ведь ради них ты покинул семью. Ты, значит, так и не стал ученым мужем?

— Ну, почему же? — возразил он. — Стал. Я окончил университет в Анжероне, где особой любовью проникся к горному делу. А в княжестве моей супруги как раз были старые, почти не приносявшие дохода рудники. Как видишь, мне удалось сделать их процветающими.

Супруга Матео скончалась пять лет назад, а детей у них не было.

— Я уже думал, что проведу остаток жизни одиноким сычом, — разволновался он, когда узнал про Андрэ, — а тут — такой подарок.

Он подробно расспрашивал меня об отце, и я с удовольствием удовлетворяла его любопытство. Говорить о родном Суреле было так приятно!

Мы только к вечеру вспомнили о бедном месье Наварро, и управляющий метнулся в полицейский участок, чтобы выпустить ювелира на свободу.

— Но зачем тебе понадобился драконий амулет? — любопытствовала Лео.

Матео только развел руками. Наверно, ему просто захотелось иметь вещь, которая попала в Антарию с его родины.

Мы отправились в Анжерон на следующий же день. Все свои шесть сотен золотых мы раздали особо нуждавшимся семьям моих учеников. Дядюшка произвел на меня впечатление честного и доброго человека, и я намеревалась поговорить с ним о том, чтобы он повысил зарплату тем, кто работал на его рудниках.

Столица Антарии произвела на нас шикарное впечатление. Не знаю, была ли она красивее Лимы, но уж точно не уступала той ни в лёгком романтическом флёре выходявших к морю площадей, ни в мощи взметавшихся к небу шпилям церквей, ни в буйстве красок садов и парков.

Княжеский дворец тоже был великолепен. И хотя я уже настороженно относилась ко всякой роскоши, я была рада, что у моего маленького сына появилась светлая спальня с уютной кроватью, и мне уже не нужно было беспокоиться о том, что он останется голодным.

Всё свое свободное время я посвящала занятиям магией — не только иллюзорной, но и боевой. Дядюшка и сам оказался неплохим учителем, и нанял для меня преподавателей из магического университета. Ему нравилось о нас заботиться, и я не раз видела, как во время важных деловых встреч он безропотно позволял Анлрэ сидеть у себя на коленях.

Я была представлена королю Антарии как племянница Матео — что вполне соответствовало действительности. Правда, мне пришлось назваться Летисией — я не хотела, чтобы кто-то из наших новых знакомых знал мое настоящее имя и сопоставил меня с бывшей королевой Линарии.

У дяди Матео был не только титул, но и деньги, и расположение королевского двора, поэтому неудивительно, что ко мне было

приковано внимание многих кавалеров, но всех их я старалась держать на расстоянии — я слишком хорошо помнила, как больно может ранить тот, кого ты пускаешь в свое сердце.

Время от времени до нас доходили новости из Лимы — сначала говорили о скором браке Этьена с принцессой Нурландии. Потом — о том, что их магия оказалась несовместимой, и помолвка была расторгнута. Не скажу, что я воспринимала эти известия спокойно, но я уже не плакала в подушку по ночам, и предпочла бы ничего не знать ни об Этьене, ни о его возможных невестах. Я не намерена была возвращаться в Линарию.

А потом заболел Андрэ.

26. В Линарию?

Сначала его пыталась лечить Лео, но ее умений хватило только на то, чтобы не давать его состоянию ухудшаться. Потом дядя Матео пригласил лучших врачей Анжерона, но и они ничем не смогли помочь малышу. После того, как очередной эскулап разводил руками, мадемуазель де Шатильон неизменно напоминала нам, что эта болезнь может быть не вполне обычного, а магического толка, и что в этом случае есть только одно средство, которое может помочь ребенку из рода Эллинаров — королевский источник.

Но я всё-таки надеялась, что нам не придется возвращаться в Лиму. Когда я почти дошла до отчаяния, дядя догадался позвать главного мага Антарии графа Варгаса — у них была давняя дружба на фоне общих научных интересов.

— Умнейший человек! — нахваливал нам графа Матео. — Уверен, он сможет понять причину немощи Андрэ.

Граф оказался почтенным седобородым мужчиной, который явно понравился нашему принцу — уставший от визитов бесконечных докторов Андрэ неожиданно охотно начал разговаривать с магом. А тот словно зашел просто так, в гости — спрашивал малютку не о самочувствии, а о том, что он знает о магии и умеет ли сам делать что-то магическое. А потом и вовсе перешел на погоду, на цирковое представление, которое мы недавно посещали, и на домашних животных, которые жили у нас во дворце.

Во время первого визита его сиятельство не смог прийти к какому-то определенному выводу и навещал нас еще несколько раз, привозя Андрэ забавные подарки.

Наконец, он заявил нам, что болезнь мальчика — явно магическая, но вот с чем она связана, он понять не мог. Он спрашивал нас, не было ли у ребенка в раннем детстве каких-то потрясений, которые привели бы к запиранию его магии, и не было ли каких-то проблем с проявлением магических способностей у меня самой в возрасте Андрэ. О его отце он тактично не спрашивал, но направленность вопросов подразумевала, что это тоже его интересует. Но я никогда не слышала, что у Этьена в детстве были какие-то магические проблемы,

а потому никаких дополнительных сведений предоставить Варгасу не могла.

— Мы должны рассказать ему правду! — настаивала Велия.

Но мы с Лео долго не могли на это решиться. Кто знает, как использует эту информацию главный маг Антарии? Не сообщит ли он ее его величеству Родриго Пятнадцатому? А тот, учитывая давнюю вражду с Линарией, наверняка захочет использовать ее в корыстных целях.

К тому же, состояние Андрэ было переменчивым — на него то накатывала слабость, и тогда он почти не вставал с постели, то он приободрялся и целыми днями носился по саду, давая нам надежду, что его магия сумеет проснуться без участия источника Эллинаров.

Но когда слабость затянулась на целую неделю, и Андрэ почти перестал есть, я всё-таки приняла решение рассказать графу Варгасу правду.

Он выслушал меня внимательно, уточнил кое-какие детали и, видя мое состояние, не стал упрекать меня за столь долгое молчание. Я провела его в спальню сына, но на сей раз Андрэ не смог поприветствовать гостя — он метался по кровати в жару и ни на что не реагировал.

Граф осмотрел его, маленькой ложечкой влил в рот какое-то снадобье, сделавшее дыхание Андрэ более ровным, а потом посмотрел на меня и вздохнул.

— Неужели даже вы ничего не можете сделать, ваше сиятельство? — слёзы душили меня, и я едва видела стоявшего у изголовья кровати мага, и только его длинная белая борода служила мне ориентиром.

— Вы всё понимаете сами, ваше величество, — тихо ответил он.

Он впервые так обратился ко мне, и я вздрогнула.

— Не называйте меня так, ваше сиятельство! — попросила я. — Я уже не имею на это права.

Старик поклонился:

— Как вам будет угодно, ... ваша светлость. Но вы же не станете отрицать, что ваш сын имеет право именоваться его высочеством? Насколько я знаю, у короля Линарии до сих пор нет законного наследника. Он был бы рад узнать о сыне.

Я вытерла слёзы и посмотрела на лежавшего на кровати Андрэ — худенького, бледного, — и сердце снова содрогнулось. Меньше всего мне сейчас хотелось думать о его титулах. Он был еще слишком мал и слаб, чтобы на что-то претендовать, и я бы предпочла, чтобы он не знал о том, чьим сыном был на самом деле.

— Ваш сын не болен в обычном смысле этого слова, сударыня, — меж тем, продолжил граф Варгас. — В нём всего лишь пробуждается магия. И будь вы сейчас в Линарии, этот процесс протекал бы безо всяких неприятных проявлений.

Да, я знала это. Такова особенность магии рода Эллинаров — все члены королевской семьи подпитывают свой дар водой из магического источника, что находится в самом центре их столичного дворца. Дворца, в котором и я когда-то была хозяйкой.

— Что будет, если мы с Андрэ всё-таки останемся здесь, в Антарии?

Маг подошел чуть ближе — теперь я уже могла разглядеть тревогу в его темных глазах.

— На этот вопрос вам не ответит никто, ваша светлость. Но на вашем месте я не стал бы рисковать. Если вы намерены остаться в Антарии, то постарайтесь добыть для сына хотя бы маленький пузырек воды из королевского источника — думаю, этого будет достаточно, чтобы его магия проявилась.

Я горько усмехнулась. Граф не хуже меня знал, что это было почти невозможным — Эллинары охраняли магический источник куда строже, чем честь своих принцесс.

Должно быть, отчаяние отразилось у меня на лице, потому что Варгас заботливо коснулся моей руки своей шершавой ладонью.

— Послушайтесь моего совета, ваша светлость — возвращайтесь в Линарию. Я знаю, что вы не хотите оказаться узнанной, но если вы не покажетесь самому его величеству или его приближенным, то этого не случится. Возможно, вашему сыну будет достаточно просто побыть какое-то время в Лиме, чтобы уже пойти на поправку. Поселитесь в гостинице или снимите дом неподалеку от королевского дворца. Близость к источнику окажет благотворное влияние на его магию. И если всё случится именно так, вам даже не потребуется идти в резиденцию Эллинаров.

А вот это звучало разумно. Прошло семь лет с тех пор, как я оставила Лиму — никто уже и не вспомнит о той, которая когда-то была их королевой. Все полагают, что Алессандра умерла. У меня уже другие имя и титул. И сама я давно стала другой — и не только потому, что овладела магией иллюзий.

И всё-таки я засомневалась:

— Вы полагаете, этого будет достаточно?

Граф пожал плечами:

— Не знаю, ваша светлость. Но, думаю, оказавшись в Линарии, вы найдете способ добраться до источника. Перед красивой женщиной иногда открываются самые охраняемые двери.

Андрэ застонал на кровати, и я метнулась к сыну.

Да, граф прав. Я не имею права медлить.

Я проводила Варгаса и вернулась к сыну — Андрэ спал уже гораздо спокойнее, и даже улыбка появилась на его бледных губах.

Я вернусь в Лиму — в город, который когда-то оказался ко мне слишком жесток. Я вернусь и добуду для сына эту воду — даже если для этого потребуется стать невидимкой.

А еще мне многое хотелось узнать. Кто подстроил всё так, что меня сочли преступницей? Насколько виновна и виновна ли вообще моя сестра? Или ею просто воспользовались бесчестные люди?

Я понимала, что месть разрушительна, но глядя на больного сына не могла испытывать ничего, кроме ненависти, к тем людям, из-за которых он оказался на чужбине, вдали от родного дома, от людей, которые, случись всё по-другому, любили бы его и заботились бы о нём сейчас.

Да, я отомщу — тем, кто семь лет назад, воспользовавшись моими доверчивостью и добротой, оставили меня и моего малыша без семьи и крова.

Мои воспоминания никогда не обходились без Этьена, но сейчас я уже могла думать о нём без слёз и почти без злости. Даже если его обманули тогда, именно он был главным виновником моих и сына скитаний. Он не поверил мне, прогнал и из своего дворца, и из своего сердца. Не захотел встать на мою сторону тогда, когда я так отчаянно в этом нуждалась.

Я поцеловала Андрэ в щечку, и он снова улыбнулся в своем беспокойном сне. Мой славный малыш, о котором его величество

Этьен Третий так и не узнал. И не должен узнать. Никогда.

27. Перемены

Наш отъезд в Линарию пришлось отложить из-за болезни еще одного члена нашей семьи — князя Алонсо. И хотя сам дядя требовал, чтобы мы не обращали на него внимания, а действовали так, как изначально задумывали, я всё-таки приняла решение задержаться в Антарии. Тем более, что наш маленький принц уже чувствовал себя гораздо лучше — приступ прошел, дав нам передышку в несколько месяцев.

Лео пыталась помочь брату, но тоже безрезультатно.

— Кажется, я старею, — признала она, — и мои магические силы слабеют.

— Не вини себя, — подбадривал ее Матео. — Я прожил счастливую жизнь, полную приключений и встреч с самыми разными людьми. Но я слишком много времени проводил в пещерах, дышал сырым холодным воздухом и каменной пылью. Вот легкие и не выдержали такой нагрузки.

И уже когда ему стало совсем плохо, он позвал меня и велел пользовавшему его доктору выйти и закрыть дверь.

— Я оставляю всё тебе, Алессандра, — сказал он. — Сначала я хотел назначить своим наследником Андрэ, но потом решил, что для наследного принца Линарии всё мое состояние — не более, чем приятная мелочь. Нет-нет, я знаю — ты не хочешь, чтобы ему стало известно, кто его отец. Но рано или поздно он узнает это и, поверь, получит то, что ему причитается.

Этот монолог отнял у него слишком много сил, и он закашлялся. Я бросилась к двери, чтобы позвать доктора, но дядя остановил меня.

— Подожди, я хочу поговорить с тобой. Возможно, другого случая уже не будет. Я знаю, что ты намерена мстить, и даже признаю твое право на это. Но помни, что месть разрушает. Разрушает того, кто мстит. Но я не буду просить тебя остановиться — ты всё равно не послушаешь. Но, если позволишь, я дам тебе совет — не нападай первой. Дождись чужих ошибок и используй их в своих целях. И прежде, чем причинить кому-то зло, присмотришься хорошенько, кто перед тобой — враг или друг.

Очередной приступ кашля заставил его замолчать, и он взмахнул рукой, отпуская меня. И уже когда я открыла дверь, тихо попросил:

— Скажи своему отцу, что я всегда любил и уважал его — мне кажется, ему важно будет это узнать.

Он скончался этой же ночью, и весь его дворец погрузился в уныние. Слуги любили его, и в Анжероне у него было много друзей. Его похоронили в семейной усыпальнице князей Алонсо — рядом с супругой, с которой он прожил немало счастливых лет.

Через месяц после кончины Матео в Анжерон прибыл сеньор Суарес, дабы получить от меня распоряжения касательно дальнейшего управления рудниками. Я решила начать с того, что уже давно собиралась сделать — дать рабочим прибавку к зарплате. Но оказалось, что такое вроде бы простое решение не так-то просто реализовать.

— О, ваша светлость, я ни в коем случае не оспариваю ваши слова, — залепетал, кланяясь, управляющий, — но, боюсь, сделать это прямо сейчас не получится.

Я нахмурилась:

— И почему же? Его светлость говорил, что рудники приносят баснословную прибыль. Князь Алонсо был богатейшим человеком Антарии.

— Всё так, ваша светлость, — Суарес склонился еще ниже, — но в прошлом году его светлость затеял полную переделку всех шахт в горах — уже закуплено новое оборудование, и работы вот-вот начнутся. Это позволит нам в будущем добывать еще больше изумрудов гораздо более дешевым способом. К тому же, это сильно облегчит труд рудокопов — сейчас в шахтах часто случаются обвалы, и люди гибнут. А его светлость придумал очень интересный механизм, который, если мы станем его использовать, станет переворотом в горном деле.

Ну что же, если это было способно пойти на пользу и нам, и людям, которые работали в пещерах, то возражать против этого было глупо.

— Но неужели все капиталы его светлости были помещены в дело? — на следующий день я разговаривала уже не с Суаресом, а с поверенным дядюшки сеньором Пеллини.

— Разумеется, нет, ваша светлость! — заверил меня он. — В сейфах банка, который принадлежал князю Алонсо, хранятся несколько шкатулок с крупными изумрудами, которые вы легко можете обратить в деньги хоть сегодня. Но я не советовал бы вам пока этого делать, ваша светлость — к весне цены на изумруды поднимутся, и вы выручите за них гораздо больше.

Я поблагодарила его за совет и заявила, что не намерена продавать большую партию. Семьям рудокопов из Эскала могла помочь даже продажа нескольких драгоценных камней, и я не понимала, почему дядюшка в свое время этого не сделал. Сеньор Пеллини тут же подсказал ответ — дядюшка был весь погружен в свою науку. Ему, должно быть, и в голову не приходило, что в принадлежащем ему городке были люди, которые голодали.

— Его не интересовали деньги, ваша светлость! — воскликнул сеньор Пеллини. — Если вы изучите его бухгалтерские книги, то увидите, что у него было немало должников, которым он отпускал драгоценные камни и никогда не напоминал, что пора бы за них заплатить. Конечно, у меня есть все долговые расписки, но его светлость всегда останавливал меня, когда я намеревался освежить память его дебиторов.

А вот этот вопрос я решила изучить поподробнее. Нет, я легко могла бы простить долг человеку, который сильно нуждался. Но если кому-то из аристократов на каждый новый сезон требовалась новая партия роскошных украшений, то они должны быть готовы за свои прихоти заплатить. Есть люди, которым эти деньги куда нужнее.

Поверенный заверил меня, что направит должникам письма. Мне показалось, что при этом он довольно улыбнулся.

— Только одного должника я не осмелюсь побеспокоить, ваша светлость, — чуть смутился он через пару секунд. — Я говорю о его величестве!

Я ничуть не удивилась, что Родриго Пятнадцатый был среди тех, кого дядюшка щедро одаривал изумрудами, но это я как раз могла понять — для богатейшего человека страны покровительство короля было совсем не лишним.

Мы продали несколько сотен изумрудов — рачительный сеньор Пеллини не поленился отобрать самые мелкие. Месье Суарес заверил меня, что вырученных денег хватит на то, чтобы обеспечить

продовольствием каждую семью в Эскала на всю зиму. Он смотрел на меня с удивлением — должно быть, не мог понять, как человек в здравом уме мог потратить такую сумму на совершенно чужих для него людей. Но его мнение меня не сильно интересовало — я только хотела убедиться, что деньги дойдут до адресатов.

Сеньор Пеллини показался мне человеком надежным, и я без колебаний доверила ему управлять делами на время нашего отъезда в Линарию. Я не собиралась задерживаться в Лиме надолго. Еще была надежда, что нам достаточно будет просто прогуляться рядом с королевской резиденцией, чтобы здоровье Андрэ поправилось. Тогда я не стала бы беречь свои старые раны и встречаться с людьми, которые были мне неприятны.

Но эти наши планы пришлось переменить, когда я получила приглашение во дворец от короля Родриго. Сначала я подумала, что он собирается обсудить со мной тот самый щекотливый денежный вопрос, о котором сообщил сеньор Пеллини. Или попросить в долг очередную партию самоцветов.

Но я ошиблась, и разговор во дворце зашел по вопросу совсем иного толка. Вопросу, который совершенно поменял направление моих мыслей и добавил к целям моего путешествия в Линарию еще одну — да столь важную, что она, с одной стороны, открывала мне доступ в резиденцию Эллинаров, а с другой накладывала на меня обязательства, даже осознать которые я была пока не в состоянии.

28. Деликатное поручение

Я прибыла во дворец к точно назначенному времени. За прошедшую ночь я, помимо сразу пришедших мне в голову причин моего приглашения на аудиенцию к его величеству, надумала еще одну — а что, если граф Варгас, несмотря на данное нам обещание, всё-таки не смог промолчать и рассказал королю, кто я такая. И потому я подготовилась именно к этому варианту разговора.

Впрочем, поразмыслив, я пришла к выводу, что даже если его величество узнает мою тайну, то не в его интересах ее разглашать. Напротив, учитывая непростые отношения между нашими странами, ему выгоднее придержать этот козырь до тех времен, когда будет особенно выгодно его предъявить.

Секретарь короля сразу же провел меня в рабочий кабинет Родриго Пятнадцатого. Я была взволнована, напряжена, но всё-таки почти подсознательно отметила стоявшие на столе инкрустированные изумрудами канцелярские приборы. Не приходилось сомневаться, что это — самоцветы из Эскала.

Помимо самого его величества, в кабинете находился герцог Гальярдо — первый красавец и, пожалуй, самый загадочный мужчина антарийского двора. Его светлость имел столь правильные и выразительные черты лица, что, я слышала, его портреты имелись в альбомах всех молодых девиц Анжерона. Русые волосы, волнами спадавшие на плечи, зеленые глаза и вечно грустная улыбка на тонких губах. Именно эта печальная улыбка и вызывала особый интерес у особ противоположного пола. Он был богат, а род его несколько столетий назад взял свое начало от королевского — чем не повод быть довольным собой и пребывать в радости? И эта загадка, которую тщетно пытались разгадать придворные дамы, придавала ему некое дополнительное очарование.

— Ваша светлость, простите, что вынужден был просить вас приехать во дворец столь срочно, — сказал его величество, ответив на мой приветственный реверанс, — но до меня дошли слухи, что вы собираетесь отбыть в Лиму, а я непременно хотел поговорить с вами до отъезда. Дело в том, что этот разговор будет иметь некое отношение

к Линарии, и поскольку речь пойдет о вопросе крайне деликатном, я хотел бы надеяться, что вы сохраните в тайне всё то, что здесь услышите.

Я была удивлена подобным вступлением, но, разумеется, заверила его, что я отнюдь не болтлива.

Он одобрительно кивнул и перешел к сути дела:

— Ни для кого не секрет, что ваш дядя, покойный князь Алонсо, прибыл в Антарию из Линарии. Я не знаю его настоящего имени, и поскольку он не хотел, чтобы оно было известно, я никогда не интересовался этим вопросом. Мне достаточно было того, что он был дворянином, был храбр, умен и благодарен стране, в которой нашел приют.

Мне не понравилось направление нашего разговора. Судя по всему, он не знал, кто я такая, но, может быть, именно для того, чтобы выяснить это, он меня и позвал? Но он через секунду дал ответ на этот вопрос.

— Нет-нет, я не стану спрашивать об этом и вас. Сейчас вы — княгиня Алонсо, и мне этого достаточно. Матео говорил, что вы долго бедствовали, и с вашей страной у вас связаны не самые приятные воспоминания. Но прошлое осталось в прошлом, а сейчас вы поедете в Линарию уже совсем в другом статусе. Уверен, перед вами откроются двери лучших домов Лимы, и вы, конечно, будете приглашены и в королевский дворец. Да-да, не сомневайтесь — я лично дам вам верительную грамоту.

— Благодарю вас, ваше величество, — пролепетала я, еще не вполне понимая, с чем связано такое доверие.

Король Родриго был уже стар, но, как отмечали многие, сохранил остроту ума и не упускал возможности применить этот ум на практике.

— Не знаю, насколько вы, ваша светлость, в курсе текущей политической ситуации в Линарии, но давайте я вам вкратце ее обрисую, — он чуть подался вперед, вперив в меня внимательный взгляд темных глаз. — Король Этьен Третий не женат, и у него нет братьев. Если с ним что-то случится (нет-нет, мы этого отнюдь не желаем!), то в стране начнется хаос. Каждый, в ком есть хоть капля королевской крови, будет претендовать на престол. В борьбу вступят и монархи соседних стран — Сигезии, Нурландии. И если такое случится, то Антария тоже не будет дремать — моя бабушка, между

прочим, была линарийской принцессой. Так что, боюсь, Линарию растащат на части.

Те чувства, которые я сейчас испытывала к Этьену, уже не были ни любовью, ни уважением, но меня всё равно покорило от того, как легко рассуждал Родриго о короне Эллинаров. Короне, которая ему совсем не принадлежала, и на которую он не имел никаких прав.

А его величество, меж тем, продолжал:

— Так вот, ваша светлость, сейчас вам будет понятно, к чему я клоню. В этой возможной (всего лишь возможной!) борьбе мне хотелось бы, чтобы именно у Антарии было больше оснований претендовать на столь лакомый кусок. Вы спросите, как этого можно добиться? А я отвечу — через союз! Нет, отнюдь не политический! Король Этьен, как я уже сказал, совершенно свободен, так почему бы ему не жениться на моей внучке принцессе Кьяре?

Я едва удержалась от смеха. Теперь я уже понимала, с какой целью он меня пригласил. Именно мне он решил доверить сделать Этьену это предложение!

Он заметил мою улыбку и расценил ее как одобрение.

— Этот брак укрепить позиции Этьена и самой Линарии. Уверен, его величество и сам задумывался об этом, и, наверно, только вражда между нашими странами и нежелание получить оскорбительный отказ, удерживают его от первого шага. Так вот — этот первый шаг сделаем мы!

Он ждал от меня ответа, и я сказала именно то, что он желал от меня услышать — что это мудрое решение. А что еще я могла сказать?

— Но, насколько я знаю, король Этьен был помолвлен с нурландской принцессой, и помолвка была расторгнута из-за того, что их магия оказалась несовместимой.

Его величество махнул рукой:

— Это мутная история! Говорили, что дело было вовсе не в магии. Или не только в магии. Быть может, принцесса скомпрометировала себя чем-то, — тут он недвусмысленно ухмыльнулся. — Но правду нам всё равно никто не скажет.

Я получила еще некоторые инструкции, а также обещание, что верительную грамоту мне доставят нынче же вечером, и аудиенция была окончена. На улицу я вышла в совершенном недоумении.

Нет, решительностью короля Родриго можно было только восхититься. Но вот мое участие в этом деле казалось злой шуткой. Выступать в качестве свахи по отношению к человеку, с которым сама была связана брачными узами — этого мне только не хватало! И я всё еще не была уверена, что решусь встретиться с ним лицом к лицу. И должна ли я это делать? А если он узнает меня, несмотря на все мои успехи в иллюзорной магии?

От этих беспокойных мыслей кружилась голова, и я, чтобы немного успокоиться, решила прогуляться по парку, что раскинулся перед королевским дворцом. Но привести в порядок взбудораженные чувства мне не дали.

— О, ваша светлость, как я рада, что разыскала вас! — ко мне, чуть запыхавшись, подошла принцесса Кьяра.

Внучка короля была красивой девушкой семнадцати лет. Черные как вороново крыло волосы и такие же черные глаза, смуглая кожа, яркие губы и тонкая, будто точеная, фигура.

Мы были знакомы и не раз общались на различных балах, но такой вот — совсем приватный — разговор, как я была уверена, был продолжение того разговора, что только что закончился в кабинете ее деда.

— Здравствуйте, ваше высочество! — церемонно присела я.

Я не знала, посвящал ли ее король в свои планы, и насколько я могла быть с ней откровенна, но первые же ее слова развеяли мои сомнения.

— Ах, ваша светлость, я знаю, что поступила дурно, но я слышала весь ваш разговор с его величеством. Да, подслушивать нехорошо, но, скажите, разве я не имела на это права?

Я предпочла не ответить ни «да», ни «нет», и она вздохнула:

— Можно я тоже кое о чём вас попрошу, ваша светлость? Я понимаю, что вы не можете отказаться выполнить поручение дедушки, но, если будет такая возможность, прошу вас, попробуйте устроить всё так, чтобы король Этьен не принял это предложение.

После разговора с королем Родриго я уже не склонна была удивляться чему бы то ни было, но принцессе Кьяре удалось привести меня в замешательство.

— Разве вы не хотите стать королевой Линарии, ваше высочество? — спросила я.

— Нет, совсем нет! — почти выкрикнула она. — Я вообще не хочу выходить замуж.

Она смутилась и покраснела, и я не стала мучить ее дальнейшими вопросами, но мне показалось, что я разгадала тайну грусти герцога Гальярдо. Ну, что же, если их чувства были взаимны, то я представляла, как тяжело им было услышать о матримониальном плане его величества.

Я пообещала ей не сильно убеждать короля Этьена в преимуществах этого союза, и ее высочество поблагодарила меня со слезами на глазах.

Вернувшись домой, я не стала скрывать от Лео и мадемуазель де Шатильон содержание двух бесед в королевском дворце. Тетушка только посмеялась над пикантностью ситуации, но сказала, что это может сыграть нам на руку — так я буду вхожа в королевский дворец, и мне будет проще добраться до источника.

А Верея и вовсе спросила, что раз уж так много важных персон собираются сражаться за корону Эллинаров, то почему бы и нам не принять в этом участие? Уж у принца Андрэ на нее куда больше прав.

29. Возвращение в Лиму

Мы отправились в Линарию в удобной теплой карете, следом за которой ехал еще один экипаж, нагруженный нашим гардеробом. Предполагалось, что в пути мы дважды остановимся на ночлег, и в качестве одной из остановок я выбрала Сурель. Это был не самый удобный вариант, но могла ли я проехать мимо родного гнезда и не попытаться хотя бы издали взглянуть на отца?

Я знала, что он жив (у дяди Матео были в Линарии свои корреспонденты) и последние годы никуда не выезжал из нашего замка. Я чувствовала свою вину перед ним — за то, что не нашла в себе смелости сообщить о том, что я жива, что заставила его страдать в одиночестве.

Мы остановились в ближайшем к замку городе и, выспавшись хорошенько в маленькой придорожной гостинице, на рассвете мы с Лео спросили у хозяйки, куда мы могли бы поехать верхом, чтобы увидеть местные красоты. Как мы и надеялись, она направила нас в сторону замка. Мадемуазель де Шатильон и Андрэ еще спали, и, хотя мне очень хотелось именно на эту прогулку взять сына с собой, я сумела сдержать свой порыв.

Впрочем, до родного дома мы так и не доехали, ибо маркиз де Сурель встретился нам по дороге. Он ехал верхом на старом кауром жеребце Вепре, которого я знавала еще жеребенком — когда-то давным-давно я часто баловала его ржаным хлебом с кухни и яблоками.

Отец сильно постарел — голова его была совсем седой, плечи непривычно опущенными, а державшие поводья руки мелко-мелко тряслись. Мы с Лео обе использовали иллюзорную магию, но я всё равно боялась, что он узнает нас.

Но нет — он проехал мимо, даже не взглянув в нашу сторону, и только Вепрь потянулся мордой к моей руке, словно ища в ней привычное лакомство.

Лео закашлялась и пустила свою лошадь вскачь. Я не пыталась ее догнать — ей нужно было сейчас побыть одной, как и мне самой. Я не знала, чем закончится наше путешествие в Лиму, но если мы получим

то, что хотим, то, возвращаясь в Антарию, я была намерена взять отца с собой.

Столица Линарии встретила нас холодом и проливным дождем. Мы заселились в лучшей гостинице города с символичным названием «Корона Эллинаров», сняв в ней целый этаж. Хозяин тут же выделил нам помощника — месье Арно — верткого молодого человека.

— О, ваша светлость, он знает Лиму как свои пять пальцев и в курсе всех местных событий, — так нам его аттестовали. — Он покажет вам самые модные ателье и посоветует лучшие театральные постановки. Он может выступать и в качестве гида, и в качестве переводчика, и в качестве посыльного.

О переводчике он сказал не случайно — мы старательно изображали иностранцев, и я, хоть и говорила на линарийском, но не очень бегло и часто делала паузы, словно подыскивая нужное слово. Андрэ же, хоть и знал родной язык, привык и говорить, и даже думать по-антарийски, и это теперь было как нельзя более кстати.

Я сразу же заявила месье Арно, что хочу приобрести особняк. Да, разумеется, в центре, в самом престижном районе. Цена не имеет значения.

Он принялся за поиски с таким воодушевлением, что уже к вечеру мог сообщить мне сразу о нескольких вариантах.

— Советую обратить внимание, ваша светлость, на дворец герцога де Кервеля — он находится на бульваре Рыцарей, — и он указал мне место на разложенной на столе карте Лимы. — Это спокойный район со множеством садов и фонтанов — даже пешая прогулка по нему будет доставлять вам удовольствие.

Я одобрительно кивнула, и месье Арно перешел к следующему объекту.

— Дом маркиза Шеро на Набережной — из его окон открывается прекрасный вид на залив. В прошлом году в нём были обновлены все интерьеры, и теперь они соответствуют самому взыскательному вкусу.

Я кивнула еще раз.

— Особняк барона Робера на площади Доблести, — продолжил месье Арно. — Я не стал бы включать его в этот список, поскольку слышал, что он находится не в лучшем состоянии и потребует немалых затрат на ремонт. Но он расположен в таком шикарном месте — буквально в двух шагах от королевского дворца!

Я насторожилась, услышав знакомую фамилию. Я не была уверена, что речь шла о том самом бароне, что когда-то приютил нас с Лео, но мысленно пометила выяснить это.

На следующее утро мы с месье Арно отправились на экскурсию по всем трем названным местам. Каждый из этих вариантов имел свои достоинства и недостатки. Дворец Кервелей показался мне слишком помпезным, в нём всё дышало показной роскошью. А участок набережной перед домом Шеро был столь шумным, что едва мы вышли из кареты, мне захотелось заткнуть уши.

А вот особняк барона Робера я узнала сразу, и едва я вошла внутрь, как на меня повеяло чем-то почти родным. Да, за эти семь лет дом изменился — и не в лучшую сторону — выкрашенная в бежевый цвет штукатурка на фасаде местами облетела, трава на газонах перед крыльцом и вдоль садовых дорожек была не скошена, а белые колонны потемнели.

Внутри нас встретила немолодая уже горничная, которая провела нас по дому, заметно смущаясь при каждой обнаруженной на дверях паутине или скрипнувшей половице.

— Его милость с дочерью уже несколько месяцев как живут во флигеле, — вздохнула она. — Мадемуазель Лаура пытается следить за порядком, но в особняке осталось слишком мало слуг.

Лаура! Да, кажется, именно так звали дочь его милости.

Когда мы вышли на улицу, месье Арно посмотрел на меня несколько виновато. Должно быть, он думал, что я стану ругать его за то, что он привез меня сюда. Он удивился бы, если бы узнал, какие чувства испытывала я в этот момент на самом деле.

Несмотря на то, что этот дом был самым неухоженным из всех, что мы сегодня посмотрели, едва ступив на его крыльцо, я уже приняла решение купить именно его. Не знаю, как так получилось, но мне показалось, что я вернулась домой.

— Как вы и сказали, месье, его расположение идеально, — именно так я объяснила свой выбор.

Мой сопровождающий просиял:

— Я был уверен, что вам здесь понравится, ваша светлость! Конечно, потребуются большие вложения, но если вы не стеснены в средствах, то...

— Барон продает особняк, потому что не может его содержать?

Я почти не сомневалась, что месье Арно знает всё обо всех, и он меня не разочаровал.

— Можно сказать и так, ваша светлость, — ответил он. — Дела у его милости уже давно шли неважно — он, как и многие в Лиме серьезно вложился в крупную компанию, которую несколько лет создали, чтобы вести торговые дела с Нурландией. Тогда всё шло к тому, что нурландская принцесса станет женой нашего короля Этьена, и эта торговля могла принести колоссальную прибыль. Но брак так и не состоялся, и всякие связи между нашими странами были прекращены. Барон был почти разорен и влез в большие долги. Так что все деньги от продажи особняка достанутся не ему, а его кредиторам. Дом выставлен на аукцион. Желаете, чтобы я узнал об этом поподробнее?

Я заявила, что желаю, и он, сопроводив меня до гостиницы, отправился добывать информацию.

30. Аукцион

Ближе к вечеру следующего дня у меня были исчерпывающие сведения об аукционе. Дом барона Робера должен был стать главным лотом торгов.

— Сами понимаете, ваша светлость, какой это лакомый кусочек, — соловьем заливался месье Арно. — Жить в такой близости от дворца его величества весьма престижно. Поэтому следует ожидать, что торги вызовут большой интерес. Я слышал, как минимум, о трех желающих его приобрести. Если изволите, я назову вам их имена.

Я изволила, и он приступил к рассказу.

— Во-первых, это маркиз Рошен — владелец банка «Националь». Он богат, но скуп и торговаться станет только до разумного предела. Если цена окажется высока, он отойдет в сторону без особых сожалений.

Я была знакома с маркизом Рошеном и мысленно согласилась с той характеристикой, которую ему дал месье Арно.

— Во-вторых, министр морских и сухопутных сил граф Эрсан. А вот он — человек азартный.

Я вздрогнула, услышав это имя. Память услужливо подсказала — в то время, когда я была королевой, он возглавлял службу секретного сыска. Шевалье де Ламаж упоминал его в своем рассказе — он знал о том, что в моем деле были нестыковки, которые могли доказать мою невиновность, но предпочел закрыть на это глаза.

— Я слышал о его намерении снести особняк Роберов в случае, если ему удастся купить его за относительно небольшую цену, и построить на этом месте более модное здание. Он полагает, что имеет на этот дом особые права, потому что именно он является основным кредитором барона. Между прочим, об их финансовых отношениях говорят самое разное, и есть люди, которые уверены, что там не всё чисто.

Я насторожилась. Граф Эрсан был одним из тех людей, к которым у меня был особый интерес. Правда, это интерес мне пока показывать не хотелось. Но месье Арно и не нуждался в дополнительных вопросах.

— Как я уже говорил вчера, ваша светлость, барон понес большие убытки при банкротстве торговой компании и вынужден был занять деньги у графа Эрсана. Так вот — когда наступил срок погашения долга, барон продал почти все фамильные драгоценности, чтобы расплатиться с его сиятельством. Всё, что случилось до этого момента, более-менее прозрачно. А вот дальнейшие события двумя сторонами трактуются по-разному. Барон утверждает, что он расплатился с графом сполна и лично привёз деньги в тот день, который был обозначен в договоре. Но случилось так, что, когда он возвращался домой пешком, на него напали и отобрали у него расписку в получении денег, которую выдал ему Эрсан. Нападавшие так сильно избили Робера, что он до сих пор не встает с кровати.

— Какая жестокость! — воскликнула я.

— Да, — согласился Арно, — и многие полагают, что к этому нападению мог приложить руку сам граф. Он давно уже положил глаз на особняк Роберов и надеялся, что если его милость не сможет вовремя заплатить, то тот достанется ему.

— Что же говорит об этом сам граф?

— Что в тот вечер барон к нему не приходил, хотя он его ждал. По его версии, на Робера напали на пути к нему, а не от него. Забрали деньги, ударили по голове — вот его милость всё и перепутал. Если вы спросите меня, ваша светлость, кому из них двоих склонен верить я, то я не отвечу — конечно, барон не стал бы обвинять графа без должных оснований, но из-за удара по голове у него могли быть провалы в памяти. Хотя от таких людей, как граф Эрсан, можно ожидать чего угодно.

— Кто же третий возможный покупатель? — спросила я.

Месье Арно небрежно взмахнул рукой.

— О, ваша светлость, можете не принимать его всерьез. Это — виконт Анри де Кавелье, жених мадемуазель де Робер. Ему, конечно, очень хочется сделать подарок своей невесте в виде ее родного гнезда, но, боюсь, такой подарок ему совсем не по карману. Он примет участие в торгах, но вряд ли поднимет цену выше пятнадцати тысяч риэлей, а для победы, мне кажется, придется заплатить тысяч на десять больше.

Месье Арно оказался отличным информатором — события на аукционе разворачивались именно так, как он и говорил. Цена со

стартовой в двенадцать с половиной тысяч риэлей быстро поднялась до пятнадцати, и виконт де Кавелье подал свой голос лишь однажды. Тягаться с теми зубрами, которые там собрались, было ему не по силам.

Хотя эта молодая пара — и виконт, и мадемуазель де Робер, — мне понравилась. Правда, улыбчивую девочку с румянцем на щеках, с которой я когда-то сидела за одним столом, в нынешней Лауре Робер разглядеть было трудно. Должно быть, они с отцом уже давно были стеснены в средствах, и это было заметно и в бледности и худобе ее лица, и в простоте уже не новой одежды. Только ее светлые локоны — длинные и волнистые — остались прежними.

Мне понравилось, как отважно она бросилась на графа Эрсана, пусть даже это и не привело ни к какому результату. Самого графа я тоже рассматривала с любопытством, отметив его болезненное самолюбие, отсутствие выдержки и неумение остановиться в нужный момент. Это были те черты, которые играли против него.

На этом аукционе собралось много народа, и я с удовольствием обнаружила в толпе и несколько газетчиков, быстро строчивших что-то в своих альбомах.

Мне нужно было, чтобы в Лиме обо мне заговорили — в каждой газете, на каждом приеме и балу — вплоть до королевского дворца. Я не боялась, что в газете опубликуют и мой портрет — теперь мой облик имел мало общего с прежним. И мне достаточно было набросить на себя иллюзию утром, чтобы быть уверенной, что она не спадет до позднего вечера. Мои волосы приобрели благородный медный оттенок, глаза из синих стали зелеными, кончик носа чуть взмыл вверх, а губы стали более пухлыми и яркими.

Я вступила в борьбу, когда цена достигла двадцати пяти тысяч, вызвав недоумение у графа Эрсана, уже мнившего себя победителем. И именно эта растерянность, наверно, и толкнула его на не вполне благородный поступок — он осмелился усомниться в моей платежеспособности.

Зал возмущенно загудел — подобное недоверие было оскорбительным.

Но мне это сыграло на руку — так я смогла сразу заявить о себе самым громким образом. И когда я, уже выиграв торги, расплачивалась

с аукционистом наличными, я знала, что этим же вечером я стану самой обсуждаемой в Лиме персоной.

Я готова была заплатить за этот особняк и больше, хотя ни для кого другого, кроме меня и мадемуазель де Робер, он столько не стоил. И когда Лаура после завершения аукциона подошла, чтобы меня поблагодарить и сказать, что они с отцом съедут в ближайшее время, я с трудом сдержала слёзы.

Ее жених стоял чуть поодаль, не решаясь вмешаться в наш диалог, но я не сомневалась, что стоит мне отойти, как он подбежит к девушке и предложит ей опереться на свою сильную руку.

— Нет-нет, мадемуазель! — я покачала головой. — Вам незачем съезжать. В вашем особняке столько комнат, что мы все разместимся там безо всяких помех. Тем более, что вы живете во флигеле. Право же, я буду рада такому соседству.

Теперь она уже не прятала слёз. И прежде, чем я успела ее остановить, она поднесла мою руку к губам.

— Благодарю вас, сударыня! Вы даже не представляете, как много это для меня значит. Я не намерена долго злоупотреблять вашей добротой, но буду признательна вам, если вы позволите нам остаться до тех пор, пока папенька не встанет на ноги.

Она улыбалась сквозь слёзы, и улыбка ее была светлой и чистой. Когда-то я и сама умела так улыбаться. Как же давно это было.

— Не плачьте, дитя мое! — мой голос всё-таки дрогнул. — После пасмурных дней на небе всегда появляется солнце.

Эти слова сказал мне однажды ее отец, и я надеялась, что после того, как Андрэ поправится, и мы уедем из Линарии, в старинном особняке на площади Доблести и сам барон, и его дочь, и его будущий зять проведут еще много счастливых дней.

31. Особняк

Я наняла лучших архитекторов и строителей Лимы, пообещав им большую премию, если они приведут особняк в порядок за две недели. И каждый день приезжала на площадь Доблести сама.

Дом преобразался на глазах. Сияли свежей краской окна, стены и колонны на фасаде, манили в глубь сада ровные дорожки, обрамленные аккуратными газонами и клумбами с цветами самых разных расцветок.

Именно в саду я обнаружила место, в которое влюбилась с первого взгляда — это был небольшой фонтан под тенью ветвистого дерева, рядом с которым стояла прелестная скамейка. Здесь было так красиво и уютно, что, заслушавшись журчанием воды, я забыла о времени.

— Мы с Лаурой тоже очень любим здесь бывать.

Я вздрогнула, услышав голос барона. Я собиралась нанести визит его милости на следующий же день после аукциона, но Лаура сказала, что ее отцу стало хуже, и я побоялась, что разговор с новой владелицей его фамильного особняка может ухудшить ситуацию.

Барон выехал в сад в инвалидном кресле, которое катила старшая горничная мадам Бертье — та самая немолодая и, судя по всему, преданная хозяевам дама, что показывала нам с месье Арно дом. Де Робер был бледным и изможденным, но взгляд его карих глаз был внимательным и даже любопытным.

Я назвала себя и извинилась за тот шум, который создавали строители, и который мог ему помешать.

— Нет-нет, всё в порядке! — воскликнул он с живостью, которую трудно было ожидать от человека в его состоянии. — Мне радостно видеть, как наше с Лаурой пришедшее в упадок гнездо обретает прежний вид. И знаете, что, сударыня — если бы кто-то спросил меня, что я хотел бы изменить в нашем саду или в интерьерах, то я, пожалуй, сделал бы то же самое, что сейчас делаете вы.

Я была польщена таким комплиментом, и с моей души будто упал тяжкий груз.

— У вас замечательная дочь, господин барон!

— Благодарю вас, ваша светлость! — он тепло улыбнулся. — Лаура сказала, что у вас есть сын. Думаю, ему здесь понравится. Эти тропинки словно созданы для того, чтобы по ним бегали маленькие ножки. А сколько тайных мест можно найти в этом саду!

Мы оба рассмеялись, и даже на тонких бледных губах горничной появилось некое подобие улыбки.

Пользуясь случаем, я обсудила с его милостью и ремонт флигеля, где жили они с дочерью. Он, разумеется, заявил, что им ничего не нужно — довольно и того, что я позволила им остаться. Но я настаивала, и он признал, что печи прохудились, а над спальней Лауры протекает крыша.

Но занималась я не только хозяйственными делами. Я обновила гардероб, наняла слуг, часть из которых разместились вместе с нами в «Национале», а другая часть уже обживала дом. Столик в гостинице, на котором визитеры оставляли свои карточки и приглашения, был каждый день завален новыми конвертами. Бальный сезон еще не начался, но некоторые аристократы уже открывали свои светские салоны.

Большинство имен я слышала и прежде, но иногда попадались и новые, и тогда я обращалась за подсказкой к месье Арно. Он щедро делился со мной своими знаниями.

— Настоятельно советую вам начать с музыкального салона маркизы Делфины де Преваль, — сказал он, перебирая карточки с приглашениями. — В прошлом сезоне он был необычайно популярен. Маркиза три года назад вернулась из Сигезии, где ее покойный муж долгое время был послом. Как правило, ей удается заполучить на свои вечера самых популярных людей Лимы, и если вы осчастливите ее своим присутствием, то, поверьте, она не останется в долгу.

— Сколько ей лет? — любопытствовала я.

А вот на этот вопрос месье Арно ответить затруднился.

— Быть может, тридцать пять, — предположил он, — или даже сорок. Она — из тех женщин, возраст которых трудно угадать. Но она, несомненно, еще способна вызвать интерес у противоположного пола, и она знает это и умеет этим пользоваться. В прошлом сезоне ей приписывали несколько громких романов, но она умеет вести себя так, что ни единого доказательства слухи под собой не имеют.

Ну, что же, это был отличный вариант — начать сезон с посещения салона женщины, с которой прежде не была знакома. Это будет не так волнительно и грустно.

— В прежнее время я непременно рекомендовал бы вам заглянуть и к де Ламарам — их салоны также славились своим шармом, но уже в прошлом сезоне у присутствовавших там, говорят, сводило скулы от скуки.

Я не смогла удержаться и чуть подалась вперед, боясь пропустить хоть слово из его рассказа.

— Его светлость некогда был одним из первых красавцев столицы, но сейчас уже изрядно поистаскался и обрюзг. Впрочем, как и его супруга. Их брак в свое время вызвал много разговоров. Ее светлость была провинциалкой с головы до пят — амбициозная, но ограниченная особа, и, конечно, герцог никогда бы не женился на ней, если бы вдруг она не оказалась кузиной самой королевы. Но этот брак, суливший его светлости столько преимуществ, превратился в проблему после смерти ее величества Алессандры. Его величеству, скорбевшему по жене, встречи с ее двоюродной сестрой доставляли лишнюю боль, и де Ламаров всё реже и реже приглашали во дворец.

Мне казалось, я была готова ко встречам и с Джеммой, и с Этьеном, но стоило мне только услышать их имена, как откуда-то из самых удаленных уголков моего сердца вернулись и боль, и гнев, и даже ненависть.

— Кажется, у бедной королевы была еще и родная сестра, — я решила не упускать возможности узнать что-то и о Бланш.

— Да — мадемуазель Бланш, — подтвердил месье Арно. — Ее тоже вскоре попросили удалиться из дворца, хотя изначально многие полагали, что его величество в память об одной сестре может жениться на другой, и, кажется, как раз герцогиня де Ламар была активной сторонницей этого прожекта. Но не случилось, и младшая дочь маркиза де Сурель поселилась в весьма скромном особнячке на окраине Лимы и почти не бывает в свете.

Среди приемов, которые мне стоило посетить, месье Арно назвал и еще несколько — в домах герцога де Крелона, маркиза Рошена и еще каких-то вельмож, имена которых мне ни о чём не говорили. Я одобрительно кивала и записывала в книжку те сведения, которые могли мне пригодиться.

Я понимала, что рано или поздно мне придется отправиться во дворец, представиться его величеству и завести с ним тот непростой разговор, который поручил мне король Антарии, но радовалась тому, что Этьен до начала сезона находился в своей загородной резиденции, и это давало мне основания отложить сей неприятный и весьма волнительный визит.

Обычно месье Арно посещал нас с утра, но однажды, когда мы уже перебрались в особняк на площади Доблести, он приехал вечером. На его лице было написано такое волнительное нетерпение, что я поняла — он прибыл не с обычным досужим разговором.

— О, ваша светлость! Простите за поздний визит, но эта новость решительно не могла подождать до утра! — он сделал паузу и выпалил, явно гордясь тем, что сообщает мне это первым. — У нашего короля родился сын!

32. Сын короля

Мое молчание месье Арно истолковал по-своему.

— О, ваша светлость, вы прибыли издалека, и вам пока не понятно, сколь значимо это событие для всей Линарии. Каждый добропорядочный линариец переживал за своего короля все те годы, что тот пребывал в одиночестве. У Этьена Третьего нет законного наследника, а это для страны всегда опасно. Я не раз слышал о заговорах, поддерживаемых иностранными государствами. Более того — говорят, на жизнь его величества не единожды покушались.

— Но разве его величество женат? — удивилась я.

Мадемуазель де Шатильон сдержанно хихикнула:

— Ах, моя дорогая, для того чтобы обзавестись ребенком не обязательно состоять в браке.

Я была вполне взрослой для того, чтобы это понимать. Но я полагала, что Этьен достаточно разумен, чтобы осознавать свою ответственность перед страной и не допустить ситуации, когда сомнительное происхождение ребенка осложнит и без того непростую ситуацию.

— И кто же мать наследника? — подала голос тетя Лео.

Месье Арно развел руками:

— Кажется, его величество не знает этого и сам.

— Как так? — правая бровь тетушки взмыла вверх. — Я понимаю, когда сомнения возникают в отношении отца, но чтобы матери...

— О, — еще больше разволновался месье Арно, — дело в том, что о появлении ребенка узнали не совсем обычным способом. Надеюсь, вы знаете, как много значит для Линарии магический источник, который находится в саду королевского дворца? Именно с ним связаны все главные события в истории страны. Так вот — когда в королевской семье рождается ребенок, источник обозначает это особым образом — он будто начинает играть своим струями, извергая их высоко вверх и окрашивая их в разные цвета. При этом, если появляется девочка, то струи словно окрашиваются серебром, а если мальчик — то золотом.

— Даже если ребенок рожден вне брака? — уточнила Лео.

— Похоже, что и в таком случае — тоже, — признал месье Арно. — Вы представляете, сударыни, какой переполох сейчас творится во дворце? Его величество вынужден был спешно вернуться из загородной резиденции. Придворные делают ставки, пытаюсь угадать, кто может оказаться матерью ребенка.

— И какие же версии выдвигаются? — мне показалось, что я говорила совершенно спокойно, но и тетушка, и Велия посмотрели на меня с тревогой.

Впрочем, месье Арно не обратил на мое волнение никакого внимания — он рад был возможности поговорить на столь важную тему.

— О, его величество все годы со смерти королевы Алессандры никого открыто к себе не приближал. Да, он был помолвлен с нурландской принцессой, но это было уже давно, да и брак всё равно не состоялся. Наш первый министр герцог де Крелон надеялся, что его величество обратит особое внимание на его дочь Энрику. А нужно сказать, мадемуазель де Крелон — весьма очаровательная особа. Я имел честь видеть ее однажды в непосредственной близости, и, право же — надежды герцога имели под собой основание. Но, если уж король не женился на ней тогда, когда она была на десять лет моложе, то трудно ожидать этого сейчас, не так ли?

— И что же, мадемуазель де Крелон так и не вышла замуж? — я даже пожалела дочь герцога.

— Когда у тебя есть (пусть и призрачные!) надежды на корону, захочешь ли ты согласиться на что-либо меньшее? — вопросом на вопрос ответил месье Арно. — Ее красота и безупречные манеры вкупе с влиянием ее отца вполне могли привести к желаемому результату. По крайней мере, еще в прошлом году именно об этом браке говорили как о наиболее вероятном. А потом мадемуазель де Крелон допустила ужасную ошибку.

— Вот как? — заинтересовалась я.

— Да-да! — с энтузиазмом подтвердил месье Арно, польщенный нашим вниманием. — На одном из приемов она имела неосторожность нелестно отозваться о королеве Алессандре — этого оказалось достаточно, чтобы его величество пожелал, чтобы она покинула столицу.

Мое сердце трепыхнулось. Этьен отправил свою фаворитку вон только за то, что она сказала обо мне что-то дурное?

Но тетушка быстро придала совсем другое направление нашим мыслям.

— Так он отправил ее в провинцию несколько месяцев назад? — прищурилась Лео.

Месье Арно не сразу понял, куда она клонит, но, когда понял, расплылся в широкой улыбке.

— О, сударыня, вы думаете, что ссора между ними была не случайной? Что он просто удалили Энрику де Крелон из Лимы, чтобы никто не догадался об ее интересном положении?

Несмотря на то, что эта версия нравилась мне куда меньше, она была вполне вероятна. И мне следовало признать, что у Андрэ мог появиться братик или сестренка, которые, будучи признаны королем официально, станут законными принцем или принцессой.

Я впервые задумалась о том, что своими действиями невольно лишила своего сына права претендовать на Линарию, и если он, став взрослым, узнает об этом, то сможет ли он меня понять и простить? Впрочем, я тут же успокоила себя тем, что поступи я по-другому, я, возможно, дала бы нашим врагам погубить Андрэ.

Когда месье Арно удалился, мы смогли разговаривать более свободно.

— Матушка говорила, что когда она появилась на свет, в фонтане тоже сверкали серебристые струи — правда, они были едва различимы, ведь она родилась за пределами королевского дворца, — Велия вздохнула и после некоторой паузы вернулась к событию, которое мы обсуждали. — Бедный малыш. Сколько упреков посыплется сейчас на голову его матери, кем бы она ни была. И даже если его величество признает ребенка, пересуды и сомнения в его происхождении будут долго еще преследовать его.

— Но разве ваш замечательный источник не способен подтвердить принадлежность малыша к королевской семье? — с усмешкой спросила Лео. Теперь она скептически воспринимала всё, что было связано с Эллинарами.

Велия с сожалением покачала головой:

— Боюсь, что нет, дорогая. Источник волнуется только когда чувствует появление малыша, в дальнейшем же, как правило, на

членов королевской семьи он уже не реагирует. Конечно, все мы помним историю королевы Алэйны, которая сама вернула в источник магию, но с тех самых пор ничего подобного не происходило.

В эту ночь я почти не спала и на утро спустилась к завтраку в таком виде, что даже обычно равнодушная к таким вещам Лео сделала мне замечание:

— Девочка моя, ты выглядишь неважно. А, между прочим, вечером ты должна блистать в салоне маркизы де Преваль. Мне не хочется читать тебе нотации, но если каждую новость о своем бывшем мерзавце-муже ты будешь встречать именно так, то нам лучше как можно скорее вернуться в Антарию. Тем более, что Андрэ, как мне кажется, чувствует себя намного лучше.

Я ей не возразила. Я и сама понимала, что никакая иллюзия не поможет мне, если все мои чувства будут написаны у меня на лице. Мне следовало проявить при встрече с врагами куда больше выдержки и спокойствия.

К вечеру горничные уже привели меня в порядок, а новое темно-зеленое платье и немислимо-роскошный изумрудный гарнитур довершили дело. И когда я появилась в особняке маркизы де Преваль, то любопытно-восхищенные взгляды гостей весьма польстили моему самолюбию.

— О, как я счастлива, наконец, познакомиться с вами, ваша светлость! — хозяйка дома — красивая брюнетка, показавшаяся мне довольно молодой и интересной, — расцеловала меня в обе щеки. — О вас так много говорят, что, если бы вы не приняли мое приглашение, я пришла бы в отчаяние! Ах, если вам покажется, что я слишком много говорю, остановите меня! Но скоро зазвучит музыка, и тогда, обещаю, я закрою свой рот на замок.

Она была мила и непосредственна, и кажется, обстановка в ее салоне была такой же непринужденной.

— Пойдемте, ваша светлость, я покажу вам лучшее место в зале! С него будет прекрасно видно всех музыкантов. Вы в Лиме впервые, и должно быть, никого еще здесь не знаете? Ах, я с удовольствием стану вашим гидом! После концерта я познакомлю вас с теми, с кем стоит здесь познакомиться. Да можно начать и прямо сейчас! Вот, например, герцогиня де Ламар.

Я вздрогнула. Я так увлеклась беседой с хозяйкой, что не заметила стоявшую в двух шагах от нас Джемму. Кузина, в ответ на слова маркизы, подняла голову и тоже посмотрела на меня.

33. Герцогиня де Ламар

Джемма сильно изменилась за эти годы. И дело было даже не в том, что она располнела, а в том, что лицо ее посерело и приобрело некоторую одутловатость. Впрочем, заметив, как она, залпом осушив один бокал, тут же потянулась за вторым, я поняла одну из причин такой перемены.

Маркиза де Преваль тоже явно знала о пагубной привычке своей гостьи, потому что подала знак лакею, разносившему напитки, и тот поспешил отойти от герцогини подальше.

— Я вас оставлю на минуту, — извинилась хозяйка и удалилась встречать других гостей.

Я постаралась улыбнуться как можно более непринужденно. На мне была иллюзия, но думаю, даже без нее в таком состоянии Джемма бы не узнала меня.

— Вы впервые в наших краях, княгиня? — язык кухни уже слегка заплетался. — Надеюсь, вам понравилась Лима?

Я ответила, что столица Линарии восхитительна.

— Рада это слышать, ваша светлость! Надеюсь, у вас будет время посетить и мой салон. Как раз послезавтра я устраиваю поэтический вечер. Приходите — публика будет самой изысканной.

Я поблагодарила ее за приглашение. Музыканты уже занимали свои места, и мы тоже поспешили расположиться на удобном диване у окна.

Исполнявшиеся произведения были мне по большей части незнакомы, и хотя я не могла не отметить превосходный вкус того, кто составлял программу, куда больше, чем музыка, меня в этот вечер интересовали собравшиеся в зале. Я заметила немало знакомых лиц — правда, некоторых имен я так и не могла вспомнить.

— Вы — главная звезда этого вечера, ваша светлость! — шепнула мне на ухо Джемма. — Все смотрят только на вас, — и добавила со вздохом сожаления, — ах, когда-то и я была так же молода и красива!

Думая о моем возрасте, она явно заблуждалась. Но я не стала ей возражать, а вместо этого сказала:

— Думаю, они смотрят не столько на меня, сколько на мои изумруды.

Джемма улыбнулась:

— Нет-нет, не скромничайте, княгиня! Хотя ваше кольцо великолепно — думаю, оно стоит не меньше того особняка, который вы недавно приобрели.

Я небрежно пожала плечами:

— Понятия не имею, сколько оно стоит.

Теперь я уже знала, на что куплю дружбу кузины — на несколько изумрудов со своих рудников.

Концерт закончился, и гости, благодаря хозяйку за прекрасный вечер, потянулись к выходу.

— Не стоит торопиться, ваша светлость, — Джемма взяла меня под руку. — В такой толпе ждать карету на крыльце придется не меньше получаса. Лучше провести это время в саду.

И она потянула меня совсем в другую сторону. Оказаться после душного зала на свежем воздухе было весьма приятно.

— А ведь когда-то карету герцогини де Ламар подавали первой, — мечтательно вздохнула Джемма. — Да-да, ваша светлость, не считите за хвастовство, но я была второй дамой Линарии!

В ее тоне перемешались гордость и разочарование. Ей явно хотелось вспомнить прошлое, и я решила поощрить ее словоохотливость.

— Второй после королевы? — уточнила я.

— Именно так, ваша светлость, — еще один вздох. — Покойная королева Алессандра была моей сестрой. Ах, если бы можно было вернуться в прошлое, скольких ошибок бы я постаралась избежать! Да, вы слышали главную новость этой недели? У его величества, вроде бы, появился сын! Ах, если бы тогда Алессандра родила королю ребенка, всё могло бы быть по-другому.

— Но детей у них не было, не так ли?

— Именно так, — подтвердила Джемма. — Когда после трех лет брака у них так и не появился наследник, пошли разговоры, что их развод — лишь дело времени. Вы же понимаете, насколько шаток трон под королем, если у него нет сыновей и младших братьев. Бедняжка Сандра так страдала из-за этого. У нее с его величеством была

идеальная магическая совместимость, и их ребенок мог быть сильным магом. Но что теперь об этом говорить?

Мы дошли до конца дорожки и повернули обратно.

— Надеюсь, вы поддерживали сестру в те тяжелые для нее дни?

Джемма кивнула без раздумий:

— Конечно, ваша светлость! Во многом от их брака зависело и мое благополучие. Быть сестрой королевы или бывшей королевы — это две большие разницы. А вот после смерти Сандры я ошиблась. Я поставила не на ту лошадь, ваша светлость, и проиграла.

Она нервно рассмеялась, но я не успела спросить, что она имела в виду, потому что в нашу сторону шла маркиза де Преваль.

— Как хорошо, что вы не уехали, ваша светлость! — обратилась она ко мне. — Надеюсь, вы свободны завтра днем? Тогда вам непременно стоит присутствовать на церемонии, которую вы не увидите нигде более, кроме как в Лиме. Вы наверняка знаете про наш магический источник? И про то, что наш король так неожиданно для себя обрел сына? Так вот — мне сообщили по секрету, что этого мальчика уже привезли в Лиму!

— О! — выдохнула Джемма.

Я же никак не выказала ни удивления, ни восхищения и мысленно похвалила себя за это.

— Угадайте, кто оказался матерью ребенка? — маркиза взяла долгую паузу. — Энрика де Крелон! Впрочем, все именно этого и ожидали.

— Значит, этой интриганке удалось достигнуть цели? — поморщилась Джемма. — Мне даже жаль его величество! Он так долго отражал ее приставания, что я надеялась, она оставила попытки стать королевой.

Это прозвучало несколько грубовато, и маркиза бросила на меня извиняющийся взгляд, словно просила прощения за слова своей гостью.

— Давайте воздержимся от оценок, ваша светлость! — попросила она. — Возможно, речь идет о будущей жене короля. Ребенка уже доставили во дворец и завтра в полдень понесут к источнику. Конечно, нет никаких оснований полагать, что тот каким-то образом признает малыша, но почему бы не попробовать? Если источник подаст хоть

какой-то знак, это избавит мадемуазель де Крелон от нападков со стороны недоброжелателей.

Джемма хмыкнула:

— Кто помешает им сказать, что знак был подан, даже если на самом деле ничего подобного не будет?

Но в этой ситуации маркиза де Преваль была явно не на стороне оппозиции.

— Вы думаете, его величество меньше нас хочет узнать правду? Для него самого будет большим облегчением убедиться в том, что этот ребенок действительно его сын. Но для того, чтобы подданные не осмелились сомневаться в том, что в мальчике течет кровь Эллинаров, церемония будет проведена в присутствии званых гостей. Конечно, туда пригласят не всех желающих, а только тех, кто близок ко двору, но мне уже сообщили, что я получу приглашение. Не сомневаюсь, дорогая Джемма, что и вы тоже.

Но она произнесла это так, словно была уверена как раз в обратном.

— Боюсь, что нет, дорогая маркиза, — обиженно протянула кузина. — С некоторых пор его величество не привечает меня во дворце.

Ее карету подали раньше, чем мою, и я полагала, что это случилось не без вмешательства хозяйки.

— Я добуду приглашение на завтрашнюю церемонию и для вас, ваша светлость, — заверила она меня. — Это будет совсем несложно. У меня неплохие связи при дворе. К тому же, ваша персона вызывает такой интерес, что все будут рады вашему присутствию. Я слышала, вы запрашивали аудиенцию у его величества?

Она бросила на меня любопытный взгляд. Я предпочла ограничиться молчаливым кивком.

— Я была бы рада, если бы между Линарией и Антарией, наконец, наступил настоящий мир. Да, война закончилась несколько десятилетий назад, но наши отношения так и не стали по-настоящему дружескими. Признаться, я надеялась, что именно брачный союз мог бы соединить наши страны. Внучка вашего короля могла бы стать прекрасной парой нашему. Но теперь, полагаю, говорить об этом уже бессмысленно.

Эта маркиза была не так проста, ей явно была не чужда большая политика.

— Вам не нравится дочь герцога де Крелона? — полюбопытствовала я.

Она ответила уклончиво:

— О, нет, мадемуазель де Крелон весьма мила. Но для Линарии брак его величества с иностранной принцессой был бы куда более выгоден — он укрепил бы наши позиции в мире. Впрочем, что бы я об этом ни думала, это не имеет никакого значения. А у вас завтра будет возможность составить обо всём собственное мнение.

Наконец, подали и мою карету, и маркиза сердечно обняла меня.

— Думаю, приглашения пришлют уже утром. До встречи в полдень во дворце.

34. Проверка

Приглашение действительно принесли ранним утром в пахнувшем лавандой конверте с вензелем его величества. Оно было персональным — для княгини Алонсо, и это только подтвердило мое первоначальное мнение о том, что маркиза де Преваль занимает при дворе не последнее место. Быть может, она увлеклась политикой еще тогда, когда был жив ее муж.

— Ох, дорогая, давай я помогу тебе с закреплением иллюзии, — сказала Велия, вплетая свою магию в мои магические нити. — Ты впервые за столько лет увидишь своего бывшего мужа, может случиться всякое. А так никто не сможет узнать твою собственную магию.

Читавшая газету Лео проворчала:

— Что значит «всякое»? Ей всего лишь потребуется постоять в толпе народа в королевском саду. Не думаю, что в такой важный для себя день его величество удостоит ее отдельной аудиенции — ему будет совсем не до того. И это хорошо, что первая встреча состоится на таком многолюдном мероприятии — Лесси проверит себя, — и она строго посмотрела на меня. — Надеюсь, ты не надумаешь грохнуться в обморок от избытка чувств?

Я заверила ее, что никаких чувств к Этьену у меня уже не осталось. Она одобрительно кивнула, хотя, кажется, не поверила мне.

Но меня этим утром занимал совсем другой вопрос. Теперь, когда у короля Линарии появился сын, которого он наверняка захочет признать официально, миссия, которую возложил на меня король Антании, становилась бессмысленной, но это меня даже радовало. Значит, можно было забыть о дворцовых интригах и сосредоточиться на здоровье Андрэ. Здесь, в Лиме, сыну стало чуть лучше, приступы удушья, что обычно случались по утрам, стали менее продолжительными. Я связывала это с тем, что мы находились теперь довольно близко к королевскому дворцу и к источнику. И всё-таки лучше было бы, если бы удалось раздобыть для Андрэ хотя бы несколько капель пропитанной магией воды.

Я не надеялась, что во время сегодняшнего мероприятия мне удастся подойти к источнику. Все приглашенные будут находиться на большом расстоянии от него — только Этьен и, возможно, главный королевский маг смогут приблизиться к фонтану. Наверняка, к нему не подпустят даже мадемуазель де Крелон.

Как ни странно, но думая теперь о дочери герцога, я не испытывала ни ревности, ни зависти, ни обиды — быть может, в этой большой игре, в которую она сейчас вступала, она окажется более умелым игроком, чем когда-то была я. За те три года, что я провела во дворце, я неплохо узнала Энрику де Крелон — она была красива, честолюбива, но не слишком умна, и если она сумеет стать королевой, то благодаря не своим личным качествам, а влиянию своего отца.

— Не вздумай сунуться к источнику, — верно угадав ход моих мыслей, предупредила тетушка. — Этим ты не поможешь Андрэ, но привлечешь к себе ненужное внимание.

Я отправилась во дворец в четверть двенадцатого, и когда прибыла туда, то меня проводили прямо в сад, где были расставлены столы с прохладительными напитками и фруктами. В этот раз я постаралась выглядеть скромнее — звездой этого мероприятия должна была стать совсем другая женщина. Маркиза де Преваль явно подумала так же, потому что тоже предпочла обойтись без декольте и массивных украшений.

Она подошла ко мне сразу же, как только я оказалась в саду. Было жарко, и она энергично обмахивалась веером из страусиных перьев.

— Назначив мероприятие на полдень, его величество устроил нам знатную пытку, — негромко сказала она. — Надеюсь, всё произойдет быстро, и Линария, наконец, обретет долгожданного принца. Думаю, его величество понимает всю серьезность ситуации и признает малыша как можно скорее, даже если не питает особых чувств к его матери.

— Вы полагаете, он не любит мадемуазель де Крелон? — деланно изумилась я. — Говорят, она очень красива.

Маркиза хмыкнула:

— Да, она недурна. Но, согласитесь, этого мало, чтобы сделать ее королевой. Если бы его величество ее любил, он женился бы на ней давным-давно. Да, она не королевской крови, но первая жена его величества тоже не была принцессой.

Она говорила обо мне, но на сей раз я даже не вздрогнула. А спустя мгновение разговор нам пришлось прервать, потому что в сад вышли главные действующие лица. Я отступила чуть назад, чтобы иметь возможность разглядывать и Этьена, и герцога де Крелона, и его дочь, не боясь привлечь внимание к собственной персоне.

Я находилась довольно далеко от короля, но даже с такого расстояния я заметила избородившие его лоб морщины. Теперь это был уже не восторженный молодой человек, каким я когда-то его знала, а взрослый мужчина.

Герцог де Крелон тоже изменился — теперь он выглядел почти стариком, но взгляд его по-прежнему был уверенным и цепким. И сейчас этим взглядом он окидывал толпу, словно ища в ней тех, кто в этот миг осмелился бы скептически улыбнуться или каким-то другим образом выразить свое неодобрение происходящему. Я не знала, были ли у него сейчас соперники при дворе в борьбе за влияние на его величество. Супругов Жомини я в толпе не разглядела, а спросить у них напрямую я не могла — ведь предполагалось, что я с ними вовсе не знакома.

Красота мадемуазель де Крелон за эти годы отнюдь не померкла, и то, что Этьен всё-таки не устоял перед ее чарами, было вполне объяснимо. Но выглядела Энрика сегодня отнюдь не блестяще — даже толстый слой пудры не мог скрыть темные круги под глазами и бледность кожи. Хотя ее болезненный вид мог объясняться недавними родами.

А вот выражение ее лица показалось мне совсем непонятным. Я ожидала увидеть торжество или, по крайней мере, удовлетворение от того, что она почти достигла желанной цели, а заметила растерянность и даже страх.

— После нескольких месяцев пребывания в провинции мадемуазель де Крелон стала почти дурнушкой, — понизив голос совсем до шепота, сказала маркиза. — Не удивительно, что его величество не проявляет никаких признаков радости.

Самого же виновника сего мероприятия принесла немолодая дама, которая не показалась мне знакомой. Одеальце, в которое был закутан малыш, было украшено вышитыми золотой нитью цветками льнянки — символами Эллинаров. Ребенок мирно спал, но когда

одеяльце распахнули, проснулся и выразил своей протест громким криком.

Из рук дамы малыша принял главный маг Линарии граф де Ла Верден — как я и предполагала, только ему было дозволено приблизиться к источнику вместе с королем. Мы наблюдали за этим действием издалека.

Я не ожидала, что источник как-то среагирует на ребенка, независимо от наличия или отсутствия в нём королевской крови, и судя по лицам присутствующих, большинство из них были со мной согласны. Да, в истории Линарии были случаи, когда он проявлял себя — сначала, когда магия ушла из него после убийства маленького сына короля во время восстания, случившегося почти тысячу лет назад, потом, когда магия в него вернулась, стоило принцессе Алэйне опустить в него руку. Памятуя о том, что магия может снова исчезнуть, даже представители семейства Эллинаров обычно предпочитали любоваться фонтаном на расстоянии, боясь осквернить источник неосторожным действием.

Они подошли к фонтану. Маг застыл, держа ребенка на руках, а Этьен наклонился к источнику — только он мог зачерпнуть из него воду. Но прежде, чем он сделал это, случилось то, чего не ожидал никто — вода в фонтане вскипела, и от источника клубами повалил пар. Несколько капель кипятка, должно быть, попали и на малыша, который снова закричал — теперь уже от боли.

Я тоже вскрикнула. И не я одна. Мы совершенно не понимали, что происходит. Ни в одной из летописей не описывался подобный случай.

— Источник отверг малыша! — наконец, озвучил кто-то мысль, пришедшую во многие головы.

Теперь взоры гостей обратились к мадемуазель де Крелон — именно ее реакция могла бы многое прояснить. Но сейчас бедняжка мадемуазель была не в состоянии дать нам ответ — она лежала на траве в глубоком обмороке.

35. Обман

Его величество более не удостоил гостей своим вниманием — он вернулся во дворец другим путем, на ходу отдав какие-то распоряжения. Через несколько минут собравшихся попросили удалиться, принеся им извинения за доставленные неудобства. Первыми исчезли из сада герцог де Крелон с дочерью, которую до кареты несли на руках.

— Какой конфуз, не правда ли, ваша светлость? То есть, я хотела сказать — какая жалость! — воскликнула маркиза, когда мы оказались за пределами королевской резиденции. — Если Энрика де Крелон пыталась всучить его величеству ребенка, которого она родила от другого, боюсь, мы не увидим более при дворе ни ее саму, ни герцога де Крелона.

Мы обе были полны любопытства, удовлетворить которое в этот день так и не смогли. Зато уже дома мы с Лео и мадемуазель де Шатильон вдоволь обсудили эту тему.

— Бедный малыш! — расстроилась Велія. — Как это жестоко — втягивать детей во взрослые игры. Какая судьба ожидает его теперь?

Лео откликнулась:

— Его интриганке-мамаше следовало подумать об этом раньше. Но, признаться, мне даже жаль, что я сегодня не присутствовала на церемонии в королевском саду — забавно было бы поглядеть на лицо его величества в тот момент, когда он осознал, что его любовница сделала его рогоносцем.

Но мадемуазель де Шатильон была слишком хорошо воспитана, чтобы над этим посмеяться, и потому поспешила перевести разговор немного в другое русло.

— Но как же знак, который источник подал несколько дней назад? Он же недвусмысленно указывал на то, что у короля родился сын. Да, этот малыш оказался не Эллинаром, но это лишь значит, что где-то есть другой мальчик.

Ее вопрос заставил меня озвучить ответ, который пока еще я сама не считала однозначным, но который был вполне вероятен.

— А может быть, источник так среагировал на нашего Андрэ? Кажется, золотые струи появились в нём как раз тогда, когда мы перебрались в этот дом. Я не знаю, возможно ли такое, что о появлении наследного принца источник сообщил спустя столько лет?

Лео и Велия переглянулись — возможно, им тоже уже приходила в голову подобная мысль, и они не поделились ею со мной, не желая меня волновать?

— Да, дорогая моя, — откликнулась мадемуазель де Шатильон, — такие случаи в истории были. Так, например, случилось с Эдвардом Мудрым — его мать, королева Луиза, родила его на чужбине — Линария тогда воевала с Сигезией, и король Нолан отправил супругу в безопасное место. Так вот — источник объявил о появлении принца только тогда, когда королева с малышом вернулась в Лиму после подписания мирного договора — мальчику тогда было уже полтора года. Но это случилось так давно, что об этом почти никто не помнит.

Тетушка нахмурилась:

— Ну, что же, если так, то нам следует как можно скорее добыть немного воды для Андрэ и покинуть Линарию. Теперь, когда мадемуазель де Крелон устранена, тебе, Лесси, всё-таки стоит добиться аудиенции у Этьена и передать ему предложение короля Родриго. Твой бывший муж находится в такой почти безвыходной ситуации, что должен ухватиться за это предложение обеими руками. Быть может, на радостях он согласится выполнить твою маленькую просьбу и даст тебе пузырек с водой из источника.

Это показалось мне вполне осуществимым. Да, саму меня не подпустят к источнику ни при каких обстоятельствах. Но что ему стоит вознаградить посланницу короля Антарии такой малостью, как несколько капель магической воды?

Я еще раз написала секретарю его величества с просьбой об аудиенции и этим же вечером получила ответ — мне надлежало явиться во дворец через два дня. Ну, что же, это была отличная новость.

А следующий вечер я собиралась провести у Джеммы — это была прекрасная возможность еще хоть чуть-чуть приоткрыть завесу, скрывавшую правду о событиях семилетней давности.

Прежде я часто бывала у де Ламаров, и их дворец знала как свои пять пальцев, хотя сейчас он произвел на меня совсем другое

впечатление. Он уже не поражал воображение роскошью и модными новшествами в интерьерах. Связано ли это было с тем, что герцог уже не значился в друзьях и наперсниках его величества, или с неразумностью в тратах самой Джеммы, я не знала, но шелковая обивка стер в зале, где собрались в гости, заметно выцвела, а паркет на полу поистерся.

— Как мы счастливы, ваша светлость, что вы нашли возможность к нам приехать! — Джемма сияла. — Не правда ли, дорогой?

Стоявший рядом герцог де Ламар — тоже заметно потяжелевший, — окинул меня заинтересованным взглядом. Это был взгляд заядлого ловеласа, который оценивал свои шансы по завоеванию новой цели. Судя по всему, он мысленно признал, что шансы были невелики, и предпочел отступить без борьбы. Он отвесил мне несколько витиеватых комплиментов и отправился приветствовать других гостей.

А вот Джемма не отходила от меня ни на шаг — судя по всему, более важных персон на этом вечере не ожидалось.

— Вы ведь были вчера у источника, ваша светлость? — спросила она, пригласив меня посмотреть их оранжерею. — Наверно, это было незабываемое зрелище, не правда ли? — она явно сожалела о том, что не присутствовала там сама. — Но, может быть, вы еще не слышали, чем закончилась эта история? Мы сами узнали об этом только полчаса назад.

Мы были здесь одни, и Джемма могла позволить себе всласть посплетничать, чем и не замедлила заняться.

— Вчера герцог де Крелон так торопился увезти свою Энрику из дворца, что даже не удосужился испросить на это разрешения его величества. Так вот — их карету остановили через пару кварталов — личная гвардия короля заставила герцога вернуться. Когда мадемуазель де Крелон привели в чувство, она рассказала всё без утайки. Оказывается, она вовсе не была беременна! Да-да, именно так! Тот ребенок, который был в саду, сын какой-то крестьянки из поместья де Крелонов. Энрика услышала о том, что источник показал, что у короля родился сын, и решила воспользоваться тем, что не протяжении нескольких месяцев никто из придворных ее не видел. Она нашла малыша и выдала его за своего.

— Но разве она не понимала, что подлог рано или поздно будет раскрыт? — изумилась я. — Этот мальчик мог быть совсем не похож на его величество, у него могло вообще не быть магии!

— О, эта девица слишком глупа, чтобы думать о последствиях! Хотя о чём это я? — хихикнула Джемма. — Она давно уже не девица. Быть может, она рассчитывала, что обрадованный король сразу же женится на ней, и через некоторое время она сможет родить ему настоящего принца. Не удивлюсь, если она намеревалась избавиться от этого мальчика после рождения своего ребенка, хотя, конечно, сейчас они ни за что не признается в этом. Говорят, она так рыдала, когда рассказывала его величеству о своем обмане, что ее было слышно даже на улице. Она сказала, что на это преступление ее толкнула всепоглощающая любовь к его величеству.

— Что с ней будет теперь? — спросила я, когда мы уже возвращались в залу.

Джемма ответила, не скрывая своего удовлетворения:

— Ее снова выслали в провинцию — только теперь уже без права возвращения в столицу. Ее репутация погублена настолько, что я не думаю, что найдется хоть кто-то, кто пожелает жениться на ней, даже польстившись на титул или приданое. При дворе ожидают, что вскоре и сам герцог отправится в свое имение вслед за Энрикой. Но я, должно быть, уже утомила вас этой темой. Впрочем, сейчас вас развлекут наши местные поэты — среди них попадаются весьма талантливые. Надеюсь, я могу называть вас Летисией?

Мы оказались в зале, уже наполнившейся гостями, и я нацепила на лицо дежурную улыбку. Впрочем, эта улыбка быстро сбежала с моих губ, стоило мне заметить в дверях худую женскую фигуру.

— О! — у Джеммы тоже вытянулось лицо. — Не думала, что она придет. Она сейчас редко бывает в свете. Пойдемте, ваша светлость, я познакомлю вас со своей кузиной.

36. Аудиенция

Я знала, что рано или поздно эта встреча должна была состояться, и всё равно оказалась к ней не готова. Женщина, что стояла сейчас у порога, была бледной тенью моей сестры. Да, Бланш всегда была стройна и изящна, но сейчас эта худоба казалась болезненной, а сероватый оттенок кожи и отсутствие румянца на щеках лишь довершали это впечатление.

Никто из гостей не спешил ее поприветствовать, да она, казалось, и не нуждалась в этом. Она скользнула взглядом по толпе и, судя по всему, не заметила хозяйку, потому что было слышно, как она бросила слуге: «Передайте ее светлости, что я буду ждать ее в малой гостиной».

И прежде, чем Джемма успела подвести меня к Бланш, та вышла из зала. Герцогиня заметно смутилась:

— Простите, дорогая Летисия, Бланш Сурель немного диковата. С некоторых пор она чурается общества. Но я уверена, что она будет рада с вами познакомиться, — Джемма попыталась улыбнуться, но в голосе ее было слышно сомнение.

— Не стоит торопиться, ваша светлость! — сказала я. — Если ваша кухня так нелюдима, то, наверно, будет лучше, если вы представите нас друг другу в более приватной обстановке.

Герцогиня с радостью ухватила за это:

— Да-да, вы правы! Я буду счастлива видеть вас у себя еще раз!

Она, извинившись, отправилась поговорить с сестрой, а я, меж тем, огляделась. Среди гостей было немало знакомых лиц, но поскольку я была знакома с ними, будучи Алессандрой, а не княгиней Алонсо, я вынуждена была делать вид, что вижу их впервые. Впрочем, один из знакомых мне мужчин всё-таки решился меня поприветствовать.

— Не имел чести быть вам представленным, ваша светлость, — склонился передо мной седоусый мужчина, — но счел возможным пренебречь условностями — тем более, что некоторым образом, пусть и косвенно, мы всё-таки знакомы.

Это был владелец банка «Националь» маркиз Рошен, и я улыbnулась ему весьма тепло.

— О, да, я помню это, ваша светлость! Надеюсь, вы не в обиде на меня за то, что особняк на площади Доблести достался мне?

Он энергично замотал головой:

— Что вы! Любой мужчина был бы счастлив уступить такой сопернице!

— Рада это слышать, ваша светлость! В Лиме у меня еще так мало знакомых и совсем нет друзей, что обзаводиться здесь врагами было бы непозволительной роскошью.

Маркиз рассыпался в комплиментах, прервать которые его вынудило только возвращение хозяйки, которая объявила поэтический вечер открытым. Мы все расположились в удобных, хоть и не новых креслах, и выступления начались.

Я не знала никого из поэтов, которые были приглашены прочесть свои стихи, но слушать их было приятно. Я отметила, что Бланш всё-таки осталась до конца вечера (она всегда любила поэзию!), но сидела она чуть в стороне от основных гостей и покинула залу сразу же, как только раздались аплодисменты после завершающего выступления.

Я вернулась домой со смешанными чувствами и отчего-то не рассказала Лео и Велии о том, что встретила сестру.

Весь следующий день я провела, настраиваясь на встречу с Этьеном, а перед сном приняла несколько капель тетушкиного сонного отвара — чтобы хорошенько выспаться и не выглядеть уставшей.

А утром иллюзию на меня накладывала Велия — собственную магию я заблокировала на время. Этьен был сильным магом, и мне совсем не хотелось, чтобы он уловил мой след.

Для посещения дворца я выбрала платье весьма простого покроя и предпочла обойтись почти без украшений — их заменила мне роскошная вышивка на корсете, по которой были щедро разбросаны мелкие изумруды.

— Не забудь попросить его о маленьком пузырьке магической воды, — напомнила Велия, провожая меня до кареты.

Как я могла об этом забыть? Это было самое важное из того, что я должна была сделать в Лиме. Вот только я пока была не уверена, захочет ли его величество поддержать разговор, касающийся

матримониальных планов — слишком мало времени прошло с тех пор, как Энрика де Крелон попыталась его обмануть.

Я прибыла несколько ранее назначенного времени и вынуждена была провести не меньше четверти часа в большой гостиной, где находились и другие посетители. Было странно, что они толпились в душевной комнате в такой чудесный теплый день — вряд ли все они ожидали аудиенции у короля, скорее собрались лишь для того, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение в тот момент, когда он, закончив прием, выйдет из своего кабинета. Это тоже было новым и странным — прежде Этьен не любил такого проявления верноподданических чувств.

Собравшиеся смотрели на меня с большим любопытством — кто, не стесняясь, а кто — украдкой. Я услышала, как одна дама сказала другой, что осыпать платье таким количеством самоцветов — моветон, и что она сама ни за что не стала бы так делать. Я усмехнулась. Ну, еще бы — откуда бы она взяла столько изумрудов?

За две минуты до нужного времени секретарь его величества подошел ко мне и, поклонившись, предложил следовать за ним.

Я переступила порог кабинета, в котором когда-то бывала так часто, без робости и даже с каким-то азартом. Я давно ждала этого разговора и настроилась на него самым решительным образом. Теперь у меня было преимущество перед Этьеном — я знала о нём так много, а он обо мне не знал ничего.

Секретарь назвал мои титул и имя и вышел из кабинета, плотно закрыв за собой двери.

Этьен, приветствуя меня, привстал из-за массивного стола, за которым сидел. Он указал мне на красивое кресло, что стояло напротив, и я опустилась в него, испытывая одновременно торжество и удивление.

Я уже видела Этьена два дня назад и уже успела отметить, что внешне он изменился не в лучшую сторону. И всё-таки сейчас, вблизи, он показался мне еще старше. Если бы я не знала его подлинный возраст, то дала бы ему лет на десять больше. Нет, он по-прежнему выглядел подлинным аристократом, и его военная выправка и хорошие манеры никуда не делись. Но что-то неуловимо изменилось, и дело было не только в морщинках и в тонком шраме у правого уха, что я разглядела только сейчас. Нет, другим был даже его взгляд.

Впрочем, я удержала себя от дальнейших размышлений на эту тему. Его величество смотрел на меня выжидательно, и я, улыбнувшись, вручила ему верительную грамоту, переданную мне королем Родриго.

— Рад, что вы прибыли в Линарию, ваша светлость! — Этьен улыбнулся в ответ. — Это свидетельствует о том, что отношения между нашими странами восстанавливаются.

— Именно так, ваше величество, — кивнула я. — Наш король Родриго Пятнадцатый относится к вам с большим уважением, и его желание укрепить мир между нашими странами ничуть не уступает вашему.

Переходить к сути вопроса было еще слишком рано, и мы с большой настойчивостью обсудили красоты Лимы и прелести линарийской погоды. Наконец, его величество сделал первый шаг.

— Означает ли наличие верительной грамоты, что его величество Родриго Пятнадцатый изволил передать с вами что-то, что не посчитал возможным доверить письму? — его взгляд остановился на моем лице.

— Да, ваше величество, — подтвердила я. — Мне поручено сообщить вам, что его величество полагает, что прочнее всяких прочих нитей две страны может связать союз двух венценосных сердец, — я дала ему минуту, чтобы осознать всё сказанное мной, и продолжила. — Со своей стороны могу добавить, что принцесса Кьяра — подлинный бриллиант в короне Антарии.

Я проговорила всё это и с трудом сдержала вздох облегчения. Я выполнила поручение короля и была теперь свободна от обязательств. Если Этьен решит принять это предложение, то в дело вступят совсем другие люди, и именно они будут оговаривать условия предстоящего брака.

Я была вполне довольна тем, как держалась во время этой встречи — доброжелательно и при этом официально. Я пыталась сосватать бывшего мужа с другой женщиной, и мое сердце даже не трепыхнулось. А то небольшое волнение, что у меня всё-таки было, я связывала исключительно с боязнью быть разоблаченной. Я подумала, что, кажется, уже не способна любить. И подумала об этом не с грустью, а с удовлетворением. В моей жизни был сейчас только один мужчина — мой маленький Андрэ.

— О, ваша светлость, — Этьен так и не отвёл от меня свой изучающий взгляд, — если все женщины Антарии столь же красивы, как вы, то я буду счастлив познакомиться с принцессой Кьярой.

37. Разговор с маркизой

Этот комплимент оказался настолько неожиданным, что даже самой себе я не смогла бы ответить, какие чувства он у меня вызвал. Я знала, что красива, и не стеснялась лишней раз об этом услышать, но в данном случае Этьен отметил не мою красоту.

Конечно, я понимала, что за прошедшие годы у него наверняка было немало женщин, которых он приближал к себе и, возможно, даже любил, но признавать это в теории было легко, а ощутить на практике — гораздо труднее. Сейчас его привлекла совсем чужая женщина, иностранка, которую он видел впервые и которую вот так вот, походя, пытался очаровать.

Я предпочла сделать вид, что не заметила комплимента, сосредоточившись на второй части этой фразы.

— Значит ли это, ваше величество, что я могу написать своему королю, что его предложение вас заинтересовало?

Он усмехнулся:

— Вы выбрали не самое удачное время, ваша светлость, чтобы об этом заговорить. Если не ошибаюсь, вы присутствовали на недавней церемонии у источника, а если так, то должны понять мое состояние. Несколько дней назад я полагал, что на древе Эллинаров появилась еще одна ветвь.

В его словах звучала горечь.

— О, ваше величество, — осторожно сказала я, — но если вы так обеспокоены продолжением рода, то в ваших интересах как можно скорее заключить брачный союз. Ребенок, рожденный в браке, будет принят вашими подданными с куда большей приязнью. К тому же, жена из королевского рода позволит вам обрести надежного союзника в лице страны, которая за ней стоит.

Мне нелегко дались эти слова — несмотря на то, что прошло уже семь лет, слишком памятливы были воспоминания. Я попала в королевский дворец почти случайно — девочка слишком низкого происхождения для того, чтобы быть королевой. Дворянка, оказавшаяся в резиденции Эллинаров, из которой ее выкинули на улицу, как только она надоела. Поступить так с принцессой Кьярой у

них не получится. Я до сих пор не знала, кем, помимо короля, были эти таинственные «они», но еще надеялась в этом разобраться.

— Ваши слова вполне справедливы, сударыня, — едва заметно улыбнулся Этьен, — и я обещаю над ними подумать. Но пока мне не хотелось бы делать никаких официальных заявлений.

Я поняла, что разговор окончен, и поднялась, поблагодарив его величество за уделенное время.

— Рад нашему знакомству, ваша светлость! — Этьен тоже встал. — Надеюсь, вы задержитесь в Лиме, и у нас еще будет возможность поговорить на более приятные темы. На следующей неделе во дворце состоится бал, и я буду счастлив вас на нём видеть.

Я сделала реверанс и вышла из кабинета, ругая себя за то, что так и не смогла заговорить о воде из магического источника. Но стоило признать, что повода к такому повороту разговора Этьен мне не дал — он не отверг предложение короля Родриго, но и не пришел от него в восторг, чтобы пожелать хоть как-то вознаградить передавшую его посланницу.

Вернувшись домой, я коротко изложила содержание нашего разговора в письме к королю Антарии. Наверняка тот посчитает нужным отправить в Лиму своего представителя с более широкими полномочиями, и мне уже не придется более обсуждать эту тему с Этьеном.

Но, как ни странно, к обсуждению матримониальных планов его величества мне пришлось вернуться в тот же день — не успела я отправить письмо с нарочным в Антарию, как мне доложили о визите маркизы де Преваль. Она приехала без предупреждения, что считалось моветоном, и я догадалась, что это как-то связано с моим разговором с Этьеном.

Так оно и оказалось.

— Простите, дорогая Летисия, что поступаю против всяких приличий, но мне необходимо с вами поговорить!

На маркизе было строгое платье, которое ей весьма шло, а из драгоценностей — только серьги, правда, с весьма крупными бриллиантами.

Мы расположились в гостиной, и я велела дворецкому принести чай и пирожные.

— Могу ли я быть с вами откровенной, ваша светлость? — спросила Делфина, когда слуги, оставив подносы на столе, вышли из комнаты. — Мы знакомы с вами совсем недолго, но я уже чувствую к вам расположение и приязнь. Надеюсь, мы с вами сможем доверять друг другу.

— Что вы хотели бы обсудить, ваша светлость? — уточнила я. — Мне очень лестно ваше доверие и смею вас уверить, что я не имею обыкновения разглашать чьи бы то ни было секреты.

Она с удовольствием сделала глоток чая из маленькой чашки и не удержалась от похвалы:

— Восхитительный вкус!

Некоторое время мы помолчали — я не хотела первой начинать разговор, давая возможность маркизе объяснить причину своего визита.

— Я слышала, сегодня вы были на аудиенции у его величества, — наконец, начала она.

Она посмотрела на меня вопросительно, и я кивнула. Это была та информация, которую не имело смысла скрывать — десятки людей видели меня сегодня во дворце.

— Я понимаю, что не имею никакого права интересоваться содержанием вашей беседы с королем, но, видите ли, я уже имею о ней некоторое представление. Да-да, к сожалению или к счастью, даже у стен есть уши. Наверно, вас удивляет мой интерес к этой теме, и я готова его объяснить, — она сделала паузу, давая мне возможность задать вопросы, но я промолчала. — Я — патриот своей страны, ваша светлость, как бы высокопарно это ни звучало. И смею вас уверить, я сделала для Линарии больше, чем большинство из тех придворных, что приближены к его величеству.

Я поняла, что она говорит о тех годах, которые она и ее муж провели на дипломатической службе.

— Эллинары нуждаются в наследнике, и для всех будет лучше, если он будет получен не от какой-нибудь очередной Энрики де Крелон, а от законной супруги. Еще лучше, если эта супруга подарит Линарии не только принца, но и новые земли, и поддержку своей родины.

Собственно, она говорила именно то, что я сама сказала Этьену, и тем не менее, я не торопилась с этим соглашаться.

— Давайте будем откровенны, ваша светлость! — снова предложила маркиза. — Линарии нужен союз с Антарией, и полагаю, вы не будете с этим спорить. Но его величество — не из тех людей, которые руководствуются исключительно здравым смыслом. Он, скорее, полагается на чувства.

А вот здесь я уже не смогла промолчать:

— Вы думаете, ваша светлость, что его величество способен отказаться от выгодной партии по каким-то своим причинам?

Маркиза подтвердила:

— Именно так, Летисия! Но если он упустит этот шанс, то проиграет не только сам — проиграет вся Линария. И наша задача — этого не допустить. О, я понимаю, что вас удивляют мои слова. Конечно, кто я такая, чтобы давать советы королю? Но я говорю не только о себе, но и о людях, которые облечены некоторой властью. Может быть, вы не знаете, ваша светлость, но одну такую выгодную партию его величество однажды уже отверг, и мне бы не хотелось, чтобы это повторилось снова. Да-да, я говорю о почти заключенном союзе с принцессой Нурландии, который наш король отверг столь спешно, что это вызвало много разговоров. Впрочем, это была темная история.

— Он расторг помолвку просто так, без видимых причин? — я посчитала, что в данном случае мой интерес вполне оправдан.

— О, — маркиза смутилась, — причины были — и весьма весомые.

38. Прошлое

— Вот как? — я постаралась произнести это так небрежно, как только смогла. — Я слышала, у его величества и принцессы оказалась полная магическая несовместимость.

Маркиза чуть помедлила с ответом, но всё-таки сказала совсем не то, что я хотела услышать:

— Скорее, это был благовидный предлог, который позволил расторгнуть помолвку, не бросая тень ни на одну из сторон. Но не буду вводить вас в заблуждение — я сама мало что знаю. Я только слышала, что разговоры о желательном браке с нурландской принцессой велись еще тогда, когда была жива королева Алессандра. Кажется, его величество был намерен развестись с одной женой, чтобы тут же жениться на другой. А гибель ее величества просто избавила его от неприятной процедуры развода. Но, право же, стоит ли теперь об этом говорить? Теперь наша задача — сделать так, чтобы новая помолвка привела, наконец, к свадьбе. Надеюсь, принцесса Кьяра достаточно красива, чтобы понравиться его величеству?

Вместо ответа я поманила маркизу в соседнюю комнату — там, в кресле у окна стоял портрет ее высочества. Я привезла его в Лиму, но не решилась взять его во дворец на аудиенцию, не зная, как отнесется Этьен к этому предложению.

Принцесса была изображена с розой в руках, и сама напоминала яркий южный цветок. И она была так очаровательно юна, что я вздохнула не без сожаления.

— Ну, что же, — после тщательного изучения портрета признала маркиза, — ее высочество весьма хороша. С этой стороны у его величества не должно быть возражений. А если мы все сумеем убедить его в несомненных политических преимуществах этого брака, то, возможно, он примет именно то решение, которое пойдет на пользу Линарии.

Мы вернулись в гостиную, и я спросила:

— Вы говорили, Делфина, о людях, облеченных властью. Могу я полюбопытствовать, о ком конкретно идет речь?

И снова она ответила не сразу:

— Его величество мало к кому прислушивается во дворце, предпочитая иметь обо всём собственное суждение. И тем не менее, среди придворных есть те, чьи советы он, по крайней мере, не отбрасывает сразу. Задай вы мне этот вопрос неделю назад, первым среди них я назвала бы герцога де Крелона. Правда, его на свою сторону мы вряд ли смогли бы привлечь — в этом вопросе у него был свой интерес. Но более, надеюсь, ни сам герцог, ни его дочь уже не появятся при дворе. Так что давайте перейдем ко второму по значимости вельможе Линарии — министру иностранных дел герцогу де Жервезу. В отличие от Крелона, он — человек чести и в первую очередь думает не о собственных интересах, а об интересах Линарии, как бы высокопарно это ни звучало.

Я знавала некоего герцога де Жервеза, но тот был уже в то время в весьма почтенных летах и вряд ли мог возглавлять хоть какое-то министерство.

— Он стар или молод? — уточнила я.

— Довольно молод, — маркиза рассмеялась и погрозила мне пальцем. — Титул герцога он получил пять лет назад после кончины своего отца. До этого он политикой не интересовался, предпочитая ей военную службу. Он — герой войны, и я, признаться, была уверена, что он не придется ко двору — он слишком честен и принципиален, чтобы лавировать между разными партиями. Но, как ни странно, он оказался хорошим дипломатом. Конечно, его нельзя назвать другом короля, каким в свое время был герцог де Ламар, но его величество весьма к нему благоволит.

— Герцог де Ламар? — переспросила я. — Муж Джеммы? Мне не показалось, что он близок ко двору.

Из этого разговора я намерена была вынести хоть что-то полезное, и на этот раз Делфина оказалась более откровенной.

— Да, они были дружны с юных лет. Как говорят — не разлей вода. Не случайно его светлость женился на кузине королевы Алессандры. Но сейчас, вы правы, герцог почти не бывает при дворе — после гибели ее величества де Ламары попали в опалу. В то время меня не было в Лиме, но я доподлинно знаю, что они пытались заменить одну сестру на троне на другую.

Должно быть, у меня вытянулось лицо, потому что маркиза, довольная произведенным эффектом, закивала:

— Да-да, Летисия! Ее светлость так боялась потерять свое положение при дворе, что допустила ужасную ошибку. Но подробностей я, к сожалению, не знаю. Впрочем, мы несколько отвлеклись от темы, — она снова потянулась за пирожным. — Еще один человек, который пользуется определенным влиянием при дворе — граф де Эрсан, министр морских и сухопутных сил. Насколько я понимаю, с ним вы уже знакомы. Конечно, пока это знакомство, наверно, нельзя назвать приятным, но, несмотря на все свои недостатки, граф может быть нам полезен. Думаю, вы согласитесь со мной, когда узнаете его получше.

Делфина уехала, пообещав на завтрашний вечер договориться о встрече с Жервезом или Эрсаном. Мне же нужно было привести в порядок и мысли, и чувства, но сделать это мне не удалось — молоденькая горничная после робкого стука заглянула в гостиную.

— Ваша светлость, простите, но вас просят подняться в комнату вашего сына!

Я вздрогнула — этим утром Андрэ, вроде бы, чувствовал себя чуть лучше, чем накануне, и я надеялась, что приступы отступят.

— Ему стало хуже? — это я спросила уже на бегу.

— Да, ваша светлость. Ваша тетя уже послала за доктором.

Когда я ворвалась в его спальню, мой малыш задыхался от кашля. Я обхватила его худенькое изможденное тело, пытаюсь приласкать, согреть, защитить.

Лео принесла кружку с отваром из трав, и Андрэ, сделав несколько глотков, задышал чуть свободнее. Но мы обе знали, что это — лишь временная передышка.

— Мамочка, ты обещала купить мне пони, — сын попытался улыбнуться, а я отвернулась, чтобы он не видел моих слёз.

— Конечно, родной! И пони, и собаку — кого захочешь — как только мы вернемся в Анжерон.

Эту ночь я провела у него в кровати. Андрэ спал беспокойно, но хотя бы без кашля. Он был настолько слаб, что почти не вставал с постели.

Утром меня сменила Лаура де Робер.

— Вам нужно поесть и хоть немного отдохнуть, ваша светлость. Вы можете не волноваться — я не отойду от него ни на шаг. Я

принесла книгу о приключениях славного рыцаря Роланда — мы с его светлостью отлично проведем время.

Она села на кровати рядом с Андрэ, и уже через минуту они оба полностью погрузились в очередную историю о подвиге рыцаря.

А я, подремав еще часик уже у себя в спальне, а потом наскоро позавтракав, велела завернуть портрет принцессы Кьяры в шелковую ткань и отнести его в карету. Я была намерена отправиться во дворец и вручить этот подарок королю — путь даже и мне и не была назначена аудиенция.

Я должна была добыть магическую воду как можно скорее — пока не стало слишком поздно.

39. Флакон магической воды

Судя по всему, те часы, когда Этьен принимал посетителей, а гости дожидались его выхода в большой гостиной, еще не наступили, потому что секретарь его величества, к которому я обратилась с просьбой о срочной аудиенции, посмотрел на меня с удивлением.

— Да, его величество у себя в кабинете, — сообщил он, — но, боюсь, ваша светлость, что он не сможет вас принять. По утрам его величество работает с приватной корреспонденцией, читать которую не разрешено даже мне.

— Это дело огромной государственной важности, сударь! — я посмотрела на него с надеждой. — Прошу вас, просто доложите его величеству о моем визите, и если он откажется меня принять, то я тотчас же уеду.

Не знаю, почему, но я была почти уверена, что он меня примет. Наверно, это было слишком самоуверенно с моей стороны, но я настаивала до тех пор, пока секретарь не сдался и не отправился в кабинет с докладом. Он вернулся через пару минут и распахнул дверь:

— Прошу вас, ваша светлость!

Картина была небольшой по размеру, и я внесла ее в кабинет сама. На сей раз при моем появлении Этьен не просто поднялся из-за стола, но и, жестом велел секретарю удалиться, двинулся мне навстречу.

Он сам помог мне поставить подарок на стоявший у стола стул и поцеловал мне руку.

— Счастлив видеть вас, ваша светлость! И, признаться, заинтригован.

Он улыбался, и мне пришлось улыбнуться в ответ.

— Мне показалось, что вы, ваше величество, вчера выразили желание увидеть принцессу Кьяру, и я не могла не выполнить его.

Я развязала бант, высвободила картину из шелковой упаковки и поставила ее так, чтобы на нее падал льющийся из окна солнечный свет.

Этьен рассматривал портрет возможной невесты долго и молча. Наконец, признал:

— Ее высочество очень красива.

Но сказал он это безо всякого волнения, словно речь шла о чём-то банальном и несущественном.

— Благодарю вас, ваша светлость, за этот подарок. Надеюсь, привезти его во дворец было не слишком затруднительным? Чем я могу отблагодарить вас за такое участие в моей судьбе?

Он говорил с изрядной иронией, но я сразу же ухватилась за его слова.

— Ваше величество, не сочтите за дерзость, но могу ли я попросить вас хотя бы о нескольких каплях воды из магического источника Эллинаров? Я и прежде слышала, что она способна творить настоящие чудеса, а во время недавнего события я имела возможность в этом убедиться. Простите, что обременяю вас своими проблемами, но перемена климата не пошла мне на пользу, и в Линарии я чувствую себя не совсем хорошо. Быть может, глоток вашей волшебной воды пойдет мне на пользу? — я боялась, что он откажет, и потому тараторила, не давая ему вставить ни слова. — Если моя просьба нарушает какие-то законы вашей страны, то прошу меня извинить.

Но, кажется, он не был ни возмущен, ни удивлен — напротив, в его взгляде я увидела нечто похожее на гордость.

— Нет-нет, ваша светлость, — он по-прежнему улыбался, — в вашей просьбе нет ничего дерзкого. Вы — не первая чужестранка, кто желает на себе испробовать магию нашего источника. Но, боюсь, вынужден вас разочаровать. Этот источник — средоточие магической силы всей Линарии, но я никогда не слышала ни о каких лечебных свойствах его воды. Вернее, не так — эта вода вполне способна оказывать воздействие, но исключительно на тех, в ком течет кровь Эллинаров.

Всё это я знала и сама и теперь отчаянно пыталась придумать, как, не сказав ему правды, сумею настоять на своем.

А он, должно быть, заметив отчаяние на моем лице, торопливо добавил:

— Но не думайте, ваша светлость, что я не исполню вашу просьбу! Извольте! Мы можем прямо сейчас спуститься в сад и прогуляться до источника.

Я едва могла поверить в то, что услышала, и ужасно боялась, что секретарь или кто-то из придворных отвлечет Этьена, и он отложит эту прогулку на потом, а потом передумает и...

Но нет — мы беспрепятственно вышли из кабинета и, миновав анфиладу бесчисленных комнат, спустились по лестнице на первый этаж. Слуги распахивали перед нами двери, стоило нам только приблизиться к ним. Один из лакеев по требованию Этьена принес на подносе небольшой стеклянный пузырек.

Мы вышли в сад и вот тут-то как раз случилась встреча, которую я совсем не ожидала — на ступенях крыльца нам попался не кто иной, как герцог де Крелон! Он поклоном поприветствовал его величество, а Этьен, казалось, ничуть не удивился. Когда мы прошли мимо, я обернулась — герцог, как ни в чём не бывало, прошествовал внутрь дворца.

— Должно быть, вы удивлены, ваша светлость, — мы переходили по высокому мостику через ручей, Этьен подал мне руку, и мне пришлось вложить в нее свою ладонь. — Я знаю, многие ждали, что я отправлю Крелона в отставку и даже в ссылку, но да — я разрешил ему остаться.

Это решение действительно показалось мне странным, но вслух я сказала другое:

— Вы вольны делать то, что пожелаете, ваше величество.

Он не обязан был мне ничего объяснять, но всё-таки сказал:

— Много лет назад его светлость спас мне жизнь. Я тогда был совсем еще маленьким, и отец впервые взял меня на охоту. Мы охотились в горах, когда начался камнепад. Это было ужасно — казалось, камни летели прямо с неба. Несколько сопровождавших меня людей погибли. Отец упал и потерял сознание. А герцог закрыл меня собой — так нас и нашли спустя пару часов под завалом камней. Его светлость тогда серьезно пострадал — может быть, вы замечали, что он до сих хромает.

Он прежде не рассказывал мне об этом случае, и я отчего-то почувствовала обиду — сколько же секретов было у него от меня. А он словно прочел мои мысли.

— Я не люблю об этом вспоминать. Но это не значит, что я забыл о том, что его светлость ради меня рисковал своей жизнью. А я не люблю быть должником, сударыня. Так что да, я позволил Крелону не уезжать из Лимы — его дочь совершила ошибку, но было бы слишком жестоко заставлять платить за это еще и ее старого отца.

Я не могла удержаться и не спросить его, что стало с тем малышом, которого Энрика пыталась выдать за своего.

— О нём позаботились, ваша светлость — вернули родной матери с выплатой компенсации из казны за причиненное беспокойство.

Мы уже миновали значительную часть сада, и вдалеке, за цветущими розовыми кустами уже был виден источник.

— Простите, ваша светлость, но дальше вам нельзя. Прошу вас, подождите меня здесь.

Я остановилась. Поблизости никого не было, но я знала, что это место охраняется как никакое другое в Линарии.

Этьен вернулся спустя несколько минут, держа в руках наполненный водой пузырек. Я схватила склянку так, словно это была величайшая драгоценность.

— Не забудьте, ваша светлость, что я вас жду на балу, — и он снова коснулся губами моей руки.

Я едва помнила, как добралась до дома. Взбежала по лестнице, ворвалась в комнату сына. Лео и Велия как раз были там.

— Милочка, у вас получилось! — просияла мадемуазель де Шатильон.

Лео забрала у меня пузырек, поднесла к бледным губам Андрэ. Он сделал один глоток, другой, третий. А потом зашелся в очередном приступе кашля.

У меня хватило сил, чтобы выйти из комнаты, прежде чем я сползла по стене прямо на пол. Зажала рот рукой, чтобы сын не услышал мои рыдания.

Вода ему не помогла!

40. Граф д'Эрсан

Андрэ по-прежнему лежал в постели, и у меня не было желания наносить визиты, но маркиза прислала записку, что граф д'Эрсан будет у нее в половине пятого вечера, и она надеется, что тоже прибуду к этому времени или даже чуть раньше.

— Поезжай, дорогая! — сказала Велия. — Наш мальчик только-только выпил отвар и, может быть, проспит до утра.

И я, скрепя сердце, поехала. Граф интересовал меня куда больше, чем кто-либо другой из придворных Этьена — я надеялась, что именно он откроет мне хотя бы некоторые тайны прошлого.

Я приехала к маркизе к четырем, и Делфина похвалила меня за это.

— Я ждала, что вы приедете до того, как прибудет граф. Я хотела рассказать вам, что коротко изложила его сиятельству ту ситуацию, которую мы будем сегодня обсуждать. О, видели бы вы, как заблестели его глаза! Он станет нашим союзником, не сомневайтесь!

Она говорила весьма уверенно, а вот я пока не готова была эту уверенность разделить.

— Но зачем ему это, ваша светлость? Он — значимая персона при дворе, в его руках сосредоточена большая власть.

Маркиза пояснила:

— О, Летисия, он прекрасно понимает, что его позиции сильны до тех пор, пока трон под его величеством не шатается. А он уже шатается, потому что у Этьена (надеюсь, вы не осудите меня за то, что я говорю о короле столь запросто?) нет надежного тыла. Ему давно пора было обзавестись наследником, а он за семь лет не продвинулся на этом пути ни на шаг. Если с его величеством что-то случится, и на престол взойдет новый король, то первое, что он сделает — это отправит в отставку всех министров. Ну, может быть, оставит только тех, кто вовремя переметнется на его сторону. Эрсан — слишком опытный политик, чтобы этого не понимать.

— Но в данном случае ничего не меняется, — возразила я. — Его величество всего лишь женится на иностранной принцессе.

— Ах, ваша светлость! — воскликнула Делфина. — Давайте не будем лукавить! Король Антарии не просто так решил зарыть топор вражды между нашими странами и отдать Этьену свою внучку. Да, принцесса еще слишком юна, чтобы принимать реальное участие в управлении Линарией, но я уверена, что дед отправит с ней в Лиму кучу советников. Возможно, какие-то условия будут оговорены даже в брачном договоре. Ваш король Родриго — хитрый старый лис, и он своего не упустит. Словом, не сомневайтесь — Эрсан, как и я сама, предпочтет быть в сторонников новой королевы и ее деда, а не в числе их врагов.

Граф оказался точен как сигезийские часы. Он вошел в гостиную ровно в пять, поцеловал руку хозяйке, потом склонился передо мной.

— Ваша светлость, я рад возможности быть, наконец, представленным вам. О вас говорят по всей Лиме, и мне было искренне жаль, что мы до сих пор не знакомы.

Я обмахнулась веером и покачала головой:

— Разве вы не помните, ваше сиятельство, что мы уже имели удовольствие познакомиться друг с другом, пусть и косвенно?

На его щеках запылал румянец.

— Нет-нет, ваша светлость, не напоминайте мне об этом! Тогда я вел себя как невоспитанный осел, и право же, мне неловко даже думать об этом. К своему оправданию могу сказать лишь, что меня вывело из себя несправедливое обвинение, брошенное мне мадемуазель де Робер, и я был взбешен настолько, что перестал контролировать себя. Я предпочел бы начать наше с вами общение с чистого листа.

Сейчас он смотрел на меня взглядом преданной собаки, но я ничуть не заблуждалась на его счет.

— Ну, что же, давайте начнем всё заново, — улыбнулась я, и он тут же припал губами к моей руке, задержав ее в своей ладони чуть дольше, нежели требовалось правилами этикета. — Хотя ваши слова о том, что в гневе вы не способны себя контролировать, меня настораживают.

Он покраснел еще больше.

— О, ваша светлость, вы неправильно меня поняли! Вы вполне можете положиться на мою сдержанность. Я крайне редко выхожу из себя, а иначе, согласитесь, я не смог бы быть военным министром.

Маркиза рассмеялась и поддержала его, а заодно и перешла к вопросу, ради которого мы у нее собрались.

— Надеюсь, вы понимаете, ваше сиятельство, что ваше умение держать язык за зубами послужит, прежде всего, вашим интересам? Мы с княгиней не состоим на государственной службе и можем позволить себе выражать свое отношение к различным событиям открыто. А ее светлость — и вовсе иностранка, и никто не ждет, что она будет предана интересам Линарии. Вот вы — другое дело. Любое ваше неосторожное слово может быть истолковано вашими врагами превратно. А врагов у вас немало, не так ли?

Он с жаром подтвердил, что всё прекрасно понимает, и готов поклясться, что будет нем как рыба во всём, что касается наших с ним частных разговоров.

— Насколько я понял, ваша светлость, речь идет о возможном браке между нашим королем и принцессой Антарии? — спросил он, глядя мне прямо в глаза.

Он был уже не молод, но и не стар, то есть, пребывал в том возрасте, который как раз и подходил для активного участия в дворцовых интригах.

— Да, вы правильно поняли, — подтвердила я. — Но брак этот пока — явление предполагаемое. Его величество еще не сказал ни «да», ни «нет».

— Именно поэтому, ваше сиятельство, — вмешалась маркиза, — мы и взываем к вашему разуму. Не станете же вы спорить, что союз с Антарией соответствует интересам Линарии как никакой другой?

— Ну, что вы! — воскликнул он. — Как можно с этим спорить? И я надеюсь, что его величество тоже прекрасно это понимает.

— Возможно, — кивнула я. — Но это отнюдь не значит, что он это предложение примет. У него могут быть десятки причин от него отказаться.

— И если он сделает это, — подхватила маркиза, — то Линария в лице Родриго Пятнадцатого обретет не друга, а врага. А наша задача — этого не допустить. Вы, ваше сиятельство, один из немногих людей, к чьим словам его величество может прислушаться.

Граф расцвел от такого признания его влияния на короля и на сей раз посмотрел на меня украдкой — словно хотел убедиться, что я тоже слышала это.

— Не сомневайтесь, сударыни, я приложу все усилия, чтобы убедить его величество принять верное решение.

Он ждал от меня одобрения, и я охотно откликнулась:

— Благодарю вас, сударь! Но поскольку у каждого из нас в этом вопросе так или иначе есть свой интерес, то мне хотелось бы сразу узнать о вашем. Да-да, я понимаю, вы — патриот своей страны и всегда готовы послужить ее интересам, но я с куда большим доверием отношусь к людям, которые, помимо благородных побуждений, имеют еще и те, которые идут на пользу лично им. И раз уж мы говорим с вами откровенно, то мне хотелось бы знать, что вы сами хотите получить в том случае, если этот брак будет заключен?

Он помедлил с ответом, но всё-таки сказал:

— Я хотел бы получить должность первого министра. Возможно, я получу ее куда раньше, чем его величество женится (позиции де Крелона сейчас шатки как никогда), но в таком случае я хотел бы быть уверенным, что принцесса Кьяра или ее дед не станут настаивать на моей отставке.

Маркиза удивилась:

— Я всегда полагала, что должность первого министра слишком хлопотна. Быть военным министром куда проще и выгодней, разве нет? Мой покойный супруг говорил, что на поставках в армию можно недурно пожить.

Щеки графа стали совсем пунцовыми. Право же, он краснел как мальчишка!

— Не понимаю, о чём вы говорите, сударыня! — обиженно ответил он. — От себя же могу сказать, что должность министра морских и сухопутных войск требует, чтобы я эти войска регулярно объезжал, а я уже не в том возрасте, чтобы колесить по всей Линарии. К тому же, как вы справедливо заметили, у меня есть враги, а противостоять им куда удобнее, если ты выше их по положению.

Обстановка накалилась, и я поспешила вмешаться:

— Прошу вас, ваше сиятельство, не волнуйтесь! Маркиза совсем не хотела вас обидеть. Мы, женщины, слишком плохо разбираемся в политике, чтобы делать верные суждения. От себя же могу заметить, что Родриго Пятнадцатый умеет быть благодарным. Но вы же понимаете — я слишком плохо знаю вас, чтобы абсолютно вам

доверять. И если вы решите рассказать о нашем разговоре его величеству, то это может сильно осложнить наши переговоры.

Он протестующе взмахнул рукой:

— Я же дал вам слово, ваша светлость!

Маркиза хмыкнула, выражая свое отношение и к слову мужчины вообще, и к слову графа в частности.

Он разгорячился еще больше:

— Какие гарантии вам нужны, ваша светлость?

Он сам свернул на нужную дорожку, и мне оставалось только немного его подтолкнуть.

— Если не ошибаюсь, ваше сиятельство, семь лет назад вы возглавляли тайную королевскую службу? Простите, если я неверно ее назвала.

— Да, ваша светлость, это так, — теперь он смотрел на меня с удивлением.

— Тогда скажите — правда ли, что королеву Алессандру обвиняли в государственной измене? Думаю, вы понимаете, что всё, что связано с Этьеном Третьим, интересует Антарию. Наш король собирается отдать вашему королю свою внучку, и мы хотели бы быть уверенными, что она не повторит печальную судьбу первой супруги его величества.

Удивление в его глазах сменилось растерянностью. Быть может, я зря задала ему этот вопрос, но от кого еще я могла узнать правду, если не от него? Правду, которую мог знать только он и Этьен.

Наконец, он признал:

— Да, это так. Но принцессе Кьяре не о чем беспокоиться. Прежняя королева допустила ошибку, но даже несмотря на это, дело так и не было доведено до суда — его величество не захотел, чтобы этот скандал стал достоянием общественности.

Он произнес это с некоторым волнением, но никакого страха ни в его взгляде, ни в его голосе не было. Похоже, он был уверен в правоте своих действий в то время.

— Возможно, вы правы, — задумчиво сказала я, — но хотелось бы в этом убедиться. Если королева была обвинена несправедливо и это было сделано с ведома его величества, то, согласитесь, это характеризует его не с самой лучшей стороны.

— Ничего подобного, ваша светлость! — он вскочил с места и принялся мерить комнату шагами. — Я лично курировал это дело, и, хотя оно и велось в режиме особой секретности, могу вас заверить, что все необходимые нормы были соблюдены. Если бы я мог, я показал бы вам все бумаги, что относились к расследованию, и вы согласились бы со мной.

— Так покажите! — я адресовала ему милую улыбку, стараясь унять ту бурю, что бушевала в душе. — Уверена, достать старое дело, которое сейчас уже никого не интересует, для человека вашего положения не составит никакого труда. А для нас это станет гарантией вашей надежности.

Он надолго задумался, но в итоге кивнул:

— Я постараюсь это сделать, ваша светлость. Хотя, как я уже сказал, в том деле нет ничего интересного. Но я понимаю — вам нужны доказательства моей преданности. Что же, извольте.

Маркиза не предложила ему остаться на ужин, и он скоро откланялся.

— Ну, что же, если он тайно принесет нам секретное досье на покойную королеву, он будет в наших руках. Это был очень умный ход с вашей стороны, Летисия, — похвалила меня Делфина, приступая к ароматному консоме из утки. — Хотя повернуть то же самое с Жервезом, боюсь, будет сложно — он слишком честен, чтобы его можно было заставить сделать что-то подобное. Да и о должности первого министра он вряд ли мечтает.

Мы обе рассмеялись. Ее слова о де Жервезе я пропустила мимо ушей — герцог пока интересовал меня лишь постольку, поскольку он прикрывал мой интерес к Эрсану, который в противном случае мог показаться чрезмерным.

На протяжении всего ужина Делфина шутила и пересказывала мне свежие светские сплетни, но кто мог знать, что творилось в ее очаровательной головке на самом деле? Впрочем, мне хотелось бы думать, что даже если у нее и возникнут какие-то подозрения на мой счет, то она не сумеет использовать это против меня. Теперь, когда стало ясно, что вода Эллинаров не помогла Анлрэ, я намерена была вернуться в Анжерон как можно скорее. Король Родриго уже известил меня, что в ближайшие дни в Лиму прибудет человек, который будет

вести дальнейшие переговоры с Этьеном, и мне нужно было только его дождаться.

А еще я хотела получить в свои руки бумаги, что были способны пролить свет на то, что случилось семь лет назад. И хотя я понимала, что всё, что шло вразрез с позицией обвинения, могло быть вовсе не отражено в документах, я хотела знать, на основании чьих слов или действий меня обвинили в предательстве. Я хотела знать своих врагов в лицо.

41. День рождения Джеммы

Следующий день был днем рождения Джеммы. Я долго думала, стоит ли мне появляться в ее доме именно в этот день, но решила, что стоит. В качестве подарка я выбрала усеянную изумрудами брошь, в центре которой был самоцвет такой величины, что никого не смог бы оставить равнодушным.

Я появилась в доме де Ламаров уже вечером, но не обнаружила там пышного торжества. Да, в зале, где был накрыт стол, сидели несколько гостей, но судя по отношению к ним хозяйки, их статус в обществе оставлял желать лучшего. Поэтому, как только Джемма увидела меня, она забыла про них и устремилась мне навстречу.

— О, ваша светлость! Какой приятный сюрприз! Ваш приезд для меня — самый ценный подарок! — она едва не плакала от умиления.

И окончательно расплакалась, когда я вручила ей изумрудную брошь.

— Но это слишком дорогой подарок! Такого изумруда, наверно, нет и у самого короля.

Она была уже изрядно пьяна и болтала без умолку. Я предложила прогуляться по саду, и она тут же взяла меня под руку.

— Ах, ваша светлость, знали бы вы, какие приемы бывали у нас в доме прежде! Здесь было не протолкнуться от очень важных гостей. Все — от короля до самого затрапезного министра — стремились засвидетельствовать нам свое почтение. Имя де Ламаров гремело по всей Линарии. А нынче что? Даже мой супруг не посчитал нужным остаться в Лиме, чтобы меня поздравить. Представляете, Летисия, он уехал на охоту! Я знаю — он ненавидит меня!

— Что вы такое говорите, Джемма? — запротестовала я. — Уверена, вы ошибаетесь. Наверняка, у него были причины уехать именно сейчас. Быть может, он не любит светских приемов и предпочтет поздравить вас чуть позже, без толпы гостей.

Она громко и горько рассмеялась.

— Нет, Летисия, напротив, он всегда любил такие приемы и именно поэтому не может привыкнуть к тому, что сейчас они куда

менее значимы, чем прежде. Король к нам уже не благоволит, и все придворные лизоблюды прекрасно это знают.

— Но отчего его величество так переменялся к вам? — я постаралась изобразить нужную степень удивления. — И если он был женат на вашей кузине, то разве не должен был хотя бы в память о ней оставить вас в числе своих друзей?

Мы сели на скамейку рядом с роскошными рододендронами, возле которых горели магические фонари. В саду уже сгустились сумерки, и лицо кузины менялось с каждой секундой — в зависимости от того, как падал на него свет.

— Это была очень странная история, Летисия, и я до сих пор не знаю, что же тогда случилось. Они были прекрасной парой — Этьен и Сандра. — и я уверена, что если бы не отсутствие детей, то они бы жили вместе долго и счастливо. Но король не может пренебрегать интересами страны даже ради самой любимой женщины.

Мне странно было слышать всё это — она говорила обо мне и не знала об этом. Может быть, если бы она была трезва, то ни за что не затронула бы эту тему. А может быть, ей просто давно уже хотелось выговориться.

— Тогда во дворце ходили слухи о возможном разводе короля, но Сандра была слишком беспечна, чтобы их услышать. Она сама всегда относилась к людям хорошо и ждала того же в ответ. Наивная девочка, так и не сумевшая повзреть.

— Но вы-то наивны не были! — воскликнула я. — Разве вы не могли ее предупредить?

Джемма шмыгнула носом:

— Всё это было ожидаемо, но вместе с тем так неожиданно! Его величество был в отъезде и вдруг прислал письмо, в котором сообщалось, что их брак расторгнут. Вы понимаете, Летисия, что я почувствовала в тот момент?

Она говорила исключительно о своих чувствах, а отнюдь не о моих. Я снова, как и много лет назад, почувствовала горькое разочарование.

— Я никогда не заблуждалась относительно собственного брака. Мой муж женился на мне исключительно потому, что я была кузиной королевы — он полагал, что заключил блестящий союз. Ах, как же он ошибся! Я знала, что развод Сандры всё разрушит! Так оно и

случилось. Но я еще надеялась, что даже после расторжения брака Этьен будет поддерживать свою бывшую жену, и это даст удержать и нам на плаву.

Я едва нашла в себе силы, чтобы задать следующий вопрос:

— Вы однажды сказали, что поставили тогда не на ту лошадь. Вы говорили о принцессе Нурландии?

Джемма покачала головой:

— Как раз нет! Брак с иностранной принцессой сразу отдалил бы Этьена от нас. А мне хотелось, чтобы он по-прежнему оставался нашим родственником. И я подумала — а почему бы не устроить всё так, чтобы он женился на Бланш? Он испытывал чувство вины перед нашей семьей, и это можно было использовать! У Сандры и Бланш была похожая магия, а это означало, что и у младшей сестры будет хорошая совместимость с его величеством. Мой муж тогда был лучшим другом короля, и он мог незаметно подтолкнуть того к мысли о браке с Бланш. Кто же мог знать, что Сандра всё испортит? И что ей вздумалось прыгнуть в реку с моста?

Она сказала это и тут же испуганно прикрыла рот рукой.

— Ох, нет, Летисия, об этом нельзя говорить! Но я вам доверяю.

— А что же сама Бланш? — я почувствовала, что мой голос задрожал, и закашлялась. — Ее чувства вы принимали в расчет?

— Конечно! — Джемма ничуть не смутилась. — Я знала, что она влюбилась в его величество примерно тогда же, когда и сама Сандра. Он приехал к нам в Сурель под чужим именем. Я видела, как Бланш смотрела на него! Только глупышка Сандра могла этого не заметить!

Хотя мы находились на свежем воздухе, мне стало трудно дышать. Поэтому я почти обрадовалась, когда Джемму позвал мажордом — прибыл новый гость, и ей следовало принять поздравление. Она звала с собой и меня, но в таком состоянии я не решилась вернуться в полную света залу и предпочла отправиться домой.

42. Дело королевы

Граф привез мне в нескольких местах опечатанную сургучными печатями папку с бумагами через два дня.

— Извольте, ваша светлость! Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы в дальнейшем вы уже не сомневались в моей преданности. Вы же понимаете, как я рисковал, изымая эти документы.

Я была уверена, что лично он ничем не рисковал — сейчас за сохранность документов секретной службы отвечали совсем другие люди, которых он обманул или подкупил, и которые, даже если пропажа будет обнаружена, вряд ли осмелятся выдать его самого.

Но, разумеется, я не сказала этого вслух. Напротив, рассыпалась в благодарностях и пообещала рассказать о его усердии самому королю Родриго.

Думаю, он не отказался бы, пригласи я его на обед, но мне так не терпелось раскрыть принесенную папку, что я с трудом выдержала десятиминутную беседу. И стоило ему откланяться, бросилась в свою спальню, велев горничной не беспокоить меня до ужина.

Мои руки дрожали, когда я ломала печати. Судя по всему, этим делом давно уже никто не интересовался, и хотя граф или тот, кто передавал ему эту папку смахнул с нее пыль, в некоторых местах пыль всё-таки осталась.

На форзаце размашистым почерком была сделана надпись: «Чрезвычайно секретно». Страницы некоторых документов пожелтели, а чернила на них выцвели, но всё-таки значительную часть изложенного возможность прочитать была. Мне стоило большого труда не заглянуть сразу на последний лист.

Нет, следовало начать с самого начала.

Первым в череде тщательно прошитых документов шло донесение начальника дворцовой стражи о том, что в ночь со второго на третье число месяца гнездования обходивший территорию королевской резиденции дозор заметил в саду в непосредственной близости от магического источника женщину в темном плаще. Приказ остановиться она не выполнила, а бросилась ко входу во дворец, которым пользовались обычно слуги. Стражники последовали за ней,

но ей удалось скрыться, поскольку бежать напрямую они не могли из-за расставленных в саду магических ловушек, которые на незнакомку отчего-то не реагировали.

Об этом донесении я уже знала со слов шевалье де Ламажа, поэтому я не стала перечитывать его. Да, несомненно, какая-то женщина в саду была — заставить говорить неправду сразу нескольких человек из дворцовой стражи (а на эту службу мог попасть отнюдь не каждый!) не удалось бы никому.

Когда Эрсан заявил, что при проведении следствия соблюдались все необходимые нормы, он недалеко отошел от истины. Так, сразу после донесения шел протокол допроса каждого из стражников, дежуривших во дворце в ту ночь. И все они перед допросом давали клятву правды. Они дружно заявили, что разглядеть лицо женщины не смогли — на него был опущен капюшон, да и расстояние, с которого они видели незнакомку, было слишком велико. Женщина была среднего роста и явно молода — потому что двигалась легко и грациозно.

На нескольких следующих страницах придворные королевские маги описывали свои действия в ту ночь и на следующее утро. Они были вызваны в сад начальником стражи, и поскольку это было сразу же после бегства женщины, след ее магии еще удалось уловить. Все пятеро магов подтвердили, что это был след королевы.

Насколько тщательно они сличали эти следы, понять было невозможно — при всей нашей магической схожести с Бланш различия в нашей энергии всё-таки имелись, и если бы маги были чуть внимательнее, они бы не смогли этого не заметить. Но, судя по всему, они ориентировались, прежде всего, на то, что магические ловушки в саду не сработали, а это значило, что к источнику смогли бы приблизиться только два человека — я и Этьен.

В моем присутствии Бланш никогда не выходила в ту часть сада, которую могли посещать только члены королевской семьи, поэтому я не знала, отреагировали бы на нее ловушки или нет. Система безопасности в саду была очень эффективной и тщательно продуманной — ловушки были сделаны усилиями пяти самых умелых магов Линарии, и ни один из них единолично не смог бы их испортить — поскольку каждый вплетал в них что-то своё. А вот ослабить их

действие смог бы даже один из пятерых. Быть может, как раз этого оказалось достаточно, чтобы ловушки не различили меня и Бланш.

От многочисленных предположений, которые я мысленно обсуждала сама с собой, у меня разболелась голова. И всё-таки я попыталась сосредоточиться. Если то, что я подумала, верно, значит, в заговоре должен был участвовать как минимум один из пяти магов. Я взялась за перо и выписала на листок все пять фамилий.

Именно в объяснительных магов впервые мелькнула информация о найденном в саду пузырьке с ядом. Принадлежность склянки к лавке моей тете Леони не вызывала сомнений. А вот происхождение самого яда, похоже, никого не заинтересовало. Никого, кроме шеваляе де Ламажа. Но упоминания о его сомнениях я в документах не нашла.

Я вспомнила шеваляе, и глаза сразу же затуманились слезами. Если бы он был рядом сейчас, мне было бы проще во всём разобраться.

Из-за слёз я уже почти не видела строк, а одна из слезинок, упав на бумагу, размыла чернила, превратив несколько слов в синее пятно.

Я встала с кровати, прошла по комнате. За окном было уже темно, и только многочисленные светлячки словно драгоценные камни сияли в саду. Пяти минут мне хватило, чтобы немного прийти в себя, и я вернулась к документам.

На следующей листке я обнаружила выписку из первого тома Свода законов Линарии, в первой статье которого говорилось, что средоточием магической мощи страны является королевский источник, а любая попытка осквернить его определяется как государственная измена.

Да, это я знала и сама, но неужели на основании таких скромных и неоднозначных доказательств можно было обвинить в столь страшном преступлении саму королеву? Даже если они посчитали, что у меня была возможность это сделать, то должны были бы, по крайней мере, приписать мне какой-то убедительный мотив.

Впрочем, оказалось достаточно перевернуть еще одну страницу, чтобы этот мотив обнаружить.

Я вздрогнула, прочитав имя герцогини де Ламар. Джемма! Они допрашивали Джемму! Я посмотрела на дату, обозначенную в протоколе допроса. Четвертый день месяца гнездования!

Письмо от Этьена о расторжении нашего брака я получила только десятого! Почти неделю после допроса кузина вела себя, как ни в чём не бывало, не посчитав нужным сообщить мне о том, что тайная канцелярия искала доказательства моей мнимой вины! Я попыталась вспомнить, видела ли я Джемму в те дни во дворце, разговаривала ли с ней, но не смогла.

Ее спросили, говорила ли когда-либо ей королева о своем беспокойстве по поводу отсутствия у нее детей, и Джемма ответила — да, говорила. Впрочем, тут она не солгала — мы с ней неоднократно обсуждали эту тему. Далее последовал вопрос, могла ли решиться королева на не вполне законные действия, чтобы не допустить развода с мужем. И снова Джемма ответила утвердительно.

Вопросы задавали в определенной, очень грамотной последовательности, и кузина всё больше и больше запутывалась в этой паутине. Знает ли она о том, что ее родная тетя Леони де Сурель умеет готовить отвары из трав, в том числе ядовитых. Да, она слышала об этом, но она никогда не общалась с тетей и всегда предостерегала от этого ее величество. Да, королева Алессандра весьма интересовалась магическим источником и однажды даже упомянула о каком-то случае из истории прошлых веков, когда в фонтан в королевском саду был брошен яд, что весьма печально сказалось на здоровье многих членов королевской семьи.

Я снова погрузилась в воспоминания. Став королевой, я действительно очень с большим усердием принялась за изучение истории Линарии и часто обсуждала прочитанное в старых книгах и с Джеммой, и со своими фрейлинами.

Я страшилась обнаружить среди документов протокол допроса Бланш, но его там не оказалось. То ли никому в голову не пришло, что моя сестра могла быть в этом замешана. То ли, напротив, кто-то слишком хорошо знал об ее участии в этом деле и не стал привлекать к ней внимание.

Далее шел протокол допроса одной из моих камеристок, которая сообщила, что видела, как я прятала в секретере своего кабинета письма, полученные мною из Сигезии. А в следующем документе посол Сигезии в Линарии подтвердил, что знал о тайной переписке королевы Алессандры с королевским двором его страны.

Одним из последних документов в деле был протокол заседания Высшего совета магов Линарии, на котором после изучения всех включенных в дело документов было принято единогласное решение о признании королевы Алессандры виновной в попытке осквернения королевского источника. Согласно Своду законов именно этот орган рассматривал все дела магического характера. Оспорить решение Высшего совета магов безосновательно не мог даже сам король.

Причиной моих действий они посчитали желание не допустить развода. Они признали, что, возможно, я и не желала смерти супругу, а лишь хотела пошатнуть его здоровье и стать регентшей при недееспособном Этьене. Впрочем, вариант моего сговора с сигезийцами и полученного мною обещания брака с младшим сыном тамошнего короля, который в таком случае мог бы претендовать на престол Линарии, они тоже признавали допустимым.

Далее шло обращение главного мага Линарии маркиза Дюбуа к его величеству, в котором он приводил цитату из Свода законов, где за страшное преступление, виновной в котором признали королеву, предусматривалось только одно наказание — смертная казнь через использование магических кристаллов. Маркиз Дюбуа как полномочный глава Совета требовал, чтобы Этьен отправил свою жену на эшафот!

На последнем подшитом листе шла запись о том, что дело закрыто в связи с гибелью королевы Алессандры. Всем причастным к расследованию лицам надлежало забыть о том, что содержалось в этих документах.

43. Прогулка

Утром я встала с постели невыспавшейся и голодной. Трудно было ожидать чего-то иного после вчерашнего вечернего чтения. К тому же, я отказалась от ужина и не попросила горничную принести хотя бы чашку теплого молока с печеньем. Я не хотела, чтобы кто-то видел мои покрасневшие от слёз глаза.

Поэтому моя ранняя вылазка на кухню никого из прислуги не удивила. Кухарка Лисбетта — дородная и крайне опрятная дама — налила мне в кружку золотистого куриного бульона и быстро разогрела на плите кусок сырного пирога.

— Простите, ваша светлость, завтрак еще не готов.

Я поблагодарила ее за заботу — я вполне наелась, — и отправилась в комнату Андрэ. Я всё еще не решила, что делать дальше — вода из источника моему маленькому принцу не помогла, но быть может, более полезной окажется прогулка по королевскому саду? Конечно, в ту часть сада, где расположен фонтан, нас не пустят, но почему бы не пройти по тропинкам, где могут гулять все, кто входит во дворец?

Я осторожно приоткрыла дверь, боясь разбудить сына, если он еще спит, и вздрогнула, обнаружив его кровать пустой.

— Его светлость проснулся рано и захотел спуститься в сад, ваша светлость! — торопливо доложила горничная.

— Он что же, пошел туда один?

— Никак нет, ваша светлость! Он с бароном Робером — его милость вышел прогуляться еще раньше, и ваш сын увидел его из окна.

Я тоже вышла в сад. Погода стояла чудесная, и повсюду было такое буйство красок, что я невольно улыбнулась. А как пели птицы по утрам!

И барона, и Андрэ я нашла на излюбленном месте его милости — у маленького фонтана. Барон сидел в своем кресле, а мой сын расположился на скамеечке рядом с ним. Оба были так поглощены беседой, что заметили меня только тогда, когда я кашлянула.

— Надеюсь, Андрэ вам не помешал?

— Что вы, ваша светлость! — рассмеялся Робер. — Присутствие вашего сына чрезвычайно бодрит! Старики должны общаться с молодежью. Вы не поверите, сударыня, но сегодня я чувствую себя просто превосходно!

— Господин барон рассказывал мне о дальних странах! — в глазах Андрэ сиял восторг. — Ты знала, что там водятся удивительные звери — львы, крокодилы, слоны? И там живут люди тёмные как сама ночь. Его милость так много путешествовал!

Судя по всему, моему сыну этим утром тоже было лучше, чем обычно, и я немного приободрилась.

— Да, — мечтательно улыбнулся барон, — мне довелось побывать во многих странах. И в Сигезии, и в Нурландии, и даже в Каристане. Прежде я был весьма близок ко двору отца нашего нынешнего короля и часто сопровождал его в поездках.

Было видно, что ему приятно об этом вспоминать.

— Что же заставило вас отдалиться от двора? — спросила я.

Его лицо чуть омрачилось, и он взмахнул рукой:

— О, ваша светлость, это — долгая и совсем не интересная история.

Я уже жалела, что спросила его об этом.

— Мапочка, ты обещала, что однажды возьмешь меня на прогулку по Лиме! — напомнил Андрэ. — Почему бы нам не отправиться прямо сейчас?

Он еще не видел города, в котором мы оказались. Он вообще ничего не видел в Лиме, кроме гостиничных апартаментов, одного проспекта, по которому мы проезжали, и площади Доблести, на которую выходили окна нашего особняка.

Конечно, прогулка по столице Линарии не могла сравниться с диковинками Каристана и других восточных стран, но я не сомневалась, что она порадует Андрэ. И я кивнула.

— Непременно зайдите в булочную мадам Донелли на Набережной в районе Торговой площади, — посоветовал барон. — Там подают самые восхитительные в Линарии пирожные с ореховым кремом. Поверьте — вы никогда не ели ничего вкуснее.

Мой принц захлопал в ладоши и побежал в дом, чтобы сменить фланелевую рубашку и штанишки на более подходящую для прогулки одежду.

Когда я тоже переоделась и вышла в холл, где меня дожидался сын, там были и Лео, и Велия. Они уже знали о предстоящей прогулке и радовались вместе с нами.

— Непременно покажи ему парусники! — потребовала тетушка.

— И бульвар Рыцарей! — добавила мадемуазель де Шатильон. — Он — мальчик, ему там понравится.

Собственно, с бульвара мы и начали — доехали до него в экипаже, а потом пошли пешком, останавливаясь у статуи каждого рыцаря. Здесь были отлитые в бронзе и меди герои Линарии прошлых веков, о которых Андрэ знал из книг. Особенно его впечатлила статуя короля Эрлана — его величество сидел на статном жеребце и держал в руках меч и щит с родовым гербом Эллинаров.

Я боялась, что пешая прогулка сильно утомит сына, но ничуть — он сам тянул меня вперед и вперед, восхищаясь устремленными в небо шпилями церквей, начищенными до блеска витринами магазинов и фигурами львов у парадных подъездов зданий.

Набережная же и вовсе его поразила. Он, подбежав к парапету, как замороженный смотрел на стоявшие на рейде корабли. Здесь были и огромный барк, и бриги, и бригантины, и маленькие йолы и шлюпы. Их белоснежные паруса почти соприкасались с облаками.

— Мамочка, как ты думаешь, кто из них сможет доплыть до Каристана? — воскликнул Андрэ и указал на барк. — Вон тот, трехмачтовый, наверно сможет!

Ответить я не успела, потому что раньше меня это сделал другой человек.

— Непременно, сможет! — без тени сомнения заявил Этьен, выглянул из остановившегося в двух шагах от нас экипажа.

Карета была добротной, но отнюдь не роскошной и безо всяких вензелей на дверцах и лакеев в ливреях на запятках. Похоже, его величество не бросил свою привычку разгуливать по столице инкогнито.

Но знал бы он, в какой трепет меня привел! Нет, мое сердце дрогнуло не потому, что я увидела некогда любимого мужчину — я просто панически боялась их встречи с Андрэ.

— Доброе утро, сударыня! — Этьен выскочил на мостовую. Он был одет элегантно, но безо всяких изысков. — Вы не представите мне своего спутника?

Я смутилась еще больше. Нет, сама я была с надетой иллюзией — в Лиме я никуда не выходила без нее. Но Андрэ! Мне всегда казалось, что он похож на отца — те же темные глаза и тот же нос. И даже ямочки на щеках, когда он улыбался. Пока они находились порознь друг от друга, это сходство было не так заметно, но сейчас, когда они стояли рядом!

От волнения я не сразу выполнила просьбу Этьена. И когда заговорила, мой голос дрогнул:

— Ваше величество, это мой сын Андрэ!

Малыш смотрел на Этьена во все глаза. Ну, еще бы — встретить на улице самого короля! Когда же он справился с волнением, то вернулся к прежней теме.

— Это же ваш корабль, ваше величество? На нём ваш штандарт.

Несмотря на то, что ему еще не было и семи лет, он уже отлично разбирался в геральдике.

— Вы очень наблюдательны, ваша светлость! — похвалил его Этьен. — Если захотите, я могу показать вам его изнутри. Мы можем даже выйти в море.

Только воспитание не позволило моему малышу выразить весь свой восторг, и он лишь важно кивнул.

— О, ваше величество, мне бы очень этого хотелось!

Он никогда не путешествовал по морю. Впрочем, как и я сама.

— Нет, дорогой, — я покачала головой, — мы не имеем права обременять его величество подобными просьбами — у него много важных государственных дел. Простите, ваше величество, мы и без того отняли у вас столько времени. Да нам и самим уже пора домой.

Может быть, это было и невежливо, но каждая минута этого разговора сводила меня с ума. И я надеялась, что сыну хватит выдержки мне не возразить. Но ошиблась.

— Мамочка, но как же ореховые пирожные в булочной на Торговой площади? — губы Андрэ задрожали. — Его милость говорил, что их непременно нужно попробовать!

Я собиралась сказать, что за пирожными мы отправим кого-нибудь из наших слуг, но Этьен опять ответил раньше.

— Наверно, речь идет о булочной сеньоры Донелли? — догадался он. — Если так, то вас не обманули! А какие миндальные торты она

печет! А паштель-де-ната! Пальчики оближете!

Сын посмотрел на меня с такой надеждой, что я уже не могла ему отказать.

— Вот и отлично! — обрадовался Этьен. — Если не возражаете, я позавтракаю вместе с вами.

И сам распахнул перед нами дверцу своего экипажа.

44. Сладости

Барон нас не обманул — как только мы вошли в булочную мадам Донелли, я почувствовала себя ребенком. Внутри было светло и уютно. Казалось, что и столики, покрытые кремового цвета скатертями, и чайные сервизы, и цветы в вазах были сделаны из сахара, пастилы и сладкой мастики. Чего уж говорить про витрины?

Андрэ стоял перед расставленными на стеклянных полочках тортами, пирожными и конфетами, и глаза его были широко распахнуты.

Торговый день на площади еще только начинался, и в булочной было совсем мало народа. Я боялась, что Этьен привлечет к себе внимание, но нет — должно быть, никто и подумать не мог, что король может вот так, запросто, прийти в самую обычную кондитерскую.

Румяная женщина в белоснежном кружевом чепце и таком же переднике посмотрела на нас с улыбкой.

— Чего изволят господа?

Мы всё еще рассматривали витрину, не решаясь сделать выбор, и хозяйка стала предлагать сама:

— Может быть, попробуете эти поцелуйчики из взбитого с сахаром белка? Вам достаточно положить их в рот, и они рассыплются у вас на языке.

Она явно приняла нас за семейную пару. Я же, услышав одно только название пирожного, смутилась и покраснела.

— А может быть, десерт из жареных орехов с сахаром и фруктами? Или парфе из замороженных сливок с ванилью? Или мильфёй с клубникой — в нём целых тысяча слоёв тончайшего теста! Птифуры с десятком разных начинок! А вот нежнейшее бланманже! И крохотные канеле с карамельной корочкой! Или вишневое мороженое с теплым шоколадным соусом?

От одних только описаний я сглотнула слюну. А в глазах Андрэ появилось что-то похожее на панику — он явно хотел попробовать всё, но понимал, что не сможет этого сделать.

— Подайте нам парфе, три кусочка разных тортов на ваше усмотрение и, разумеется, мороженое, — сказал Этьен, догадавшись,

что мы с сыном так и не сможем сделать выбор. — А всё остальное, что вы перечислили, упакуйте нам с собой.

— Будет сделано в самом лучшем виде, сеньор! — просияла мадам Донелли.

Мы сели за столик на выходявшей на набережную террасе. Я чувствовала себя неловко и потому предпочитала молчать. А еще я ужасно боялась, что Этьен спросит что-то у Андрэ о его отце. И я впервые радовалась тому, что у сына еще не проснулась магия — а иначе, кто знает, вдруг Этьен сумел бы ее почувствовать.

Но мужчины беседовали на совершенно нейтральные темы — о кораблях и заморских странах, — и мое беспокойство отступило.

Я заметила во взгляде его величества, когда он смотрел на Андрэ, затаенную тоску — должно быть, в обществе маленького мальчика он особенно сожалел об отсутствии своих детей.

Я на мгновение представила себе, что было бы, если бы семь лет назад не случилось того письма о разводе и моего бегства. Наверно, мы бы часто вот так, втроем, гуляли по улицам Лимы, наслаждаясь свежим морским воздухом и посиделками в таких вот милых кафе. И выходили бы в море под парусом, чтобы полюбоваться закатом и дельфинами.

Я сглотнула подступивший к горлу комок и отругала себя за подобные мысли. Какой смысл теперь сожалеть о том, что уже недостижимо? И внимательность Этьена к моему сыну можно было трактовать совсем по-другому — всего лишь как способ войти в доверие к женщине, которая ему понравилась.

От одного этого предположения я сразу замкнулась в себе. Почти все десерты были съедены, и нам надлежало вернуться домой.

— Благодарю вас, ваше величество, за то, что уделили нам так много времени, — я постаралась, чтобы мой голос звучал и не слишком тепло, и не слишком холодно. — Но, право же, не стоило так баловать Андрэ.

Сын посмотрел на меня с укоризной, но я проигнорировала этот взгляд.

— О, это мне стоит благодарить вас, ваша светлость! — ответил Этьен. — Я давно уже не чувствовал себя таким счастливым. Если позволите, я отвезу вас домой.

Но я покачала головой:

— Не нужно, ваше величество. Наш экипаж ехал следом за нами.

Я позволила ему поцеловать себе руку и улыбнулась так, как улыбнулась бы любому знакомому мужчине — достаточно нейтрально, чтобы не возбудить никаких особых надежд.

Мы сели в свой экипаж, куда помощница мадам Донелли загрузила и огромную коробку со сладостями. Его величество стоял на тротуаре до тех пор, пока лошади не тронулись, и только тогда пошел к своей карете.

— Не правда ли, мамочка, его величество очень мил? — восторженно спросил Андрэ, повернув ко мне свою сияющую мордашку.

Я кивнула, но предпочла промолчать.

До площади Доблести мы добрались за несколько минут. Лакей помог нам выбраться из экипажа и забрал коробку, которую сын велел нести напрямиком в столовую.

— Можно, мамочка, я позову на чай не только тетю Леони и тетю Велию, но и его милость, и мадемуазель Лауру? Уверен, они не пробовали и половину из того, что мы привезли!

Я взяла с него слово, что сам он воздержится от сладкого до самого вечер, и он, довольный, помчался в сторону флигеля.

— Вас ожидают, ваша светлость! — сообщил мне мажордом. — Его сиятельство граф Варгас сообщил, что прибыл из самого Анжерона, и я взял на себя смелость позволить ему подождать вас в библиотеке.

Главный маг Антарии! Значит, вот кого король Родриго прислал на переговоры с Этьеном!

Я почувствовала и страх, и любопытство, а потому не стала переодеваться, а отправилась напрямиком в библиотеку.

Старый маг сидел в кресле с толстой книгой. Одной рукой он держал лорнет, а указательным пальцем другой водил по строчкам. При моем появлении он поднялся, и на его тонких бледных губах, едва различимых в белой бороде, появилась улыбка.

— Рад снова встретиться с вами, ваша светлость, — он отложил книгу и двинулся мне навстречу.

— А я очень рада, что в Линарию прибыли именно вы! — я сказала это вполне искренне. — Надеюсь, вы ждали меня не слишком долго?

— О, нет! — заверил меня он. — И в вашем доме отличная библиотека.

Мы сели в кресла у камина друг против друга. Я спросила, как прошло его путешествие и удобно ли он разместился в Лиме. Он коротко рассказал.

Все предписанные этикетом церемонии были выполнены, и можно было перейти к сути нашего разговора.

— Я прибыл в Лиму не один, ваша светлость, — сообщил граф, — а вместе с герцогом Гальярдо — именно он будет оговаривать условия будущего брака. Моя же задача — убедиться в магической совместимости его величества и ее высочества. Поскольку принцесса не может прибыть в Линарию, прежде чем договоренности будут достигнуты, эту совместимость мы проверим с помощью специального кристалла, который уже побывал в руках ее высочества, а сейчас до него должен будет дотронуться король Этьен.

Говоря всё это, он смотрел на меня так внимательно, что я смутилась.

— Вы ждете от меня какого-то отклика, ваше сиятельство?

Он знал мою тайну, и в его присутствии я сейчас почувствовала себя не вполне комфортно.

— А как вы сами думаете, ваша светлость? — прищурился он.

Я постаралась собраться с мыслями.

— Я не знаю, ваше сиятельство, раскрыли ли вы королю Родриго мой секрет. Мне показалось, что нет, и я вам искренне признательна за это. Если вы хотите спросить, не намерена ли я помешать браку Этьена и принцессы Кьяры, то мой ответ будет отрицательным. Я не собираюсь называть свое настоящее имя ни сейчас, ни когда-либо в будущем, так что вы можете не беспокоиться относительно той миссии, что возложена на вас вашим королем.

Он слушал меня очень внимательно, и когда я замолчала, то не сразу заговорил сам.

— Вы правы, ваша светлость, я не рассказал его величеству, кто вы на самом деле. Должно быть, вас это удивило — ведь я состою на королевской службе, а значит, должен отстаивать интересы Антарии. Поэтому позвольте объяснить мотивы моего молчания. Да, раскрой я эту тайну, многое бы переменилось. Но я слишком хорошо знаю, как большая политика влияет на жизнь самых простых людей. Я люблю

своего короля, но я отнюдь не заблуждаюсь относительно его характера. Он пойдет на что угодно ради достижения своей цели. Узнай он, что маленький Андрэ — сын короля Линарии, кто знает, как бы он поступил? Быть может, алчность победила бы в нём благородство и доброту? Если бы ваш сын пострадал из-за моей болтливости, я никогда не простил бы себе этого. К тому же, я полагаю, что порой самые вроде бы незначительные события меняют ход истории целой страны. Кому, как не вам, ваша светлость, знать, что много веков назад убийство маленького принца привело к тому, что Линария лишилась магии почти на пятьсот лет. И я не хотел бы, чтобы что-нибудь подобное случилось с Антарией.

Мне захотелось броситься перед ним на колени, но он, поняв это, взмахом руки остановил мой порыв.

— Душа принцессы Кьяры чиста как слеза ребенка, и мне не хотелось бы, чтобы семейная жизнь ее высочества начиналась с чьей-то пролитой крови. К тому же, ваша светлость, я верю в судьбу, а значит, несмотря на наши желания и поступки, всё случится именно так, как должно случиться.

Мне показалось, что в эти слова он вложил какой-то свой, тайный смысл, и когда граф ушел, я еще долго размышляла об этом.

45. Еще один бал

Для бала в королевском дворце я выбрала бриллиантовый гарнитур — он превосходно сочетался с моим нежно-голубым шелковым платьем. Пока горничная трудилась над моей прической, завивая локоны горячими щипцами, сидевшая неподалеку с книгой в руках Лео буравила меня взглядом.

— Тетушка, мне казалось, ты собиралась читать? — хмыкнула я.

Она ничего не ответила, но всё-таки посмотрела на книгу.

— Если ты хочешь что-то мне сказать, то говори! — рассердилась я. — И нет, предвосхищая твои вопросы, я стараюсь вовсе не для него. Мне нет до него никакого дела.

Я не назвала его по имени, но знала, что Лео поймет, о ком идет речь. Она дождалась, пока горничная закончит и выйдет из моего будуара, и только потом откликнулась:

— Если тебе хочется завести с ним интрижку, то — пожалуйста! Но не вздумай признаваться, кто ты есть на самом деле. Не забывай, что речь идет не только о твоей жизни, но еще и о жизни Андрэ. Там, при дворе, собрались одни стервятники, и если вы вздумаете сунуться туда, они разорвут вас на части. И заметь — в твоём сыне до сих пор не проснулась магия, хотя обычно это происходит гораздо раньше. Может быть, это означает, что он не хочет быть Эллинаром и неосознанно отвергает всё то, что с ними связано.

В ее словах была здравая мысль, но из упрямства я возразила:

— Между прочим, в нём не проснулась и магия Сурелей. Да-да, не морщись! И перестань попрекать меня Этьеном — между прочим, я собираюсь женить его на настоящей принцессе. По-моему, это как раз показывает, что я к нему равнодушна.

Тетушка отложила книгу, снова долго смотрела на меня, а потом изрекла:

— Тебе нужен мужчина, Лесси! И в этом нет ничего дурного. Посмотри на свою подружку Делфину — я уверена, что она не проводит ночи в одиночестве, и я ее ничуть за это не осуждаю.

Я почувствовала, что краснею, и рассердилась еще больше.

— Перестань говорить глупости! Что-то сама ты не часто применяла эти советы на практике — ты прекрасно обходилась без мужчин.

Она хохотнула, но (ну, надо же!) тоже покраснела. А я впервые подумала, что многого еще о ней не знаю.

Я пообещала себе, что во дворце буду равнодушна ко всему, что бы там ни происходило, но стоило мне ступить на лестницу, по которой десять лет назад я, будучи дебютанткой, поднималась с такими надеждами и сомнениями, как сердце дрогнуло. От этих воспоминаний было трудно отмахнуться.

Конечно, ковер на ступенях был уже другой, но такой же мягкий и ворсистый. И повсюду сияли магические кристаллы. И народу в бальной зале было столько, что было трудно дышать.

Но на сей раз гости смотрели на меня уже совсем по-другому. Да и сама была уже другой. Я уже не была наивной провинциалкой. Одни мои бриллиантовые серьги стоили столько, сколько все драгоценности на половине здешних дам. Теперь я уже безошибочно различала подделки в ушах и на шеях некоторых гостей — обманывались ли они сами или пытались обмануть других, я не знала.

Я шла с высоко поднятой головой и со всех сторон слышала заискивающие приветствия. У меня был громкий титул, богатство, и я была антарийкой, что в свете грядущего брака его величества добавляло мне веса в обществе.

И граф д'Эрсан, и маркиз Рошен, и еще много других кавалеров устремились ко мне, соревнуясь в витиеватости комплиментов. Я улыбалась и шутила в ответ.

Но вот церемониймейстер стукнул жезлом о пол, призывая собравшихся к молчанию, и улыбка сбежала с моих губ.

Тогда, десять лет назад, я услышала это впервые.

— Его величество Этьен Третий — король Линарии и сопряженных земель!

Я будто вернулась в прошлое.

Заиграла музыка, и гости отступили к стенам, высвобождая центр залы. Всё было как тогда. Только теперь я уже не боялась танцевать. И я была уверена, что Этьен пригласит меня — не на этот танец, так на следующий.

Маркиз Рошен ангажировал меня на первый танец, и он же, стоя рядом, услужливо сообщил, что король этот танец подарит какой-то герцогине, имени которой я не расслышала из-за шума, у которой в этот день были именины. Так оно и случилось, и Этьен вышел на паркет с уже немолодой, но грациозной дамой в платье цвета нежной сирени.

Во время этого танца не требовалось обмениваться партнерами, и мы с маркизом провели его в весьма приятной беседе на финансовые темы.

А вот второй танец Этьен отдал мне. Но на сей раз, в отличие от бала десятилетней давности, этот его поступок никого не удивил.

— Простите, ваша светлость, я хотел открыть этот бал именно с вами, но вы же понимаете — даже король не всегда волен в своих поступках, — сказал он мне во время одной из фигур.

О, я понимала это как никто другой. Имела возможность убедиться в этом на практике.

Но в ответ лишь мило улыбнулась и сообщила, что от того, что он удостоил меня не первого танца, удовольствие танцевать с ним не стало меньше.

Мне даже самой понравилось, как спокойно я это сказала. Он ждал от меня именно этих слов, и я его не разочаровала. Конечно, Лео не поверит мне, когда я скажу, что мое сердце при этом отнюдь не затрепетало.

Хотя я не могла не заметить, что Этьен явно уделял мне больше внимания, чем следовало. Его взгляды, голос, прикосновения рук — всё было ровно таким, как тогда. Вот только я уже не была Алессандрой!

И оттого, что он дарил эти знаки внимания не мне самой, а женщине, которую он знал всего несколько недель, пробудило во мне что-то похожее на ненависть. Как он мог смотреть на княгиню Алонсо так же, как когда-то смотрел на меня?

Я ощутила покалывание на кончиках пальцев — верный знак того, что моя магия рвется наружу, готовая разметать всё, что попадетсся нам на пути, — и постаралась успокоиться. Не хватало еще учинить погром в королевском дворце и нарваться на схватку с куда более опытными и умелыми королевскими магами.

Я подумала о королевских магах, и мысли сразу потекли в другом направлении. Мне давно уже следовало собрать информацию о той пятерке, что фигурировала в материалах дела королевы. И я пообещала себе, что завтра же вызову месье Арно.

Танец закончился, и его величество поблагодарил меня за прекрасно проведенное время.

— Летисия, ты была великолепна! — шепнула мне на ухо маркиза де Преваль. — И его величество, кажется, от тебя без ума! Нет, не стоит смущаться — если бы я сама была моложе лет на десять, то непременно закрутила бы с ним роман. Когда же еще, как не теперь? Пока он совершенно свободен.

Мне было неприятно это слышать, и она это поняла и быстро переключилась на другую тему.

— Может быть, вы удивитесь, дорогая Летисия, но я полагаю, что в число наших союзников нам стоит включить герцога де Крелона. Да-да, я понимаю, что его позиции несколько пошатнулись, но он столь опытен, что нам не следует им пренебрегать. Его дочь совершила ужасную ошибку, но она поплатилась за это, потеряв право бывать при дворе, а со дня на день она и вовсе отправится в провинцию, — при этих словах Делфину передернуло от ужаса. Похоже, она не мыслила себя вдали от столицы. — Если его величество позволил герцогу остаться в Лиме, значит, он всё еще к нему благоволит, и слово его светлости по-прежнему много значит.

Я кивнула. Герцог де Крелон интересовал меня куда больше, чем маркиза могла предположить. И она, воодушевленная моим одобрением, продолжила:

— Я взяла на себя смелость договориться с герцогом о встрече. Он предложил для этого свой особняк.

— Но будет ли это разумно? — возразила я. — Я едва знакома с его светлостью, и если я приеду к нему, не вызовет ли это ненужных подозрений?

Маркиза согласилась:

— Я сказала ему именно это! Но он напомнил мне, что на этой неделе в его особняке состоится большой прием. Конечно, в свете последних событий многие из тех, кто планировал быть в числе его гостей, поостерегутся нанести ему визит, но в любом случае народу там будет довольно много. Наверняка он и вам отправлял приглашение

на это мероприятие, так что никто не удивится, если мы с вами его посетим. В толпе гостей легко затеряться. Мы можем захотеть познакомиться с библиотекой герцога, а он, как любезный хозяин, вызовется сам нам ее показать.

Ну, что же, план был недурен, что я и сказала Делфине.

Я провела на паркете все танцы, которые только были, и к последнему изрядно устала, а потому отказала всем кавалерам, которые вознамерились меня на него пригласить. Всем, кроме одного.

Потому, что отказать королю я не могла при всём своем желании. И когда мы с ним снова вышли в центр, по залу прошел шепоток. И если один мой танец с его величеством никого не удивил, то второй (в этом я уже не сомневалась) станет поводом для светских сплетен.

И я уже мысленно ругала и Этьена (за то, что он меня пригласил), и себя — за то, что вовремя не уехала с бала.

Но заиграла музыка, мы закружились, и я велела себе держать себя в руках. Улыбайся, Сандра, улыбайся!

46. После бала

— Ты выбрала прекрасный способ показать, насколько ты равнодушна к бывшему мужу! — такими словами поприветствовала меня тетушка, когда на следующее утро я вышла к завтраку.

— Прости, не поняла о чём ты говоришь, — я пожала плечами и с безмятежным видом принялась намазывать на будочку абрикосовый джем.

О том, что случилось во дворце, я не рассказала, да и не собиралась рассказывать Лео. Не хватало мне только еще ее многозначительных ухмылок.

Тетя отложила газету, которую читала, и я увидела ее название — «Линарийский сплетник». И хохотнула:

— Не думала, что ты интересуешься бульварным чтивом.

— Если они пишут о тебе, то почему бы и нет?

Я чуть внимательнее посмотрела на первую полосу и похолодела, прочитав заголовок главной статьи — «Королева бала». Неужели, речь шла о вчерашнем мероприятии во дворце? Но как они успели так быстро это написать и опубликовать?

Есть сразу расхотелось — я схватила газету, запрыгала взглядом по строчкам.

Меня назвали новой фавориткой его величества — ни больше, ни меньше. Они наградили меня эпитетами, которые могли польстить мне в другой ситуации, но сейчас заставили лишь поморщиться — великолепная, обольстительная, загадочная. Два танца с королем и полный восторг всех мужчин в зале. Не обошли вниманием и мои бриллианты, решив, что их мог подарить мне сам король — а вот это предположение меня позабавило. Вряд ли в казне Эллинаров могли быть самоцветы таких размеров.

— Быстро они, — усмехнулась я. — Надеюсь, в более серьезных изданиях ничего подобного нет?

Я видела, что на столе лежали еще «Вестник Лимы» и «Новости Линарии».

— Другие газеты обошлись намеками, — ответила Лео. — Но все они отметили внимание его величества к твоей нескромной персоне. Если это именно то, чего ты хотела добиться, вернувшись в Линарию, то поздравляю.

В голосе тети звучала плохо скрытая издевка. И я разозлилась:

— А что, по-твоему, я должна была сделать? Отказать королю на глазах у сотен придворных? Боюсь, сплетен от этого не стало бы меньше.

Я с сожалением посмотрела на булочку, к которой так и не притронулась, и поднялась из-за стола.

— Раз уж меня теперь считают особой, приближенной к королю, то нам с Андрэ самое время отправиться на прогулку в королевский сад. Будем надеяться, что нам позволят подойти к источнику чуть ближе, чем другим гостям.

Но прежде, чем отправиться во дворец, я приняла месье Арно, который заверил меня, что уже к вечеру добудет информацию о тех пяти магах, которые меня интересовали.

День обещал быть насыщенным событиями — накануне во дворце герцог Гальярдо попросил разрешения навестить меня после обеда. На балу его светлость ничуть себе не изменил — был невесел и почти не танцевал.

Сын дожидался меня в нашем саду — он вместе с одной из горничных — молоденькой смешливой Грейси — запускал кораблики в фонтан. Его щечки заалели, но на сей раз это не был тот нездоровый румянец, что пугал меня прежде.

— А мы увидим его величество, мамочка? — спросил он меня, пока мы ехали ко дворцу.

— Наверно, нет, дорогой. Ты же понимаешь — у короля такой большой страны нет времени на праздные прогулки. Весь его день расписан по минутам.

Я знала, что по утрам в королевском саду народу бывает мало, и надеялась, что нам не станут докучать. А чтобы не привлекать внимание гуляющей публики, я надела шляпку с вуалью и достаточно скромное платье. Разумеется, при входе в королевскую резиденцию мне пришлось назвать свое имя, но я полагала, что стражники не побегут сообщать журналистам о моей прогулке.

Аллеи действительно были почти пустыми, и я смогла показать сыну те места в саду, которые когда-то особенно любила. Конечно, за прошедшие годы тут многое изменилось, но когда я обнаруживала какую-то мелочь, которая была милой моему сердцу, то невольно начинала улыбаться.

Так, потихоньку, мы и добрались до той черты, что отделяла доступную для прогулок публики часть сада, от той, куда допускались только избранные. Я взяла Андрэ за руку, боясь, как бы он по неведению не перешел границу дозволенного, и вдруг услышала за своей спиной:

— Со мной вы можете пройти немного дальше.

Я вздрогнула, услышав голос короля, а вот мой сын искренне ему обрадовался. Они так церемонно раскланялись, что я не удержалась от улыбки.

Мы приблизились к источнику еще на несколько шагов — хоть какая-то польза от расположения ко мне короля. Теперь фонтан был виден уже весь целиком, и Андрэ серьезно и внимательно на него смотрел. А Этьен не менее серьезно рассказывал историю этого источника.

— Значит, он никогда не ошибается, ваше величество? — спросил Андрэ.

— Еще недавно, ваша светлость, я сказал бы «никогда», — задумчиво ответил Этьен. — Но однажды он всё-таки ошибся.

Я поняла, что он говорил о знаке, которым поспешила воспользоваться Энрика де Крелон, но поскольку эта тема слишком близко касалась меня самой, я предпочла не задавать никаких вопросов.

Но его величество, словно боясь, что источник обидится на такие его слова, поспешил пояснить — не Андрэ, а скорее, мне или самому себе:

— Впрочем, возможно, он не ошибся и на этот раз. Мои мудрые маги полагают, что это мог быть знак одобрения моего будущего союза с принцессой Кьярой — в таком случае он может сулить рождение в этом браке наследника мужского пола.

Это объяснение казалось вполне правдоподобным, и я охотно с ним согласилась.

— Быть может, вы останетесь на обед, ваша светлость? — предложил Этьен, когда мы, налюбовавшись источником, двинулись обратно.

Но я решительно отвергла это предложение:

— Благодарю за приглашение, ваше величество, но мы вынуждены отказаться. Ни к чему давать лишний повод для сплетен.

Он сразу помрачнел, из чего я сделала вывод, что газеты он утром уже прочитал.

— Простите, ваша светлость, что невольно послужил причиной такого интереса к вам со стороны местной прессы. Мне следовало подумать об этом прежде, но я позволил себе забыть.

Я поблагодарила его за экскурсию по саду, и мы с Андрэ вернулись домой. Правда, мой маленький принц попытался настоять на том, что нам просто необходимо заехать в булочную мадам Донелли и купить там новых, уже совсем других пирожных (не для себя, разумеется — для Лео и Велии), но я не поддалась на его уговоры и правильно сделала, потому что дома нас уже ждал месье Арно.

Я удивилась тому, что он вернулся так скоро, а он горделиво ответил, что сумел получить всю нужную мне информацию в одном месте.

— Итак, сударыня, вот, что мне удалось узнать, — и он протянул мне листок, на котором напротив каждой интересующей меня фамилии его рукой были сделаны записи.

Одного мага из пятерых можно было вычеркнуть из списка — он отправился к праотцам еще пять лет назад. Другой сейчас служил в боевом полку на самой границе с Антарией. Еще двое покинули столицу и обосновались в своих имениях в провинции. А вот бывший глава Совета магов маркиз Дюбуа проживал относительно недалеко — в Дижонском предместье Лимы, что тоже меня немало удивило — прежде это предместье отнюдь не славилось дворцами знати, служив местом жительства, в основном, для купцов и ремесленников.

— Насколько я понял, ваша светлость, все эти люди, которые прежде состояли при дворе, примерно в одно и то же время лишились расположения его величества, — сказал месье Арно.

Я поощрила его за хорошую работу, и он удалился, вполне довольный и собой, и нашим сотрудничеством.

Герцог Гальярдо прибыл в четыре часа пополудни, и мы уединились с ним в кабинете. Я заранее предупредила тетюшку о его визите, надеясь, что это удержит ее от излишнего любопытства, но ничуть — она мелькнула в гостиной именно тогда, когда он прибыл, и мне пришлось представить их друг другу. Лео бросила на герцога многозначительный взгляд, но я сделала вида, что не поняла намёка.

— Как продвигаются переговоры с королем Линарии, ваша светлость? — когда мы с ним остались вдвоем, я решила сразу же перейти к делу.

— Должен признать, что весьма неплохо, — при этом он отчего-то вздохнул.

Вернее, я догадывалась, что было причиной его уже привычной грусти. В этом мы с ним были на удивление похожи — мы оба вязались в авантюру, от которой нам следовало держаться подальше.

— Вам что-то не нравится в этом браке, ваша светлость? — спросила я без обиняков.

Он не обязан был ни в чём признаваться. Да я и не сомневалась, что он не сделает этого. Но я видела, что его что-то гнетет, и всем своим видом он будто подталкивал меня к дополнительным вопросам.

Он вздрогнул, но не пошел на попятную, а после некоторого раздумья признал:

— Да, ваша светлость. Я полагаю, что ее высочество еще слишком юна, чтобы вступать в брак.

Ну, что же, он сделал первый шаг к откровенности, но названная им причина показалась мне неубедительной.

— Кажется, принцессе Кьяре уже восемнадцать лет, сударь — это как раз тот возраст, когда и принято становиться невестой.

Его обычное слово сонное состояние мгновенно спало с него, и он горячо возразил:

— Да, но одно дело в таком возрасте выйти замуж за принца, и совсем другое — за короля! Боюсь, ее высочество окажется неготовой к тем интригам, что ждут ее здесь. Да вы и сами слышали, сударыня, что стало с предыдущей королевой Линарии. Я не хочу, чтобы принцесса повторила ее судьбу.

Будучи придворным, он прекрасно понимал, что за серпентарий королевский двор. И его беспокойство имело под собой основания.

Я вспомнила себя в возрасте Кьяры — свои наивность и доверчивость, которые окружавшие меня люди смогли обернуть мне во вред. Но я надеялась, что у принцессы всё будет совсем по-другому — за ее спиной стоит Антария.

— Мне кажется, король Родриго сумеет ее защитить. Думаю, он понимает, что она отправляется в страну, с которой Антария враждовала много лет, и если уж пошел на этот шаг, то наверняка найдет способ поддержать принцессу.

Герцог вскочил с кресла, в котором сидел.

— Вот именно, ваша светлость! Его величество пытается сблизиться с Линарией не просто так! Я полагаю, он намерен присоединить ее к Антарии!

Мне не понравились его слова. Линария отнюдь не была слабой страной, которой можно было так легко манипулировать.

— Что за чушь, ваша светлость? — изумилась я. — С какой стати король Этьен стал бы снимать с себя корону и лишать свою страну независимости? Даже если он станет зятем короля Родриго, то вряд ли позволит тому вмешиваться во внутренние дела Линарии.

Герцог вздохнул:

— Вы не понимаете, насколько жестока большая политика, ваша светлость. Если это будет служить интересам Антарии, то наш король не остановится ни перед чем. Разве вы не помните, сударыня, что его величество в разговоре с вами сказал о возможной борьбе за корону Линарии? И разве это не предполагает, что в тот момент у этой короны уже не будет хозяина?

Да, мне еще тогда не понравилось, как он это сказал — словно надеялся на что-то, о чём предпочел умолчать.

— Вы полагаете, что его величество захочет вывести короля Этьена из игры? — ужаснулась я.

Гальярдо устало выдохнул:

— Я полагаю, что да. Надеюсь, я не пожалею об этой откровенности, сударыня. Впрочем, даже если вы не станете хранить в тайне всё то, о чём мы с вами говорили, мне уже всё равно. Я не сторонник этого брака и попробую сделать хоть что-то, чтобы он не состоялся, — он был предельно откровенен, и похоже, именно отчаяние толкало его на это. — Да, я думаю, что его величество способен пойти на то, чтобы устранить короля Линарии — разумеется,

после того, как столь выгодный Антарии брак будет заключен. Его не остановит даже то, что после этого в стране начнется хаос, и принцесса Кьяра тоже может пострадать. Да и разве может такая жестокость поспособствовать счастью ее высочества или Антарии в целом? Ненависть рождает ненависть, разве не так?

Я судорожно пыталась осмыслить всё то, что он сказал. А его светлость уже требовал ответа:

— Я не случайно пошел на этот разговор с вами, ваша светлость — ведь вы тоже, как и я, пытаетесь устроить этот брак. Но готовы ли вы продолжать это делать, если будете знать, что это приведет к гибели короля Этьена?

47. Приём у герцога да Крелона

Прием во дворце де Крелонов действительно был многолюдным и роскошным. Напитки лились рекой, повсюду слышался звон хрустальных бокалов, а столы с закусками и фруктами были расставлены повсюду — даже на балконе.

Но несмотря на толпу гостей и явное желание хозяина показать, что всё осталось прежним, я без труда отметила, что птиц высокого полета в особняке на сей раз не было. Я не была знакома со всеми министрами Линарии, но никто из тех, кого я знала, на приеме не появился — в том числе, и граф д'Эрсан. Быть может, часть придворных уже прослышали о грядущей отставке герцога и теперь спешили выслужиться перед возможным новым первым министром. Но было ли это так на самом деле, я не знала.

Впрочем, сейчас меня куда больше интересовал сам герцог, а не его гости. Мы с маркизой де Преваль облюбовали прелестный диванчик неподалеку от балконной двери — с него было удобно наблюдать за присутствующими, а еще здесь было свежо.

— Обратите внимание, Летисия, сегодня у герцога собралась публика, которую прежде он и на порог бы не пустил. Вон тот мужчина у дверей в темно-зеленом фраке — всего лишь помощник хранителя королевской печати. Сам хранитель печати, заметьте, на прием не пришел. Или вот тот молодой человек с русыми кудрями — это третий секретарь самого де Крелона — обычно он только отмечал прибывших гостей на крыльце, а нынче допущен в гостевую залу.

— Вы полагаете, это свидетельствует о том, что его светлость всё-таки лишился расположения короля? — любопытствовала я.

— Боюсь, что да, — признала маркиза. — Поэтому я предлагаю пока не включать герцога в число наших союзников. Мы, разумеется, побеседуем с ним и, поскольку он всё еще первый министр, постараемся заручиться и его поддержкой, но сделаем это осторожно и ненавязчиво. Слишком близкая дружба с опальным сановником может принести больше вреда, нежели пользы.

— Мне кажется, заводить с герцогом разговор о возможном браке его величества с антарийской принцессой вообще не слишком удобно, — поделилась я своими сомнениями. — Он столько лет лелеял надежду, что сам станет тестем короля.

Маркиза рассмеялась:

— О, нет, Летисия, об этом можете не беспокоиться! Его светлость — слишком опытен в политике, чтобы из-за личных обид и разбитых надежд не встать на сторону победителя. Да, он был бы куда более счастлив, если бы именно его дочь стала королевой, но поскольку это уже невозможно, он обеими руками станет поддерживать ту, чьи шансы будут наиболее высоки. Кстати, посмотрите вон туда — мне кажется, или это сама Энрика де Крелон?

Я посмотрела в указанном направлении. Дочь герцога действительно присутствовала в зале. Более того, ее взгляд, в котором не было ни капли дружелюбия, был устремлен в нашу сторону.

— Я полагала, она была сослана в провинцию, — от одного только взгляда Энрики я почувствовала озноб. Было ли это влияние ее магии, я не могла сказать. Но та ненависть, с которой она смотрела на меня, заставила меня отвернуться.

На этом приеме я, судя по всему, была главной звездой. Засвидетельствовать свое почтение той, которую, похоже, все уже считали новой возлюбленной короля, стремился каждый. И хотя маркиза ловко отшивала тех, кто задерживался у нашего диванчика слишком надолго, я быстро утомилась от общения со множеством представленных мне гостей.

— Кажется, она отправляется в имение уже завтра, — ответила Делфина. — Вот и решила поблистать напоследок.

И хотя мадемуазель де Крелон по-прежнему царственно несла на плечах свою красивую головку и выглядела восхитительно, трудно было не заметить, что когда она полагала, что никто не смотрит на нее, плечи ее опускались, а во взгляде появлялось отчаяние.

— Не представляю, как она сможет смириться с подобной отставкой, — усмехнулась маркиза. — Она упустила несколько очень выгодных предложений, надеясь на нечто большее, и теперь, должно быть, кусает локти.

Я не поддержала этот разговор. Мне было даже чуточку жаль Энрику — она поставила на кон всё и проиграла.

— О, посмотрите-ка, здесь и мадемуазель де Сурель! — воскликнула Делфина. — В этом сезоне она снова стала выходить в свет, а ведь несколько прежних вела весьма замкнутый образ жизни.

Я тоже заметила сестру в толпе гостей, но предпочла отвернуться. Я надеялась, что когда-нибудь у меня будет возможность открыть ей свое лицо и потребовать от нее честных ответов, но пока я была к этому не готова.

— Надеюсь, ваша светлость, вам у нас нравится? — перед нами появился сам герцог де Крелон. — Вы же впервые посетили мой дом, и я очень этому рад.

Он был опытным придворным, и приязнь я ощущала не только в его голосе, но и во взгляде.

— В зале жарко, и если вы не возражаете, сударыни, я с удовольствием покажу вам наш сад — в нём собраны поистине удивительные деревья и кустарники, и как раз сейчас поспели персики.

Он говорил как хороший торговец, старающийся продать свой товар. Мы с Делфиной поднялись с дивана. Значит, мы будем разговаривать не в библиотеке, а в саду. Ну, что же, в столь теплый вечер это был отличный вариант.

Но мы не успели выйти из зала. К нам подошла Энрика де Крелон. Глаза ее по-прежнему метали молнии, но на губах уже была улыбка.

— О, ваша светлость, надеюсь, вы еще не уходите? Я так много слышала о вас и так хотела с вами познакомиться.

Я посмотрела на нее с удивлением. Зачем она устраивала себе эту пытку? Если она считала меня своей соперницей, то не могла не понимать, что теперь, когда мы стояли рядом, все присутствующие невольно станут оценивать и сравнивать нас, и это сравнение сейчас будет явно не в её пользу. Неужели ей хотелось вызвать чью-то жалость или чьи-то насмешки?

Ее отец, судя по всему, тоже был удивлен таким демаршем, но постеснялся одёрнуть дочь, чтобы не поставить ее в еще более неловкое положение.

А Энрика, между тем, подала знак лакею, стоявшему в нескольких шагах от нас с двумя наполненными бокалами на подносе.

— Вы же не откажетесь, ваша светлость?

Прежняя Сандра не заподозрила бы в этом ничего дурного. Обычный жест вежливости со стороны хозяйки, которая хоть и не имеет оснований любить кого-то из гостей, пытается относиться ко всем с одинаковым радушием.

Но нынешняя я насторожилась. Правда, Энрика не потянулась за бокалом первой, не оставляя мне выбора. Нет, она дождалась, пока я сама дотронулась до одного из бокалов, а потом взялась за второй. И безмятежно улыбнувшись, сделала глоток:

— Этот напиток к нам привозят с самого юга Линарии. У него восхитительный вкус. Прошу вас, попробуйте!

В ее взгляде была некая тревога, что еще больше взволновало меня. Но на нас смотрели все присутствующие, и отказаться от предложения хозяйки у всех на глазах было бы вопиюще невежливым. И я решила, что только коснусь бокала губами. Сделаю вид, что отхлебнула из него, а потом вместе с ним выйду в сад и уже там найду возможность незаметно вылить напиток.

Возможно, я была чересчур подозрительной, но некая неестественность поведения Энрики не давала мне покоя. И хотя сама она уже опорожнила свой фужер почти наполовину, я всё ещё медлила. Мой бокал всё еще стоял на подносе. Но медлить и дольше было невозможно.

Да, я только поднесу его к губам...

Но я не успела сделать даже этого. Бланш, приближения которой я не заметила, вдруг схватила бокал с подноса, и прежде, чем я успела что-то понять, сделала несколько глотков.

— Простите, господа, но в зале так душно!

Не только я смотрела на нее с изумлением. Герцог нахмурился, не зная, что сказать на столь вопиющее нарушение правил этикета. А его дочь прошипела:

— Вы как всегда неловки, мадемуазель де Сурель. Полагаю, вам стоит охладиться на свежем воздухе.

По толпе прошел шепоток, но прежде, чем кто-либо еще успел что-то сказать, Энрика де Крелон рухнула на паркетный пол. Бокал выпал у нее из рук и разбился вдребезги. Энрика захрипела, и на губах ее появилась белая пена.

— Доктора! Есть в зале доктор? Или маг-целитель? — выкрикнул герцог, опускаясь на колени рядом с дочерью.

А еще через секунду на полу лежала и Бланш, и из уголка ее крепко сжатого рта тоже стекала пена. И я тоже закричала.

Среди гостей началась паника — кто-то поспешил на выход, кто-то — к балкону. Сквозь толпу с трудом пробрался молодой мужчина в пенсне.

— Я — целитель. Прошу вас, пропустите!

Сначала он склонился над мадемуазель де Крелон, но уже через секунду посмотрел на герцога и покачал головой — Энрика уже не нуждалась в его помощи.

Мужчина быстро развернулся к Бланш и, грубовато и уверенно разомкнув ей рот, влил несколько капель темной жидкости их крохотной бутылочки, что достал из кармана.

Я вцепилась ему в руку, но не смогла произнести ни слова. Но он понял всё и так.

— Простите, ваша светлость, сейчас я вряд ли что-нибудь смогу сказать. Похоже, это был яд и весьма сильный. Я влил противоядие, которое считается универсальным, но сможет ли оно помочь, я не знаю.

По залу тут же пронеслось — яд, яд, яд! Словно эхо повторило это слово десятками разных голосов.

Я плохо понимала, что происходило вокруг. Я сидела рядом с сестрой на полу и держала ее за быстро холодеющую руку. Сейчас Бланш казалась особенно худенькой и бледной — совсем тростинкой. Совсем как в детстве.

— Ей нужен более сильный маг, чем я, — сказал молодой человек. — И еще — непременно доктор. Думаю, как минимум час она еще продержится.

— Нужно послать за главным королевским магом графом де Ла Верден, — предложила Делфина. — Правда, его дом не близко, но...

Но я уже почти пришла в себя.

— Нет, благодарю, я предпочту обратиться к главному магу Антарии.

В этой ситуации я не могла доверять никому — тем более, королевскому магу. Я назвала молодому человеку адрес графа Варгаса, и он пообещал доставить того в наш особняк на площадь Доблести как можно скорее.

— Вы понимаете, Летисия, что Энрика хотела вас отравить? — прошептала маркиза, пока мы шли вслед за крепким офицером, который нес мою сестру на руках. — В зале весьма кстати оказался королевский дознаватель, и он уже задержал слугу, который поднес вам бокалы — тот подтвердил, что его хозяйка что-то насыпала туда, прежде чем он вошел с ними в зал. Ах, должно быть, она сошла с ума! Я и представить не могла, что ревность может толкнуть человека на такой поступок. Наверно, у нее помутился рассудок, когда она поняла, что потеряла Этьена безвозвратно. И если бы не мадемуазель де Сурель... Какое счастье, что ей захотелось пить!

Мне не было теперь никакого дела до Энрики. Я могла думать только о Бланш.

А в опустевшем зале тихо и страшно выл герцог де Крелон.

Карета уже стояла у крыльца, и офицер осторожно опустил Бланш на лавку. Я расположилась на противоположной стороне, пообещав Делфине сообщить о самочувствии мадемуазель де Сурель, как только в ее состоянии что-то переменится.

Я велела кучеру гнать во весь опор. Я надеялась, что граф Варгас и Лео сумеют что-то сделать, но для этого мне нужно было, чтобы они осмотрели Бланш как можно скорей.

Я пересела на ту лавку, на которой лежала сестра, положив ее голову себе на колени. Я вспомнила все молитвы, какие только знала. Я не понимала, по каким улицам мы едем. Мелькали за окном дома, мосты, фонари, но я не видела почти ничего. Слезы, скатываясь по моим щекам, капали на темное платье Бланш.

Наконец, когда карета уже подъезжала к особняку де Роберов, я услышала тихий стон, сорвавшийся с губ сестры. Я наклонилась, пытаюсь понять, пришла ли она в себя, и вдруг услышала:

— Ты сможешь простить меня, Сандра?

48. Сестра

Она лежала на кровати, а вокруг нее суетились граф Варгас, Лео, Велия. Сил у Бланш хватило только на то, чтобы задать мне вопрос. Ответить я уже не успела — она снова провалилась в забытье.

— Если не ошибаюсь, при приготовлении зелья использовались белладонна, цветы олеандра и стебли драконьей травы, — заявил граф. — Думаю, магия не использовалась, либо у составительницы очень слабый магический дар.

Велия на каждое его слово согласно кивала.

— Она поправится? — почти шепотом спросила я и замерла, ожидая ответа.

Но ни Варгас, ни тетя, ни Велия не взялись дать мне ответ.

Я всю ночь просидела в кресле у постели, на которой то ли спала, то ли пребывала в каком-то другом состоянии Бланш. Утром на несколько часов меня сменила Лео. Я немного подремала у себя на кровати, а потом вышла, чтобы ответить на присылаемые со всех сторон запросы.

Прибыли секретарь его величества с коротким, полным беспокойства письмом от Этьена, посыльные от Делфины, графа д'Эрсана и графа де Ла Вердена. Все спрашивали о самочувствии мадемуазель де Сурель, а главный королевский маг еще и предлагал свою помощь. Я всем отвечала одно и то же — перемен в состоянии нет, в себя не пришла.

Я то и дело прокручивала в памяти вчерашний вечер, вспоминая каждый свой жест в те роковые пять минут, когда всё случилось. Почему я просто не отказалась от предложения Энрики? К чему было соблюдать этот дурацкий политес? Если бы я не потянулась к бокалу, с Бланш бы ничего не случилось. Она вмешалась только потому, что подумала, что я собираюсь пить.

Но как она догадалась, что мадемуазель де Крелон замыслила что-то недоброе? Увидела, как та где-то за пределами гостевой залы

подсыпала что-то в бокалы? Или сумела прочесть чужие мысли? Но прежде у сестры таких способностей не было.

К тому же, она смогла узнать и меня. Где я сама допустила ошибку? Я настолько свыклась с иллюзией, что уже несколько лет — с тех самых пор, как мы переехали в Антарию, не показывалась никому в своем настоящем виде. Даже Андрэ знал меня именно такой, как и все остальные. Это было непривычно и даже грустно, но я понимала, что это необходимо. К тому же, мои способности в области иллюзорной магии становились всё лучше и лучше, и поддержание иллюзии уже не составляло мне никакого труда.

Но если сестра сумела разглядеть меня под этой маской, то это же могли сделать и другие. При мысли о том, что, быть может, Этьен тоже догадался, кто я такая на самом деле, у меня закружилась голова. А что, если его внимание ко мне объясняется именно этим?

Но я тут же возразила сама себе. Нет, если бы это было так, то он стал бы интересоваться и Андрэ — узнал бы, сколько лет моему сыну и сопоставил бы одно с другим. А догадавшись, что это и его сын тоже, попытался бы предъявить на него свои права — и не только в силу своих отцовских чувств, но и потому, что наличие наследника мужского пола сильно укрепило бы его позиции.

После обеда маркиза де Преваль приехала сама, но и лично ей я ответила то же, что и ее посланнику ранее — Бланш еще не пришла в себя, и ни врачи, ни маги не давали особых надежд на ее скорое выздоровление.

— Я только что от де Крелона, — сообщила Делфина. — Герцог тоже выглядит неважно — Энрика была его любимой дочерью. Думаю, он чувствует и свою вину в том, что случилось. Это он внушил Энрике мысль о том, что она должна стать королевой. Он толкал ее в объятия его величества. Но что теперь об этом говорить? Похоже, для нее невыносимо было думать, что она будет удалена от королевского двора. Уехать в провинцию, в глушь было для нее равносильно тюремному заключению.

Я мотнула головой:

— Зачем герцог вообще пригласил меня на свой прием, если знал, что там будет Энрика? Неужели он не понимал, что ей неприятно будет находиться рядом со мной после того, что было написано в газетах?

Если бы я знала, что Энрика еще в Лиме, то предпочла бы встретиться с де Креленом на нейтральной территории.

Я понимала, что трагедия в доме герцога тоже станет достоянием общественности — газеты не преминут написать и об этом, делая предположения и смакуя подробности. Мне было наплевать на мнение прессы, но что будет, если эти известия дойдут до отца в Суреле? Он так и не оправился от того, что случилось со мной семь лет назад. Что же станет с ним, если он узнает о Бланш?

— Что случилось, то случилось, Летисия, — Делфина села рядом и обняла меня. — Перестаньте себя корить. Энрика обезумела от ревности, и кто знает, на что еще она могла бы пойти. А то, что пострадала еще и мадемуазель де Сурель, роковая случайность. Энрику к ответственности уже не привлечь, но хорошо хотя бы то, что ее план не удался.

Я предложила Делфине остаться на ужин, но надеялась, что она откажется, и она меня не разочаровала. Она сказала, что заедет завтра справиться о здоровье мадемуазель де Сурель, и удалилась.

Мы все за ужином были напряжены и молчаливы. Лаура де Робер предложила заменить нас у постели Бланш на эту ночь, но я не приняла ее предложение — мне хотелось, чтобы, когда сестра придет в себя, она увидела меня или Лео.

Это случилось под утро. За окном было еще темно, и спальня освещалась небольшим магическим кристаллом. Я дремала в кресле, когда услышала донесшийся с кровати слабый стон.

Через секунду я уже сидела на постели. Бланш открыла глаза и поморщилась от света, хотя тот был совсем неярким, и в комнате царил полумрак.

— Сандра? — голос ее прозвучал хрипло и незнакомо.

— Я тут, моя хорошая! — я взяла ее за руку. — Хочешь пить? Лео приготовила чудесную настойку, и тебе непременно нужно сделать хотя бы несколько глотков.

Я поднесла чашку к ее губам, и сестра послушно принялась пить. Но тут же закашлялась.

— Я позову тетю и доктора!

Но теперь уже Бланш схватила меня за руку.

— Нет, подожди, нам нужно поговорить!

Мне и самой хотелось этого — так много вопросов нужно было ей задать — но мучить ее разговором сейчас, когда она была так слаба, было бы слишком жестоко.

— Мы поговорим утром, дорогая. А сейчас береги силы и молчи, — я поднялась с кровати и пошла к дверям.

Но она остановила меня:

— Нет, Сандра, прошу тебя! Кто знает, что будет утром. Мне станет легче, если я всё тебе расскажу.

Я снова села рядом с ней, и она начала:

— Я расскажу тебе обо всём по порядку. Я помню всё, что случилось десять лет назад, как будто это было вчера. Не знаю, замечала ли ты, но мне всегда нравился его величество. Вернее, не так — он понравился мне еще тогда, когда он был для нас шевалье де Монкурором. Когда я увидела его в нашем замке в Суреле, то подумала, что это самый красивый мужчина на свете, — она попыталась улыбнуться, но ее бледные губы только чуть дрогнули. — Но не думай — я не делала ничего, чтобы привлечь его внимание. Ему понравилась ты, и я никогда не оспаривала твоего права на него. И я была признательна тебе за то, что ты позволила мне жить во дворце. Правда, сейчас я думаю, что для всех было бы лучше, если бы я вернулась тогда в Сурель.

Ей стало трудно говорить, и она сделала передышку, снова смочив губы в том питье, что оставила Лео.

— Ты всегда была лучше, чем я, Сандра! Красивее, умнее, добрее. Как ему было тебя не любить? И я понимала, что никогда не смогу сравниться с тобой. Но однажды, после трех лет вашего с Этьеном брака, Джемма сказала мне, что во дворце поговаривают о вашем возможном разводе. Мне показалось это невыносимым, но она сказала, что если ты не подаришь королю наследника, то он обязан будет жениться на другой. И что этой другой могу оказаться я — ведь у вас с его величеством была удивительная магическая совместимость, а поскольку наша с тобой магия была похожа, то можно было не сомневаться, что я тоже магически подойду королю. Нет-нет, не думай, что я ухватилась за эту мысль. Я только позволила себе помечтать — совсем немного. Но Джемма настаивала, что я должна хотя бы попробовать — дескать, так наша семья сумеет избежать позора. А потом... Потом я совершила ошибку.

Я поняла, что ее воспоминания подошли как раз к тем событиям, что так сильно меня интересовали, но каждое слово давалось ей с большим трудом, и я снова сделала попытку отложить разговор до утра. И сестра снова отказалась.

— В тот вечер ко мне пришел глава Совета магов маркиз Дюбуа. Он сказал, что сеть магических ловушек в саду была испорчена из-за неумелых действий одного из королевских магов, и что теперь она пропускает к источнику не только королеву, но и любое лицо женского пола. Им необходимо было убедиться, что это действительно так, и они просили моей помощи. Я спросила, почему им понадобилась именно я, и маркиз ответил, что они не хотели бы, чтобы о том, что к источнику можно пройти незамеченным, знал кто-то посторонний, кто может навредить королю или королеве. Он говорил очень убедительно, а у меня не было оснований ему не доверять. Конечно, я боялась, что ловушки всё-таки сработают, и я получу удар магией, но маркиз заверил меня, что первая линия ловушек лишь предупреждает звуком о пересечении допустимой границы.

Значит, это был именно маркиз Дюбуа! У меня и прежде основные сомнения были связаны именно с ним — уж больно настойчиво он требовал от Этьена наказать королеву. И если всё было так, то он воспользовался доверчивостью моей сестры, втянув ее в грязное дело.

— Мы спустились в сад, — продолжила Бланш после небольшой передышки. — Его светлость указал мне олеандр, до которого я должна была дойти, и предупредил, что если в саду появится кто-то еще, то мне нужно будет незамедлительно вернуться во дворец. Я подумала, что, может быть, он всё-таки ошибается, и всё работает как надо, но когда я пошла в сторону источника, то действительно смогла пройти дальше, чем это было допустимо прежде. Я дошла до олеандра, постояла там несколько секунд и повернула обратно. Ничего более от меня тогда не требовалось. А когда я уже шла ко дворцу, меня заметила стража. Они велили мне остановиться, но они были далеко, и я успела скрыться во дворце. Маркиз дожидался меня там и поблагодарил за помощь, предупредив, что я никому ничего не должна говорить, дабы о доступности магического источника не прознали враги короля. Да, мне показалось это странным, но об этом меня просил не какой-то проходимец, а главный маг Линарии! Я ожидала, что о происшествии в саду буду говорить на следующее утро, но нет, всё было спокойно, и я

понемногу успокоилась и сама. А потом я узнала, что его величество известил тебя о разводе, и что ты покинула дворец.

Я погрузилась в эти воспоминания вместе с сестрой, и снова почувствовала тот страх, что ощущала тогда. Бланш тоже задрожала, и я поплотнее укутала ее одеялом.

— А бутылка с ядовитым зельем, что нашли в саду? — спросила я.

Сестра посмотрела на меня с недоумением.

— Я ничего о ней не знаю. И о том, что тебя обвинили в государственной измене из-за того, что ты якобы пыталась отравить магический источник, я узнала не сразу, а спустя день или два после твоего отъезда. Я сразу поняла, что это было связано с моей ночной прогулкой. Это я, а не ты, ходила в сад, а маги просто не различили наши магические следы. Но правду знал по крайней мере один из них, и я отправилась к нему требовать ответа. О, маркиз Дюбуа ничуть не испугался моей угрозы всё рассказать его величеству. Он сказал, что если я попытаюсь впутать в эту историю его самого, то мне никто не поверит. И что если я признаюсь, то в государственной измене обвинят меня саму. Но то, что смогут простить королеве, никогда не простят ее сестре. И я испугалась, Сандра! Я так сильно испугалась, что решила молчать. Я подумала, что его величество непременно что-нибудь придумает, чтобы тебе помочь. А вот ради меня он стараться не станет. И я промолчала! Понимаешь, Сандра? Я предала тебя, потому что испугалась за свою шкуру!

Она приподнялась, подалась вперед. Глаза ее лихорадочно блестели.

— А потом я узнала о твоей гибели, и несколько дней просто выпали из моей памяти. Горничная сказала, что я металась в бреду и всё звала тебя. Но даже когда я пришла в себя, мир изменился, и ничего уже не могло стать прежним. Мне казалось тогда, что я сама умерла вместе с тобой.

Признания отняли у нее остатки сил, она снова откинулась на подушки, и глаза ее закрылись. Говорить она уже не могла, и я бросила за Лео.

49. Новости

Ни утром, ни к полудню Бланш так и не пришла в себя. Лео предупредила меня, что в данной ситуации лучший лекарь для сестры — это время. Если ее организм сумеет оправиться от отравления, если выведет яд, то она поднимется.

Я пересказала тетушке наш ночной разговор, и она, подумав немного, признала, что это было похоже на правду.

— Интересно, достало ли у нее смелости признаться во всём хотя бы отцу? — спросила она.

Я пожалала плечами. Я предпочла бы, чтобы он ничего не знал — ему было бы слишком тяжело осознавать, что Бланш могла быть причастна к тому, что случилось со мной.

— Может быть, мы должны привезти папеньку в Лиму? — эта мысль уже второй день не давала мне покоя. — Он должен знать, что Бланш больна.

— Если ты готова открыть ему свое лицо, то да, его следует известить. Я даже сама готова буду за ним съездить, — ответила Лео. — Но ты сама понимаешь, что это опасно. Нам следует поступить по-другому — мы должны уехать из Лимы и взять с собой твою сестру. Какой смысл оставаться здесь теперь? Андрэ стало лучше. А то, что у него не проявились магические способности, несмотря на выпитую воду из источника, то, может быть, на это нужно время.

— Но я до сих пор не знаю, что случилось семь лет назад, — возразила я. — Кто и зачем использовал Бланш? Да, про маркиза Дюбуа мы теперь знаем. Но он же наверняка был не один!

Тетя внимательно посмотрела на меня и покачала головой:

— Иногда лучше оставаться в неведении, дорогая. У нас отличный дворец в Анжероне и доходные рудники в Эскале, а твой сын носит титул князя Алонсо. Поверь — этого вполне достаточно. Оставь прошлое в прошлом. Забудь Этьена и начни всё сначала. Здесь ты привлекаешь к себе слишком много внимания, и рано или поздно кто-нибудь разгадает твою тайну. Я не знаю, как это сделала твоя

сестра — полагаю, что почувствовала родственную магию — ты же говоришь, вы всегда были с ней очень близки. Пока все считают, что она выпила предназначавшийся тебе яд случайно, но однажды кто-нибудь может догадаться, что это не так. А с чего бы ей рисковать жизнью ради чужого человека?

Я это понимала и сама.

— Хорошо, — согласилась я. — Мы вернемся в Анжерон, как только Бланш станет лучше, и мы сможем отправить ее в Сурель. Мы с Велией и Андрэ поедem в Антарию напрямую. А ты спустя некоторое время заберешь папеньку и сестру из нашего поместья. Только прошу тебя — дай мне возможность поговорить хотя бы с маркизом Дюбуа. Несколько лет назад его отправили в отставку, и он лишился той власти, которой когда-то обладал, а значит, наверняка, затаил обиду на тех, кто был к этому причастен. Быть может, он расскажет мне что-то интересное.

Лео хмыкнула:

— Если он был замешан в том преступлении, то с чего бы ему тебе об этом рассказывать? И под каким именем ты собираешься с ним говорить?

У меня еще не было ответа.

— Я подумаю над этим, тетушка! Думаю, маркиз по-прежнему оказывает какие-то магические услуги частым порядком. Я могу приехать к нему как обычная покупательница. Обещаю тебе, я не буду с ним откровенничать. И если мне что-то покажется подозрительным, то тут же уеду.

Она, зная, что всё равно не сумеет меня переубедить, махнула рукой.

Но визит к маркизу пришлось отложить сразу из-за нескольких дурных новостей.

Сначала к нам в особняк приехали герцог Гальярдо и граф Варгас. Граф, с тех пор как мы привезли к себе Бланш, бывал у нас каждый день — но как друг. Сейчас же он нанес нам визит, чтобы сообщить о пришедшем из Антарии печальном известии.

— Скончался его величество Родриго Пятнадцатый, — сказал его сиятельство и опустил голову. — Гонец прибыл только полчаса назад, и мы сразу отправились к вам. Думаю, вы понимаете, ваша светлость, что в свете этого события переговоры о помолвке следует отложить как

минимум на весь период траура. К тому же нам следует узнать, что думает по этому поводу сын Родриго и отец принцессы Кьяры.

Я перевела взгляд на герцога, и тот подтвердил:

— У нового короля может быть иное мнение на этот счёт. Насколько я знаю, наследный принц был не слишком доволен возможным браком своей дочери с королем Этьеном. А учитывая, что и сама принцесса к этому совсем не стремилась, я надеюсь, что переговоры не возобновятся.

Граф Варгас смотрел на молодого герцога с отеческой улыбкой. И я тоже искренне желала ему счастья. У наследного принца Антарии было несколько дочерей, и быть может, он посчитает возможным позволить принцессе Кьяре выйти замуж по любви.

— Сейчас мы отбываем во дворец — мы уже запросили аудиенцию у его величества, — его сиятельство поднялся с дивана, и Гальярдо последовал его примеру. — Мы сообщим ему о постигшей Антарию утрате и извинимся за то, что переговоры придется отложить.

Он чуть замялся на пороге, и герцог, правильно истолковав это, поцеловал мне руку и отправился к карете один, давая нам с графом возможность поговорить наедине.

— Я хотел бы сообщить вам кое-что еще, ваша светлость. До меня дошли слухи, что магия ушла из источника Эллинаров.

— Ушла из источника? — не поверила я. — Но как такое возможно? Нет, я помню, конечно, что такое уже случилось однажды, несколько столетий назад. Но тогда для этого была веская причина. А что же послужило этому сейчас?

Граф развел руками:

— Не знаю, ваша светлость. Но полагают, что причиной могла стать попытка выдать постороннего мальчика за представителя династии Эллинаров. Кажется, вода в источнике тогда вскипела.

Я кивнула. Да, я была тогда в саду. Но если магия источника ушла именно в тот день, значит, вода, которую дал Этьен для Андрэ, уже не могла быть чудодейственной. Может быть, именно поэтому в моем малыше так и не проснулась магия Эллинаров?

Граф, казалось, прочитал мои мысли, потому что подошел ко мне и пожал мою руку.

— Пока это только слухи. Но если они достоверны, то, думаю, вы понимаете, что за этим последует. В народе и без того говорили, что на

его величестве Этьене лежит проклятье. Брак с принцессой Кьярой мог бы исправить ситуацию, а вот новость о прекращении переговоров с Антарией, пусть даже и временном, только ее усугубит. Когда же станет известно об исчезновении магии, в этом наверняка обвинят короля. В стране начнется смута. Послушайте совета старика, ваша светлость! Вам нужно принять какое-то решение — если вы не намерены ввязываться в борьбу за корону Эллинаров и не собираетесь открыть правду о своем сыне, как можно скорее уезжайте из Линарии.

Я поблагодарила его, и когда они с герцогом Гальярдо уехали, удалилась в кабинет, чтобы поразмыслить. Я всё еще надеялась, что сведения об исчезновении магии — это всего лишь слухи. Если бы это было правдой, то об этом бы непременно кто-нибудь знал! А я не слышала ничего подобного.

Но мои надежды разбились, когда вечером с этой же новостью приехала Делфина.

— Вы не поверите, Летисия, но это чистая правда! Источник в королевском саду потерял свою магию! Вы понимаете, что это значит? Что вся Линария лишилась магической подпитки, и с каждым новым поколением наш народ будет магически слабеть. Такое уже было в истории, и тогда страна едва не потеряла независимость. Враги не станут дремать.

— Но доподлинно ли это известно? — спросила я.

— Можете не сомневаться, ваша светлость! — уверенно подтвердила она. — Я слышала это лично от герцога де Крелона, а он — от графа де Ла Вердена. Конечно, пока это — страшная тайна, и королевские маги делают всё, что могут, чтобы ее сохранить, но вы же понимаете — скрыть такое невозможно. Если магии в источнике нет, то, боюсь, Этьен как король обречен — народ именно его обвинит в ее исчезновении. И хорошо, если он лишится только власти. Народ бывает страшен в своем неудержимом гневе.

Она была так возбуждена этой новостью, что только на крыльце, к которому уже подошла ее карета, спохватилась, что не спросила о здоровье мадемуазель де Сурель. Я ответила, что изменений нет, и она снова переключилась на источник.

— Поверьте моему слову, Летисия, единственное, что поможет сохранить его величеству корону — это его брак с антарийской принцессой. Ему следует заключить его как можно скорее.

Бедняжка, она еще не знала, что это было уже невозможно.

50. Маркиз Дюбуа

Вечером исчезновение магии из королевского источника мы обсудили с Лео и Велией. Мадемуазель де Шатильон была крайне огорчена этим обстоятельством.

— Это просто невысказано! — восклицала она, расхаживая по комнате. — Если это на самом деле случилось, то, боюсь, твой бывший муж, Алессандра, и правда обречен — даже если сам он не имеет к этому никакого отношения, кого же еще обвинять, как не его. Он — единственный из Эллинаров, о котором известно его подданым.

Тут она выразительно посмотрела в мою сторону, но я не собиралась оправдываться за то решение, которое когда-то приняла. Будучи сама представительницей (пусть и не вполне официальной) династии Эллинаров, Велия весьма трепетно относилась ко всему, что было с ними связано, и полагала, что раз уж Андрэ угораздило родиться сыном короля, то скрывать это бессмысленно, и рано или поздно ему придется принять на себя бремя власти.

— Пока нам не известно ни о каких доказательствах, которые бы подтверждали эти слухи, — сухо возразила Лео. — Но если это действительно так, то это делает наш отъезд из Лимы еще более оправданным. Даже если та вода, что тебе дал Этьен, уже не содержала в себе ни капли магии, с этим уже ничего не поделаешь. Если ты помнишь историю, Лесси, то после своего предыдущего исчезновения магия вернулась в источник лишь через несколько сотен лет. Боюсь, мы не сможем ждать так долго. К тому же, Андрэ и без этого уже стало лучше. Так что извести его величество о своем отъезде, разошли письма тем немногочисленным знакомым, которыми ты успела здесь обзавестись и едем в Антарию!

Я не стала возражать, но для себя всё же решила хотя бы раз съездить в Дижонское предместье к маркизу Дюбуа. Пусть даже он откажется со мной разговаривать, я хотела хотя бы посмотреть ему в глаза.

Я велела закладывать карету и вышла в сад, чтобы поприветствовать барона Робера, который впервые за несколько месяцев встал на ноги. Конечно, его шаги сейчас были робкими и неловкими, и наш маленький принц, за руку которого он держался, смотрел на него с удивлением.

— Искренне рада за вас, ваше сиятельство! — сказала я и поцеловала его в как всегда гладко выбритую щеку.

— Я уже почти не надеялся на это, ваша светлость! — он отвернулся, пряча слёзы.

А старый лакей уже усаживал его обратно в кресло — сделать больше нескольких шагов ему пока было не под силу.

— Ты едешь на прогулку, мамочка? — подбежал ко мне Андрэ. — А можно, я поеду с тобой? Я обещаю тебе вести себя хорошо. Я буду сидеть в карете тихо как мышка.

Сначала я хотела ответить решительным отказом, а потом подумала — почему бы и нет? Я решила, что мы можем взять с собой горничную Грейси — они с Андрэ погуляют в каком-нибудь парке или посидят в булочной неподалеку от дома маркиза. Сегодня я собиралась съездить всего лишь на разведку — узнать, принимает ли посетителей маркиз Дюбуа.

Так и вышло, что я отправилась в Дижонское предместье не одна. Я велела кучеру остановиться, не доезжая до дома маркиза, и он сделал это как раз у небольшого уютного кафе, где я и оставила Андрэ с Грейси.

В этой части предместья прежде я не бывала ни разу, всегда ограничиваясь лишь тем кварталом, где жила Лео. А здесь были несколько красивых особняков — впрочем, изрядно обветшавших. Один из них и принадлежал маркизу Дюбуа.

Впрочем, я не сразу направилась к его крыльцу, прежде остановившись у расположившейся на другой стороне улицы телеги зеленщика.

— Не подскажете, это ли дом маркиза Дюбуа?

Торговец, у которого пока не было покупателей, охотно поддержал беседу:

— Именно так, сударыня! Но если вы намерены нанести визит его светлости, то не советую вам это делать.

— Вот как? — удивилась я. — И почему же?

Зеленщик хмыкнул и понизил голос:

— Его светлость совершенно безумен!

Я вздрогнула. Если это было правдой, то обрывалась еще одна ниточка, что вела к моему прошлому.

— Он потерял рассудок несколько лет назад — в ту пору он еще жил в центре Лимы. Говорят, он лишился важного поста при дворе его величества и не смог вынести этого. Да, люди быстро привыкают к власти и уже не могут без нее обходиться. А может быть, он свихнулся из-за того, что слишком много знал. Как бы там ни было, но у его семейства уже не было средств, чтобы содержать особняк на центральной площади, и они вынуждены были переехать в район поскромнее.

Я поблагодарила собеседника за информацию и, оставив ему монету, всё-таки направилась к дому маркиза. Отворившего двери слугу я попросила доложить обо мне его светлости, а когда тот ответил, что его хозяин не принимает, спросила, могу ли я побеседовать с кем-то другим.

— Если изволите, я доложу о вас племяннице его светлости.

Я назвалась наспех придуманным именем, и уже через десять минут сидела в гостиной напротив молодой девушки, одетой скромно, но со вкусом.

— Простите, сударыня, — печально улыбнулась та. — Мне сказали, что вы хотели поговорить с его светлостью, но, боюсь, мой дядя сейчас — не самый лучший собеседник.

— О, как жаль! — воскликнула я. — Я прибыла в столицу издалека всего на несколько дней. Мой отец, которому его светлость когда-то оказал большую услугу, просил меня поприветствовать его лично и передать ему несколько слов, которые папенька полагает очень важными. Быть может, я смогу хотя бы взглянуть на вашего дядю, мадемуазель?

Она пожала плечами:

— Почему бы и нет? Мой дядя очень скучает без прежнего круга общения. Его сейчас редко кто навещает, а он весьма любит поговорить. Пойдемте, я провожу вас — его светлость работает в своей небольшой мастерской.

— Работает? — удивилась я. — В мастерской?

Странно было услышать о работающем в мастерской маркизе.

Девушка тихонько рассмеялась:

— Должно быть, вы знаете, что некогда мой дядя был главным магом Линарии. Мне иногда кажется, что он полагает, будто до сих пор занимает эту должность. Он делает какие-то амулеты, которые, по его словам, обладают огромной силой. Правда, боюсь, эта сила на самом деле — только в его воображении. Но, прошу вас, не судите его строго — он всегда старался заботиться об интересах Линарии и всё еще пытается это делать — пусть и таким странным и одному ему понятным способом.

— Но отчего же такого преданного патриота отправили в отставку? — полюбопытствовала я.

Но на этот вопрос ответить девушка не смогла.

— Не знаю, сударыня. Мне тоже всегда было обидно за дядю. Думаю, в одной из придворных интриг он встал не на ту сторону, на которую следовало.

Она проводила меня до большого и просторного помещения, которое действительно оказалось мастерской — здесь были расставлены верстаки и разложены самые разнообразные инструменты, назначение большинства из которых было мне неизвестно.

— Если не возражаете, я вас оставляю, — шепнула мадемуазель Дюбуа. — Мне нужно распорядиться насчет обеда. И прошу вас, не бойтесь — дядя совсем не опасен. Он полностью погружен в свои мысли, и если вы хотите получить ответы на какие-то вопросы, то вы вряд сумеете этого добиться.

Она удалилась, а я, обозначив покашливанием свое присутствие, храбро направилась к сидевшему за столом у окна старику.

— Здравствуйте, ваша светлость!

Его седые волосы были длинны и не очень ухожены, а одет он был не как вельможа, а как ремесленник — рубаха из грубой ткани, фартук и протертые на коленях штаны. В худых и заметно трясущихся руках он держал какой-то темно-фиолетовый камень, который и шлифовал в этот момент — надо признать, весьма ловко.

В ответ на мое приветствие он поднял голову, и я поразились силе того взгляда, который он на меня устремил.

— Вы от его величества? — с живостью спросил маркиз, и в темных глазах его заплескалась радость.

Я предпочла дать ему возможность думать по этому поводу, что ему будет угодно, и он торжествующе рассмеялся:

— Я был уверен, что его величество вспомнит обо мне! Я говорил своей непутевой племяннице, что меня еще вернут ко двору! Король знал, над чем я работаю! Он был уверен в том, что я сумею это сделать! Эллинары всегда нуждались в такой защите! И поверьте, сударыня, это — лучший амулет из тех, что когда-либо делали маги!

Он сунул мне в руку тот камень, что в его руках уже стал идеально отшлифованной пластиной.

— Вы должны передать это его величеству как можно скорее, сударыня!

Я пообещала ему сделать это, и он довольно потер руки.

— Мои враги зря торжествовали! Они полагали, что убрали меня со своего пути — оболгали перед его величеством, а тот поверил их доносам. Но в глубине души король всегда знал о моей преданности! И теперь, не сомневайтесь, он снова сделает меня главой Совета магов!

Пока я не выловила ничего полезного из потока его слов, и потому решила направить его мысли в нужное мне русло.

— Кто же осмелился оболгать вас, ваша светлость? И в чём они обвинили вас?

Он сделал мне знак сесть на скамеечку рядом с ним и заговорил чуть тише:

— О, сударыня, ради своей страны мне иногда приходилось идти и на обман, и на предательство. Да-да, я мог предать кого угодно, но только не короля и не свою страну. Мне вменили в вину то, за что должно были бы наградить — я стремился сделать Линарию сильнее. А союз с Нурландией сделал бы ее сильнее!

Я уже догадалась, о чём он говорил, но всё-таки уточнила:

— Вы были сторонником брака короля с нурландской принцессой?

Он часто закивал:

— Это был бы идеальный политический союз. Я изначально хотел, чтобы он состоялся — еще тогда, когда наш король вовсе не был женат. И когда его величество вознамерился жениться на безродной девице, я пытался его отговорить.

Он назвал меня безродной девицей, но я пропустила это мимо ушей. Мне нужно было узнать у него хоть какое-то имя — имя кого-то

из его соратников, которые участвовали в заговоре против меня.

— Но его величество не внял вашему совету?

Он обиженно засопел:

— Именно так, сударыня. Любовь часто затмевает разум. Но, к счастью, рядом с его величеством были настоящие патриоты — я и маркиз Жомини! Мы сделали всё, чтобы наш король осознал, что, женившись на Алессандре де Сурель, он совершил ошибку!

51. Кусочек правды

Он говорил об этом так, словно имел право распоряжаться чужими судьбами. Я невольно сжала кулачки. На ладонях у меня, как бывало часто в минуты волнения, стала скапливаться магия, но сейчас я не имела права ее применять. Он был болен — этот седой старик, походя разрушивший наши с Бланш жизни.

Впрочем, к его откровениям я была готова, а вот узнать, что маркиз Жомини тоже был в числе моих врагов, было большим разочарованием. И сам маркиз, и его супруга нравились мне, и я полагала их людьми честными и не способными на такую подлость. Ну, что же, это было еще одним доказательством того, что я плохо разбираюсь в людях.

— Но как можно вмешиваться в отношения короля и королевы? — спросила я. — Их брак был освящен.

Он посмотрел на меня с улыбкой:

— Вы так наивны, дитя мое! Речь шла об интересах Линарии!

Эти сказки я уже слышала. Но в бескорыстие всех тех, кто с пеной у рта об этом говорил, я уже не верила.

— Разве вы не преследовали и интересов собственных? Признайтесь, ваша светлость, разве вы не хотели чего-то для себя лично?

Он задумался, должно быть, вспоминая то, что случилось семь лет назад, и губы его беззвучно зашевелились. А потом покачал головой:

— Возможно, вы правы, сударыня, но я не помню.

Как ни странно, но это было похоже на правду. Его взгляд вдруг затуманился, и я, испугавшись, сделала шаг назад.

— Что же вы сделали, сударь, чтобы разрушить брак короля? Погубили королеву?

Он вздрогнул, вернувшись в действительность.

— О, сударыня, не подумайте ничего дурного! Мы отнюдь не покушались на ее жизнь и даже не пытались уличить ее в измене супругу. Нет-нет! Может быть, вы не поверите, но я чувствовал к ее

величеству искреннее расположение. Она была добра, а в наше время среди облеченных властью особ это — большая редкость.

Я усмехнулась. А он зацокал языком:

— Да-да, так оно и было. Она была славной, наша королева Алессандра, но в деле была замешана большая политика, и нам пришлось выбирать. Нам всего лишь нужно было, чтобы брак короля был бездетным — тогда рано или поздно его величеству самому пришлось бы инициировать развод, — и устроить это оказалось несложным. Правильно подобранный амулет и отвар из листьев ярчанки, который королева пила добровольно, дали требуемый результат.

Значит, Лео была права. Может быть, именно поэтому меня долго не принимал магический источник — потому что чувствовал враждебный ему амулет.

— Но этого оказалось недостаточно, — сказала я.

И он подтвердил:

— Да, сударыня. Его величество еще надеялся на что-то, и нам пришлось перейти к более решительным действиям.

Он говорил об этом спокойно, не пытаясь ничего скрыть — должно быть, уже не понимал, что речь идет о страшных преступлениях.

— Я слышала, королева пыталась отравить магический источник. Это тоже было дело ваших рук?

Он подтвердил это почти с гордостью. Наверняка, к нему уже давно никто не приходил, он скучал по прежнему кругу общения и был рад любой возможности рассказать о своих былых делах.

— Это было несложно, сударыня! Я сразу обратил внимание, что магия ее величества и ее сестры очень похожи, а значит, их магические следы легко спутает менее опытный маг, чем я. Оставалось только найти предлог, чтобы заманить мадемуазель де Сурель в сад. А пузырек с отравой я подбросил туда уже на следующее утро тогда, когда мы эти следы изучали, и когда магические ловушки были отключены.

— Что же случилось потом? — нетерпеливо спросила я. Эта часть истории была мне еще не известна.

Он горько рассмеялся и отчего-то перескочил сразу через большой промежуток времени.

— Наш план сорвался, сударыня, когда мы уже почти достигли цели. О помолвке его величества с принцессой Нурландии было объявлено официально, и мы надеялись, что этот союз укрепит и финансовую, и военную мощь Линарии.

— И даст вам возможность занять более высокие посты, — язвительно добавила я.

Но он вздохнул:

— О, нет, сударыня! Я и без того занимал пост главного мага страны и главы Совета магом — для мага уже не было более высоких должностей. Но я хотел продолжить свои изыскания, о которых уже имел честь вам говорить, а это требовало денег, и немалых. Да-да, уже тогда я не сомневался, что смогу создать этот амулет, который послужит славе Эллинаров. Мне никто не верил, сударыня! Да-да, они имели наглость смеяться надо мной! Но я им доказал, доказал!

Он рассмеялся громко и как-то неестественно, а взгляд его снова стал странным, рассеянным. Маркиз перестал реагировать на мои вопросы — мне казалось, он вообще не слышал их. Я поняла, что в этот день он ничего более мне уже не расскажет, и предпочла выйти из его мастерской.

Его племянница дожидалась меня в гостиной.

— Надеюсь, дядюшка вас не напугал? — спросила она. — Иногда он бывает почти прежним и может долго и интересно рассказывать о прошлом. Но чаще он полностью погружен в себя, и тогда от него невозможно добиться ни слова.

Я заверила его, что наш разговор был весьма содержательным, поблагодарила ее за содействие и попросила разрешить мне посетить их еще раз. Она не возражала.

Я вышла на улицу. Мне нужно было обдумать всё то, что я только что услышала, и я направилась не в сторону кафе, а в небольшой парк, что был неподалеку от дома его светлости. Парк был неухоженным, как и сам маркиз, но зато в нём было пусто, что вполне согласовывалось с моим желанием поразмышлять в одиночестве.

И только там, на заросших сорной травой дорожках, я обнаружила, что до сих пор держу в руках тот фиолетовый камень, что дал мне его светлость. Он называл его амулетом. Я брезгливо поморщилась. Теперь я уже боялась прикоснуться к чему бы то ни было, что было связано с бывшим главным магом Линарии — мне

достаточно было и прошлого амулета. И уж точно я не собиралась брать его с собой.

Но и возвращаться в дом маркиза я не хотела. Наверняка, всё то, что он говорил о выдающихся свойствах этой побрякушки, было ни чем иным, как его фантазиями. Должно быть, в его мастерской полным-полно еще таких же камней — раз они так успокаивают его и занимают его ум.

Поэтому я просто предпочла положить камень на высокий пень, мимо которого как раз проходила, и продолжила путь.

По сути, ничего нового от Дюбуа я не узнала — он лишь подтвердил догадки тетушки и то, что ранее мне рассказала сестра. Единственной полезной информацией оказалось то, что я услышала фамилию Жомини. И сам маркиз, и его супруга занимали некогда видные должности при дворе, теперь же о них в Лиме даже не упоминали. Нужно было выяснить, что с ними случилось — быть может, они тоже были отправлены в отставку.

Наверняка, Дюбуа мог рассказать еще немало интересного — нужно было только начать разговор с той самой ночи, когда Бланш отправилась в сад.

Я вздрогнула, услышав, как хрустнула ветка за моей спиной. Обернулась — в нескольких шагах от меня стоял граф д'Эрсан!

Его холодный цепкий взгляд ощупал меня с головы до пят. Не приходилось сомневаться, что он оказался тут не случайно.

Я огляделась. Мы отошли уже слишком далеко от входа в парк. Здесь всюду были высокие деревья и густо разросшиеся кустарники. Услышит ли меня кто-нибудь с улицы, если я закричу? Вряд ли.

— Добрый день, ваша светлость! — меж тем, с улыбкой поприветствовал меня граф. — не возражаете, если я составлю вам компанию?

Я отступила на шаг назад, но он не позволил мне увеличить расстояние между нами.

— Как вы оказались здесь, ваше сиятельство? — я тоже попыталась улыбнуться.

Разве не могло так случиться, что он просто проезжал мимо и всего лишь увидел из окна своей кареты, как я входила в парк? Но нет, я и сама понимала, что он оказался тут совсем не случайно.

— Я сейчас расскажу вам всё, ваша светлость! — ответил он. —
Или вы всё-таки позволите мне называть вас ваше величество?
И он отвесил мне поклон.

52. Амулет

Я, как смогла, изобразила удивление.

— Вы сошли с ума, ваше сиятельство? Почему вы обращаетесь ко мне так?

А сама судорожно пыталась понять, сумею ли я, если потребуется, нейтрализовать графа хотя бы ненадолго. Я уже заметно поднаторела в боевой магии, но передо мной стоял не кто-нибудь, а военный министр Линарии, а значит — куда более опытный боевой маг.

Я даже почти не удивилась тому, что он меня узнал. Вернее, не узнал, а догадался, что это могу быть я. Почему-то именно от Эрсана я и ожидала в первую очередь подвоха. Он столько лет находился на секретной сыскной службе, что должен был подсознательно отмечать те детали, которые могли ускользнуть от других.

Или всё-таки он блефовал?

А он буравил меня тяжелым взглядом — словно пытался отыскать на моем лице черты королевы Алессандры. Но я не собиралась ему подыгрывать, и если он ожидал, что я тут же подтвержу грохнусь в обморок, то напрасно.

Я ждала от него ответа, а заодно и тянула время. Да, этот парк мало подходил для прогулок, но всё-таки сюда тоже мог кто-то забрести.

— Я расскажу вам, ваше величество, как я пришел к такому выводу, — усмехнулся граф, — если вы соблаговолите меня выслушать. Нет, я не узнал вас — это делает честь вашему умению пользоваться иллюзорной магией. Но, тем не менее, я не сомневаюсь, что вы, ваша светлость — не кто иная, как королева Алессандра.

— А я еще раз повторю вам — вы сошли с ума, ваше сиятельство!

Даже если он уверен, что я — Алессандра, то что он может сделать? Раскрывать кому-то этот секрет не в его интересах. И зачем он решил открыть свои карты передо мной?

Я не знала, был ли он в числе заговорщиков, которые действовали против меня семь лет назад. Если нет, то самое дурное, что он может

сделать — это рассказать обо мне Этьену. Но в этом случае он не пошел бы на разговор со мной сейчас. Или он готов молчать, но хочет, чтобы я заплатила ему за это? Ну, что же, на это я могу пойти.

Второй вариант был куда хуже — если Эрсан был среди моих врагов, то так просто он меня не отпустит. И я невольно сыграла ему на руку, отправившись в этот заброшенный парк.

— Первые сомнения у меня появились, когда вы, ваша светлость, попросили меня принести вам дело королевы Алессандры, — граф, меж тем, приступил к рассказу. — То объяснение, которое вы дали своему интересу, показалось мне недостаточно убедительным. Но, разумеется, тогда еще я не готов был сделать столь смелый вывод. Я просто заинтересовался вами и решил собрать о вас дополнительные сведения. Вы же помните — я некогда был главой королевского сыска, и добывать информацию — мой хлеб. Я отправил в Антарию своего человека, который и сообщил мне, что о детстве и юности княгини Алонсо никто в Анжероне не знает. Вы появились там несколько лет назад. Я не знаю, что побудило князя Алонсо оставить вам свои имя и титул. Были ли вы его возлюбленной или тайной женой, неважно. Нет-нет, я не сужу вас за это — вы оказались в трудном положении и вынуждены были заботиться о хлебе насущном. Я даже восхищаюсь вами. Я только не понимаю, зачем вы вернулись в Линарию? Вам оказалось мало титула княгини?

— Вы бредите, ваше сиятельство! — я продолжала стоять на своем.

Пока разговор шел мирно, но я понимала, что это может измениться в любой момент. Граф был слишком опасен, и я изначально зря затеяла с ним игру.

— Давайте я всё-таки закончу цепочку своих рассуждений, ваша светлость, — улыбнулся Эрсан. — А потом вы уже сами решите, захотите ли признать мою правоту. И да, если вы всё-таки хотите знать, что же случилось семь лет назад в королевском дворце, то я готов рассказать об этом — но не княгине Алонсо, а королеве Алессандре.

Я предпочла промолчать, и он, не дождавшись ответа, продолжил:

— Итак, я понял, что под маской княгини Алонсо скрывается женщина, которая не хочет показывать свое подлинное лицо. А когда ваш человек стал расспрашивать о магах, которые входили в королевский совет семь лет назад, я окончательно убедился, что ваш

интерес к делу королевы отнюдь не случаен. И я велел своему человеку за вами следить. Я был почти уверен, что вы отправитесь к Дюбуа, и не ошибся. Как только меня известили об этом, я примчался прямо сюда. Насколько я понимаю, вы уже поговорили с маркизом? И что? Узнали что-то интересное? Не думаю. Кажется, его светлость совсем выжил из ума. Но даже если он сказал вам что-то важное, это не имеет значения. Его словам никто не поверит.

Он замолчал, а я поняла, что тоже должна что-то сказать. Что-то, что сказала бы княгиня Алонсо, будь она сама собой.

— Я всё еще не понимаю, о чём вы говорите, ваше сиятельство. Вы перепутали меня с королевой, я польщена. Но вы ошибаетесь — мой визит к маркизу Дюбуа отнюдь не связан с делом ее величества. Я всего лишь слышала, что его светлость — один из самых сильных магов Линарии и хотела кое о чём его спросить. Но это — мое частное дело, о котором я не намерена вам говорить.

Граф улыбнулся:

— Вы превосходно держитесь, ваша светлость! Но я позволю себе вам не поверить.

Я начала терять терпение:

— Вы можете думать всё, что вам угодно, сударь, но я более не намерена выслушивать ваши бредни. Позвольте мне пройти!

Но он покачал головой.

— Разве вы не поняли, ваша светлость? Я не выпущу вас отсюда! И даже если я ошибаюсь в своих подозрениях, я не смогу вас отпустить. Для меня это слишком опасно. Даже если есть хоть малейшее вероятие того, что вы — ее величество королева Алессандра, я вынужден буду заставить вас замолчать. Слишком многое поставлено на карту, ваша светлость.

Значит, он всё-таки был моим врагом. Но то, что он счел возможным признаться в этом сейчас, меня совсем не радовало. Это означало лишь, что он намерен был довершить то, что не удалось сделать его приспешникам семь лет назад.

— Быть может, ваша светлость, вы хотите меня о чём-то спросить? Так спрашивайте. Боюсь, другой возможности сделать это у вас уже не будет.

Он снял перчатку с правой руки, пошевелил пальцами. Я понимала, что это значит — он собирал на ладонь свою магическую

энергию, готовясь нанести удар. Молчать и дальше было бессмысленно. И я решилась.

— Его светлость сказал, что ни у него самого, ни у маркиза Жомини не было намерения убивать королеву. Но значит, кто-то думал по-другому. Не станете же вы утверждать, что ее величество сама спрыгнула в воду? — я продолжала говорить о королеве в третьем лице, не подтверждая догадки графа. — Приказ исходил от вас, ваше сиятельство?

Он одобрительно кивнул.

— Маски почти сброшены, ваша светлость, не так ли? В таком случае не стану отрицать — да, это было мое решение. Оба маркиза полагали, что развод с его величеством выведет вас из игры. Но, кто знает, возможно, спустя какое-то время король понял бы, что совершил ошибку, и снова приблизил бы вас к себе. Тогда всё, что мы сделали, оказалось бы напрасным. К тому же, существовала опасность, что его величество, выслушав вас по возвращению в Лиму, поверил бы именно вам, а не тем доказательствам, что мы с таким тщанием собирали. И тогда уже под ударом оказались бы мы сами. Поэтому я не мог допустить вашей встречи с королем. Вас должны были убрать еще тогда, когда погибла ваша служанка, но вы улизнули, и я испугался, что не сумею вас разыскать. А тут еще один из людей моей службы обратил внимание на то, что в ядовитом зелье, что мы подбросили к источнику, был чужой магический след — не ваш и не вашей полоумной тетки. Если бы об этом стало известно его величеству, наш план мог провалиться. А потом вы сыграли мне на руку, появившись на набережной во время движения королевского кортежа. Там, в толпе, выполнить задуманное было нетрудно. Вернее, так я думал тогда. Кто же мог знать, что вы отдали кому-то свой плащ?

— Но зачем, сударь? — спросила я. — Чего не хватало лично вам? Денег? Власти?

Он рассмеялся:

— Человеку всегда чего-нибудь да не хватает. Разве не так, ваше величество? Но, мне кажется, мы чересчур увлеклись беседой. Боюсь, на этом с откровениями придется закончить. Я рассказал вам уже довольно, чтобы удовлетворить ваше любопытство. Быть может, вы уже сбросите с себя иллюзию? Признаюсь, мне хотелось бы снова увидеть ваше лицо. Я запомнил вас такой юной, такой красивой, такой

желанной, — в темных глазах его на миг вспыхнуло что-то похожее на вождение. Вспыхнуло и тут же погасло. — Нет? Ну, что же, возможно, вы правы. Убить княгиню Алонсо мне будет проще.

На его правой ладони ошутимо заклубилась магия, но к тому моменту, как он запустил в меня бесцветный, но всё-таки различимый шар, я уже была готова к отражению удара. Я тоже успела сбросить перчатки, и навстречу его шару полетел мой.

— Вот как? — удивился он. — А вы, ваше величество, похоже, стали отличным магом. Признаться, прежде ваших способностей я не замечал. Ну, что же, так даже интересней. Так я хотя бы не стану чувствовать себя виноватым за то, что поднял руку на слабую беззащитную женщину. Да-да, как бы странно это ни звучало, но муки совести мне тоже знакомы — знали бы вы, как долго вы являлись мне в снах.

Рассказ о проснувшейся совести не помешал ему нанести новый удар, который я тоже, хоть и не без труда, но отразила. За эти семь лет я многому научилась, в том числе и от Велии. И теперь я уже способна была понять, что граф — из тех людей, которые куда лучше умеют нападать, чем защищаться.

И пока он снова собирал энергию на ладони, я наскоро сделала иллюзию странного, не известного науке зверя, что метнулся к Эрсану с другой стороны. Он довольно быстро сообразил, что это — всего лишь иллюзия, но всё-таки отвлекся, пусть и на мгновение — этого мне хватило, чтобы самой ударить его.

Граф взвыл от боли, и на правом рукаве его камзола я заметила оставленную моей магией отметину.

— Не радуйтесь, ваше величество, — зашипел он, — левой рукой я могу действовать не хуже, чем правой.

Возможно, это было и так, но его левой руке всё еще была перчатка, что тоже давало мне преимущество. Теперь уже я не отступала, а двигалась в его сторону, а он пятился, стараясь не тревожить раненую руку. А вот левой рукой он стал делать что-то странное — он судорожно дернул ворот камзола, и оторвавшиеся пуговицы посыпались на траву. Он порвал и кружево рубашки, и на его обнажившейся груди я увидела темно-фиолетовый камень. Точно такой же совсем недавно дал мне маркиз Дюбуа. Только этот камушек висел на золотой цепи.

Я не могла понять его манипуляций и потому не стала обращать на них внимания, продолжая наносить графу удар за ударом. Но странное дело — теперь они уже не причиняли ему вреда.

Он выставил магический щит? Нет, я бы почувствовала это. Но что же тогда?

Я пробовала снова и снова, но безуспешно.

Граф хрипло рассмеялся:

— Не старайтесь, ваше величество! Это — слишком сильный амулет, чтобы вы смогли пробить его защиту.

Так, значит, это — амулет! Амулет маркиза Дюбуа!

Его сиятельство кивнул, будто прочитав мои мысли:

— Наверняка, его светлость рассказал вам о нём? Это предмет его особой гордости. А вы — дайте угадаю! — ему не поверили. Я и сам когда-то полагал, что это — не более, чем бредни фанатика-мага. Маркиз был одержим идеей сделать для его величества амулет, который защищал бы того даже на расстоянии. Амулет, настроенный на магию Эллинаров. На подбор подходящего материала он потратил огромные средства. Но, надо признать, ему удалось достичь цели. Я — не Эллинар, но даже вокруг меня этот камушек создает броню — теперь, ваше величество, вы и сами видите это. Страшно представить, на что он оказался бы способным, если бы попал в руки его величества. Да, я обещал маркизу, что передам его королю, но когда понял, какой силой он обладает, решил оставить его себе. В конце концов, у его величества есть армия, и личная гвардия, и придворные, которые обязаны его защищать. А я — всего лишь граф, у которого полным-полно врагов. И теперь я лишний раз убедился, что поступил правильно.

И всё-таки я попыталась нанести еще один удар, вложив в него всю ту энергию, что у меня еще оставалась. Но нет — напрасно — граф даже не пошатнулся.

Правда, мне почти удалось обогнуть его, и теперь уже ближе к выходу из парка находилась я, а не он. Но я была ослаблена, а он, напротив, подкопил энергию.

— Вы же не думаете, что я позволю вам уйти, ваше величество? — вслед за словами я получила в спину и удар его магией, который сшиб меня с ног.

Правда, я тут же вскочила. Мне снова пришлось повернуться к Эрсану лицом.

— Этот удар станет последним, ваше величество! — на сей раз он говорил почти спокойно, без гнева и без злорадства. Он понимал, что выиграл этот бой. И не только этот.

Он стоял в нескольких шагах от меня и уже занес для удара руку. Я сжалась, собирая остатки сил, чтобы выставить щит. Но этот щит был слишком тонким, чтобы меня защитить.

Нет, слёз у меня не было. Было лишь сожаление, что никто не узнает правду, и Эрсан снова останется безнаказанным. Зачем, зачем я вернулась в Лиму? Вообразила, что смогу тягаться с теми, кто был гораздо опытнее в дворцовых интригах. И сейчас я боялась не за себя — за сына, за Лео, за отца и сестру.

Всё переменялось в одну секунду — вот только что щит был почти прозрачным, словно паутинка, и вдруг превратился почти в броню. Я и почувствовала, и почти увидела другую, незнакомую мне магию, что переплеталась с моей, подпитывая ее, передавая ей силы.

Граф тоже почувствовал это, и его магический шар полетел не в меня, а в ту сторону, откуда эта новая магия лилась.

Я обернулась и похолодела от ужаса — чуть в стороне от меня, на тропинке стоял Андрэ.

53. Маленький Эллинар

Я попыталась перекинуть щит на сына — чтобы смягчить удар, но понимала, что даже этого сделать не смогу. А он стоял — такой маленький и беззащитный, — и смотрел на графа.

Время словно замедлилось, и я замечала каждое движение, каждый взгляд. Вот Эрсан понял, что имеет дело с ребенком, и облегченная улыбка появилась на его губах. Но он не сделал ничего, чтобы изменить линию движения своего магического шара. А быть может, делать это он просто не умел.

Я закричала. Наверно, Андрэ мог бы пригнуться или отскочить в сторону, но он продолжал бесстрашно стоять на тропинке. Теперь я смотрела только на сына и потому не сразу поняла, что случилось.

Сначала шар вдруг исчез — словно его и не было вовсе. Он будто растворился в воздухе. А потом я услышала крик Эрсана. Но только убедившись, что с Андрэ всё в порядке, я перевела взгляд на графа.

А тот стоял на земле на коленях и судорожно пытался сорвать с себя амулет. Я не сразу заметила, что темно-фиолетовый камень словно горел у него на груди, опалая кожу, впиваясь в неё.

Я подбежала к сыну, заслонила его собой, тем самым и не давая ему смотреть на то, как корчился от боли наш противник. А граф уже был по-звериному, и это было так страшно, что мне хотелось закрыть уши руками. Его лицо было искажено судорогой, а почти безумный от муки взгляд был устремлен на нас. Я не была целительницей, и я не знала, как ему помочь.

— Так ваш сын — Эллинар?! — прохрипел он, когда я, набравшись смелости, подошла поближе.

Камень будто выгорел изнутри и оплавился по краям. Амулет, которым так гордился Дюбуа, более не существовал.

— Маркиз не обманул, — губы Эрсана дернулись в дикой ухмылке, — амулет защищает королевскую кровь даже на расстоянии. Если бы я знал...

Он не договорил и рухнул на землю уже бездыханным.

— Он умер, мама? — шепотом спросил Андрэ.

Я почувствовала подступающую к горлу тошноту и схватила сына за руку. Нам нужно было убираться из парка как можно скорей — пока нас никто не увидел. Когда тело графа обнаружат, маги и сыщики станут рыскать тут повсюду.

— Идём, дорогой. Нам нужно ехать домой.

По дороге к воротам я завернул к пню, на котором оставила амулет, что мне дал Дюбуа. Теперь, когда я осознала его ценность, я уже не готова была от него отказаться.

Мы никого не встретили ни в парке, ни у его ворот и добрались до своей кареты без происшествий. А там уже рыдала и рвала на себе волосы бедняжка Грейси.

— Ваша светлость, вы нашли его? Какое счастье! Я отвлеклась только на минутку — чтобы купить его светлости воды с сиропом, а когда оглянулась, его уже не было в кондитерской.

Мы с Андрэ успокоили ее как могли, но она продолжала всхлипывать всю дорогу до дома. Я видела, что сын из-за этого чувствовал себя виноватым и даже радовалась этому — разговоры с Грейси отвлекали его от воспоминаний о страшной сцене, при которой он недавно присутствовал.

Сама же я только в карете осознала, что случилось с самим Андрэ. В нём проснулась магия! Значит, вода из королевского источника всё-таки подействовала! Значит, все разговоры о том, что она ушла из дворцового фонтана, были не более, чем слухами!

Признаться, я почувствовала облегчение. В глубине души я понимала, что всё-таки волнуюсь за Этьена. И пусть мы были теперь чужими людьми, но я не желала ему зла. И я знала, как важно для него было, чтобы магия из источника не ушла.

Едва мы переступили порог дома, я передала сына няне и побежала в комнату Лео. Я должна была рассказать ей о том, что случилось с Андрэ! И Велии! Потом, когда я осмыслю всё то, что произошло в парке, я расскажу и о графе Эрсане. Но сначала — об Андрэ!

— Лео! Лео! — закричала я, распахивая двери. — Ты представить не можешь, что сегодня случилось!

Стоявшая у окна тетя обернулась и покачала головой:

— Ну, что ты раскричалась, переполошная? Подожди, ты расскажешь мне о прогулке чуть позже. Потому что мне тоже есть что тебе сообщить. И, поверь, это куда важнее.

Я рассмеялась. Она не понимала, о чём говорила! Сегодня не могло быть ничего более важного, чем проснувшаяся в Андрэ магия.

Но Лео поманила меня к окну, и когда я подошла, еще дальше отодвинула штору.

Я посмотрела в сад, и восторженный вздох сорвался с моих губ — струи воды в нашем маленьком фонтане сегодня были разноцветными! И они взлетали выше крон стоявших рядом деревьев, и казалось, что небо расцвечено тысячами крохотных ярких солнц.

— Но это невозможно! — прошептала я.

Лео хмыкнула, а стоявшая у другого окна Велия возразила:

— Ну, почему же невозможно, дорогая? Источнику пытались подсунуть фальшивого Эллинара, и он решил сам найти настоящего!

От этой картины было трудно оторвать взгляд, и я была так ею заморожена, что не сразу осознала всю опасность нового положения.

— Такого никогда прежде не случилось! — я еще цеплялась за соломинку.

— Андрэ уже не мучают приступы по утрам, барон Робер поднялся на ноги, хотя врачи отказывали ему в этом, — перечисляла тетушка, — а наша кухарка, брак которой пять лет был бесплодным, вчера обнаружила, что, наконец, понесла.

— Но значит, слухи об исчезновении магии из источника в королевском саду — вовсе не слухи, — пролепетала я, ощущая, как страх возвращается в сердце.

— Именно так, Лесси! — подтвердила Лео. — А еще это значит, что тебе нужно принять уже какое-то решение. Медлить и дольше нельзя. Рано или поздно то, что творится у нас в саду, заметят и остальные — барон, слуги, прохожие с площади, наконец. Ты должна решить, возвращаемся ли мы в Антарию или остаемся здесь. Но если мы остаемся в Лиме, скрывать правду станет невозможным.

Обычно кроткая Велия, никогда не настаивавшая на своем, на сей раз строго сказала, обращаясь к Лео:

— Что ты такое говоришь, милочка? Как можно уехать от источника, который сам к нам пришел? Это знак того, что он признал нашего малыша, и судьба его уже определена.

Они сцепились взглядами, и в комнате повисло напряжение.

— Хорошо! — громко сказала я. — Завтра я поговорю с Этьеном! — тетушка нахмурилась, а Велия просияла, и я решила пояснить. — Нет, это не означает, что я расскажу ему правду. Я просто с ним поговорю — чтобы узнать, насколько серьезные проблемы сейчас во дворце. А потом уже приму решение. Но для этого мне нужно хотя бы переодеться.

Только тут они заметили, что мое платье было измято, а кружево на рукавах порвано в нескольких местах, и испуганно заохали. И мне пришлось всё им рассказать — и о графе д'Эрсан, и о пробуждении магии Андрэ, и об амулете маркиза, который я намерена была повесить сыну на шею.

Это только укрепило их на прежних позициях. Велия снова заговорила о том, что мы должны открыть королю правду, Лео же, напротив, еще больше настаивала на отъезде. Я предоставила им возможность обсудить это тет-а-тет и отправилась в свою комнату. Утром я собиралась ехать во дворец.

54. Правда короля

Внешне во дворце всё было как обычно — и в коридорах, и в саду сновало много придворных и слуг. Правда, еще на входе мне сообщили, что его величество уже несколько дней как никого не принимает, но я всё-таки решила дойти хотя бы до секретаря.

Зачем я шла к Этьену? Я не знала и сама. Я всё еще не готова была открыть ему свою правду, но хотела узнать хотя бы его. Мне нужно было задать ему всего несколько вопросов — чтобы понять, чего я хочу — мести или прощения. Я должна была узнать, что случилось семь лет назад — узнать от него самого.

— Ваша светлость? — франтоватый секретарь вытянулся передо мной в струнку. — Я доложу его величеству о вас. Он никого не принимает, но...

Он замялся, и я догадалась, что когда-то Этьен сделал для меня исключение, но оно было сделано тогда, когда всё еще было хорошо, и теперь секретарь был не уверен, что оно всё еще действует.

— Прощу вас, ваша светлость, подождите.

Он скрылся за дверьми кабинета короля, но довольно быстро вернулся. И по тому, что улыбка его стала еще более подобострастной, я поняла, что в глазах всего двора я всё еще — фаворитка его величества. Ну, что же, если это дает определенные преимущества, то пусть думают, что хотят. Потом, когда мы уедем из Линарии, всё это будет уже неважно.

Этьен стоял у окна, и хотя он улыбнулся мне, в этой улыбке было столько затаенной грусти, что мое сердце трепыхнулось. Я знала, куда выходили окна его кабинета — сама когда-то часто смотрела отсюда в сад — на магический источник.

— Счастлив, что вы решили меня навестить, ваша светлость!

Он предложил мне присесть, но я предпочла разговаривать стоя и тоже подошла к окну, впрочем, остановившись от Этьена на приличном расстоянии.

— Герцог Гальярдо уже известил меня о смерти Родриго Пятнадцатого. Мне очень жаль. Я уже отправил в Антарию дипломатическую почту с выражением соболезнования королевской семье и народу вашей страны.

Я наклонила голову, и мы некоторое время молчали, отдавая усопшему дань памяти.

— Надеюсь, сын его величества окажется не менее дружелюбен к Линарии, и курс на восстановление добрососедских отношений между нашими странами будет продолжен.

Я истолковала это по-своему:

— Мне очень жаль, ваше величество, что переговоры о вашем браке с ее высочеством пришлось отложить.

А он усмехнулся:

— Нет-нет, ваша светлость, это — как раз не то, о чём стоит сожалеть. Боюсь, наш союз с принцессой Кьярой не принес бы ничего хорошего ни ей, ни мне.

При этом он смотрел на меня так пристально и так многозначительно, что я почувствовала себя неуютно. Мое решение уехать из Линарии было крепко как никогда. Но почему же сейчас я так смущаюсь от его взгляда? словно юная девушка, какой я была тогда, когда впервые встретилась с ним. Я чувствовала, что еще секунда — и случится что-то, что изменит всё — меня, Этьена, Линарию...

А Этьен подошел ближе. Теперь я уже могла коснуться его рукой. Или он меня. И я боялась этого. И я этого хотела!

И когда он положил руки мне на плечи, я не оттолкнула его, не выразила возмущения, не попыталась уйти. Его лицо было совсем близко, а его губы уже почти касались моих. Я чувствовала дрожь.

Я презирала себя за эту слабость, но ничего не могла с собой поделать. Я почти хотела, чтобы он меня поцеловал.

Я хотела хоть на миг вернуться в прошлое — в то время, когда мы были так счастливы и беззаботны. Всего на миг. Это будет наш последний с ним поцелуй. А потом я уеду. Я даже ничего не стану спрашивать у него. Иногда лучше не знать того, что способно причинить боль. И почему я не подумала об этом раньше?

И когда Этьен вдруг резко отстранился, я почувствовала разочарование. И обиду! А когда по его изменившемуся взгляду я

догадалась, что он понял это, мне стало еще и стыдно.

— Простите, ваше величество, я должна идти. Я всего лишь хотела сказать, что я тоже возвращаюсь в Антарию, и поблагодарить вас за радушный прием в Лиме.

Зачем я вообще сюда пришла? Чего я ждала от этой встречи? Теперь эта унижительная сцена будет преследовать меня, как бы я ни старалась ее забыть.

Я отступила назад.

— Подождите, ваша светлость! — Этьен схватил меня за руку. — Простите, я невольно обидел вас. Но прежде, чем вы уйдете, позвольте мне вам кое-что показать! Обещаю, это не займет много времени. Прошу вас — пойдите со мной!

И первым направился к дверям.

Любопытство взяло верх над осторожностью. Что он хочет показать мне? И где? Я была почти уверена, что мы пойдём к источнику, и потому удивилась, когда, выйдя из кабинета, Этьен повернул не в сторону парадной лестницы.

Он шел довольно быстро, и мне приходилось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Мы прошли через анфиладу роскошных комнат, предназначенных для приема гостей — розовую гостиную, голубую гостиную, ореховую курительную. За семь лет в них почти ничего не изменилось.

Но когда мы свернули в коридор, который вел в апартаменты, что некогда были моими, я замедлила шаг. С какой целью он привел меня сюда?

Мыслей было так много, что я ощутила головокружение. Он догадался, кто я такая? Нет, этого не могло быть! Если бы догадался, то не стал бы сидеть во дворце и ждать, когда я приду к нему сама — ведь я могла и не прийти, а ограничиться письменной благодарностью перед отъездом.

Но остановился он именно перед дверьми, которые вели в мой бывший будуар. Что теперь скрывалось за ними?

Он распахнул их, и я едва сдержала изумленный вздох. Этак комната будто по-прежнему была моей. Обитые светло-кремовым шелком стены, голубые портьеры на окнах, бело-золотистое трюмо с лежащей на нем книгой и канапе у окна. Словно время остановилось.

Я переступила через порог, слыша, как громко стучит мое сердце. И всё-таки вскрикнула.

Нет, кое-что здесь всё-таки изменилось. На стене справа от дверей появился огромный портрет, которого тут не было прежде. Портрет королевы Алессандры. Мой портрет.

Я не знала, что за художник меня изобразил — я не помнила, чтобы кто-то рисовал меня именно в этом платье. Мне потребовалось схватиться за руку Этьена, чтобы не упасть.

— Простите, ваша светлость, — его величество казался виноватым, — наверно, я не должен был приводить вас сюда. Но иначе я не смог бы объяснить, не сумел. Вы мне понравились с первого взгляда. Как только вы появились в Лиме, я сразу понял, что не смогу остаться равнодушным. Я уже много лет задыхался во дворце. Вы стали глотком свежего воздуха.

Почему ему потребовалось говорить это здесь? Показать портрет бывшей возлюбленной — не самый лучший способ произвести впечатление на понравившуюся женщину.

— Я знаю, что при дворе пошли слухи о наших отношениях — к сожалению, даже моей власти оказалось недостаточно, чтобы их пресечь. Прошу у вас прощения за это. Наверно, если бы я уважал вас чуть меньше, я бы постарался сделать так, чтобы это были не просто слухи... Но поверьте — я не искатель мимолетных отношений, что бы про меня ни говорили. Я не сумел бы дать вам того, чего вы, несомненно, заслуживаете. Ни вам, ни принцессе Кьяре. Я всегда был уверен в том, что настоящая любовь дается человеку только раз в жизни. И такая любовь у меня уже была.

Мне стало дурно. Да, я хотела расспросить его о прошлом, но сама же оказалась не готова к его рассказу. И я не верила ему!

Если бы он тогда любил меня по-настоящему, то не предал бы, не расторг бы наш брак. Или, по крайней мере, нашел бы в себе силы сделать это в открытую, не прячась за строчками письма.

Наверно, я побледнела, потому что он вызвал слугу и велел принести воды. Сам же заботливо усадил меня на канапе и распахнул окно.

— Я не должен был приводить вас сюда, — повторил он.

Да, не должен! Но это — не главная ошибка, которую ты совершил. Те, прежние, были куда страшнее. Ты должен был бороться

за меня семь лет назад! Защитить меня от того воронья, что набросилось на меня в твоём доме! Мне так и хотелось выкрикнуть это ему в лицо, и чтобы удержаться от этого, я вцепилась в принесенный слугой фужер. Но от этого стало только хуже — зубы застучали о хрусталь, выдавая мое волнение.

А поскольку Этьен ждал от меня хоть каких-то слов, я спросила:

— Это комната королевы Алессандры? Простите за дерзость, ваше величество, но я слышала, что незадолго до ее смерти вы развелись. Быть может, это всего лишь слухи, но даже они не появляются на пустом месте. И если вы так любили вашу супругу, то...

Его лицо исказила судорога.

— Если вы готовы меня выслушать, ваша светлость, то я расскажу вам всё. Мне давно уже хотелось сделать это, но найти человека, перед которым можно излить душу, очень сложно. А вы скоро уедете из Линарии и наверняка забудете обо всём.

Я кивнула, позволяя ему так думать. Хотя знала, что не смогу ничего забыть. Что каждое сказанное им слово запечатлется у меня в памяти и будет отзываться в сердце.

— Когда мы познакомились с Алессандрой, я играл чужую роль. И она полюбила меня, не зная, что я — король. Она — дочь маркиза — была добра и участлива к простому шевалье, каковым я представился ей. Вы понимаете, какое это было счастье — знать, что она полюбила меня не за титул и не за те привилегии, что ей мог дать брак со мной?

У него подозрительно заблестели глаза, и он отвернулся. Я не сказала ничего — боялась, что дрогнет голос. Да ему и не нужны были мои слова. Он просто хотел выговориться.

— Мы были счастливы каждый день из всех трех лет нашего брака. Возможно, именно это нас и погубило. Моя жена была открыта и честна — и со мной, и со всеми остальными. Наверно, я должен был предупредить ее, что мир не всегда бывает таким добрым и светлым, каким она привыкла его видеть. Но я боялся, что это изменит ее саму, и не хотел этого. Я был уверен, что все в Линарии — от вельможи до крестьянина — оценят доброту и чистоту Лессы и полюбят ее так же искренне, как любил ее я сам. А для того, чтобы ограждать ее от забот, рядом был я.

— Но вы не сумели этого сделать, не так ли? — я всё-таки не смогла промолчать.

Но он не обиделся и не разозлился.

— Да, не сумел. Удар был слишком неожиданным, и я не смог его предотвратить. Я тогда находился с визитом в вашей стране, ваша светлость. Это был первый дипломатический визит в Антарию за несколько десятилетий. Мы только-только стали налаживать отношения, и я всё время ждал от ваших соотечественников какого-то подвоха, а потому не взял с собой в Анжерон Алессандру. Тогда я не понимал, что опасность исходила совсем не от антарийцев. Впрочем, ваш непривычный для нас климат сыграл свою роль — я тяжело заболел, и маг-целитель, который был в моей свите, с трудом поставил меня на ноги. А когда визит уже подходил к концу, я получил депешу из Лимы исключительной секретности — от главы Совета магов маркиза Дюбуа. В ней содержалось страшное обвинение — будто бы королева пыталась осквернить магический источник. Вы — чужестранка, ваша светлость, и вам трудно понять, сколь много значит этот источник для Линарии. Им подпитывается наша магия — каждого из нас. И в своде наших законов за такое преступление лишь одно наказание — смертная казнь. А вслед за депешей прибыл и сам маркиз Дюбуа. Он подтвердил, что доказательства вины Алессандры показались убедительными всем без исключения членам Совета магов.

— И вы поверили этим доказательствам? — прошептала я.

Он откликнулся мгновенно:

— Конечно, нет! Лесса никогда не сделала бы ничего такого, что нанесло бы вред мне или Линарии. Маркиз полагал, что она поддалась панике, когда узнала о слухах, что ходили при дворе — что якобы я был намерен развестись с ней из-за того, что у нас не было детей. Но это была такая чушь! Я не сомневался — у нас непременно рано или поздно родился бы сын. И даже если бы вдруг моя жена поверила этим слухам, она не смогла бы причинить мне зло. Она не смогла бы поднять руку даже на укусившую ее собаку! Я знал ее лучше, чем кто бы то ни было. А маркиз Дюбуа не знал, и его мои слова не убедили. Он боялся, что, если мы не накажем виновную, источник обидится, и магия вновь из него уйдет — как уже было однажды. Именно поэтому Совет магов вынес Алессандре приговор. Приговор, отменить который, согласно законам, был не в силах даже я. Да, осквернение источника было в Линарии единственным преступлением, по которому помиловать преступника не мог даже король.

Он надолго замолчал, но я не сразу решилась потребовать продолжения рассказа. Эту часть истории я знала и сама. Меня интересовало, что случилось дальше. И всё-таки я спросила:

— А потом?

— Я сказал Дюбуа, что если приговор вступит в силу, то я уничтожу их всех — каждого из членов Совета магов. Блефовал ли я? Возможно. Но я знал, что угроза подействует. Куда больше интересов Линарии их волновали собственные шкуры. А мне всего лишь нужно было выиграть время. Время на то, чтобы вернуться домой и узнать, что же случилось у источника на самом деле.

Я слушала его, затаив дыхание. Быть может, он всё-таки боролся за меня? Пусть и проиграл в той борьбе. Конечно, это ничего уже не меняло, но мне нужно было это знать.

— Маркиз не сразу, но пошел на попятную. Он сказал, что убедит членов Совета, что королева пыталась совершить преступление в припадке безумия и потому нуждается в снисхождении. Но он продолжал настаивать на том, чтобы умиловить источник, Алессандра должна понести наказание и, по крайней мере, быть изгнана из дворца.

— И вы решили, что развод гуманнее казни? — выдохнула я.

— Что? — он будто очнулся ото сна и посмотрел на меня с недоумением. — Развод? Не было никакого развода!

Я вцепилась в обивку канапе с такой силой, что уже не новая ткань треснула. Что он такое говорит? Я сама держала в руках два письма — от него самого и от епископа Лимы!

— Ах, да! Мне пришлось убедить маркиза, что развод состоялся — только так я мог быть уверен, что Лессе не причинят вреда. Лимский епископ, который был в Антарии со мной и которому я рассказал всё без утайки, согласился поставить свою подпись под документом о нашем разводе. Но никакого обряда расторжения брака он не совершал! Сам я тоже написал несколько писем. Одно — Алессандре, извещая ее о том, что наш брак расторгнут, и что ей надлежит вернуться в родной дом в Сурель. Другое — первому министру герцогу де Крелону, в котором сообщил ему о разводе и попросил его помочь моей якобы бывшей жене выехать в Сурель. Я надеялся, что в своем родном маркизате она будет в безопасности.

Теперь я уже не могла сдержать слёз, и из-за них я плохо видела лицо Этьена.

— А вы не думали, ваше величество, что известие, что получила королева, могло оказаться для нее столь же страшным, как и казнь, от которой вы пытались ее защитить? — выдохнула я. — Что она должна была почувствовать, прочитав ваше письмо? И почему вы сами сразу же не отправились в Лиму?

Он воспринял мои упреки как должное, и голова его склонилась еще ниже.

— Я выехал из Анжерона сразу же, как узнал обо всём. Но я уже говорил вам, что был нездоров. Сильнейший жар не позволял мне держаться в седле. А медлить было нельзя — если бы я провалился в бесспамятство, какой-нибудь фанатик-маг мог привести приговор в исполнение, не дожидаясь моего возвращения в Лиму. Я вынужден был ехать в карете. Но за несколько часов до того, как в Лиму выехали два посыльных с официальными бумагами, я отправил к королеве еще одного гонца — виконт де Сервес должен был доставить Алессандре совсем другое письмо, в котором я сообщал ей обо всём, что случилось. К тому моменту, как она бы получила документ, подписанный лимским епископом, она уже знала бы, что наш развод был мнимым. Я просил ее уничтожить это письмо сразу же после прочтения, а потом без возражений отправиться в Сурель и там ждать от меня вестей. Она должна была знать, что я по-прежнему ее любил!

Мои слёзы уже высохли, а вот его темные глаза, напротив, были ими полны.

— Если бы я знал, что виконт не доедет! Если бы я знал, что Лесса не получит моего первого письма! Если бы я знал...

55. Продолжение рассказа

— Что же случилось с виконтом? — пролепетала я.

Я уже слышала его имя от шевалье де Ламажа, поэтому подтверждение хотя бы этих слов у меня было.

Этьен покачал головой:

— Я не знаю. О том, что он не добрался до дворца я узнал только спустя несколько дней. Он бесследно исчез. Была ли это случайность, или его убили те, кто хотел навредить Алессандре, я не знаю. Но я склоняюсь ко второму варианту.

— Но кому понадобилось ей вредить? И отомстили ли вы тем, кто это сделал?

Я уже знала, кем они были. Только не знала, как о них узнал его величество. И что случилось с супругами Жомини?

— Когда я, наконец, добрался до Лимы, — Этьен предпочел не отвечать на мои вопросы, а продолжить повествование, — я был уверен, что Алессандра уже в Суреле. Для меня было шоком узнать, что она исчезла. А когда я понял, что она не получила моего первого письма, чуть не сошел с ума от отчаяния. А потом...

Я знала, что было потом — в реке нашли тело Ванесс.

— Я слышала, у ее величества помутился рассудок, и она прыгнула в реку в центре Лимы.

— Да, — с губ Этьена сорвался тяжкий вздох, — именно так я думал тогда. Знать о том, что она покончила с собой из-за того, что я допустил столько ошибок, было невыносимо! Когда мне сообщили, что ее тело нашли, я вновь провалился в забытие — болезнь вернулась. Возможно, только это и спасло мой рассудок. Я провел в постели в бреду больше двух недель. Мне до сих пор больно думать о том, что я не присутствовал даже на погребении Алессандры, не отдал ей последнюю дань памяти. И даже когда я поднялся с постели, я уже не был прежним собой. Вы спрашивали, отомстил ли я врагам? О, я был полон решимости это сделать. Это позволило бы мне переложить на других хотя бы часть своей вины, о которой я помнил и днём, и ночью.

Я затребовал у маркиза Дюбуа все данные, на основании которых они обвинили королеву, и тщательно их изучил. Я по-прежнему был уверен, что Алессандра не выходила в ту ночь к источнику. Но стражники, с каждым из которых я разговаривал лично, в один голос утверждали, что видели там женщину. В той части сада, куда могли пройти только мы с Лессой! Значит, либо маги, которые устанавливали ловушки, умышленно или случайно допустили ошибку, либо там был кто-то, кого с королевой перепутали даже ловушки.

Я слушала его, затаив дыхание. Верила ли я ему? Да, пожалуй. Зачем бы ему было врать княгине Алонсо — ведь изначально я сама совсем не спрашивала его об этом.

— У моей супруги была младшая сестра, их магия была удивительно похожей. И я подумал — может быть, в саду была не Лесса, а Бланш?

Мое сердце снова бешено запрыгало.

— Мадемуазель де Сурель всё еще находилась во дворце — ее состояние было еще хуже, чем моё. Но я был намерен поговорить с ней самым серьезным образом. Я подумал, что, быть может, она вовсе не больна, а лишь искусно притворяется. Я сам пришел в ее покои, и хотя ее горничная просила меня остановиться, прошел к ее постели. Бланш металась в бреду и всё повторяла имя Алессандры. Наверно, это было недостойно дворянина, но я довольно долго пробыл в ее комнате и услышал достаточно, чтобы понять — именно она была в ту ночь в саду. В бреду она просила у сестры прощения.

Он снова надолго замолчал.

— Что же толкнуло ее на это преступление? — тихо спросила я.

— Мне не хотелось бы об этом говорить, — нахмурился он. — Но уж поскольку начал... Из ее почти бессвязных слов я понял, что она была ко мне равнодушна. Не знаю, что внушило ей мысль, что устранение сестры даст ей шанс на мое внимание — уверяю, я не давал ей никаких надежд и вовсе не имел понятия об ее чувствах.

— И что вы сделали?

Он хмыкнул:

— А что, вы полагаете, я мог сделать? Отправить ее на плаху за преступление, в котором напрасно обвинили Алессандру? Я слишком хорошо знал свою жену и понимал, что она никогда не одобрила бы этого. Бланш раскаивалась, пусть и в бреду, и я понимал, что самой

страшной мукой будут для нее воспоминания о совершенном. Я не хотел, чтобы старый маркиз де Сурель, лишившись одной дочери, потерял еще и вторую — правда убила бы его.

Я уже снова плакала. Отец — согбенный, с поникшими плечами — каким я видела его несколько месяцев назад, так и стоял передо мной.

— Когда мадемуазель поправилась, она съехала из дворца. С тех пор я не видел ее ни разу. Но я слышал, что в Сурель она так и не вернулась — должно быть, совесть не позволила ей взглянуть в глаза отца.

Я судорожно размышляла. Означал ли этот рассказ, что Этьен так и не понял, что во всём была виновна совсем не Бланш? Но куда тогда девался маркиз Жомини? И почему маркиз Дюбуа был отправлен в отставку?

Но оказалось, что рассказ был еще не окончен, и его величество вернулся к нему после того, как выпил воды из бокала.

— Я полностью обновил весь состав Совета магов — никто из тех, кто признал Алессандру виновной, не сохранил свое место. Но это не принесло мне облегчения — после гибели Лессы уже ничто не радовало меня. Но я помнил о долге перед страной и потому, когда вельможи обратились ко мне с прошением заключить-таки брак с принцессой одной из соседних стран, я не стал возражать — линарийскому престолу требовался наследник. Выбор пал на младшую дочь короля Нурландии, переговоры начались, и вскоре было объявлено о нашей помолвке.

Это была еще одна из загадок, ответа на которые я не знала, и я полюбопытствовала:

— По какой же причине вы потом разорвали ее?

— Официальной причиной была несовместимость магии — у меня и у невесты. Но на самом деле всё было куда сложнее. Быть может, вы слышали, что на севере Нурландии есть месторождение особо ценных рубинов — эти камни так сильно пропитываются магией гор, что являются мечтой любого мага. Когда нурландская делегация прибыла в Лиму, мне в подарок привезли как раз несколько крупных рубинов. На одном из приемов я заметил на маркизе Жомини украшение, в котором тоже был нурландский рубин — только размером поменьше. Я обратил на это внимание, но не придал этому

значения — в конце концов, Жомини был министром финансов, и возможно, нурландцы просто искали расположения высших сановников нашей страны. Но когда такой же рубин я заметил в кольце на пальце маркиза Дюбуа, я уже не мог игнорировать это. С чего бы нурландцам делать столь ценный подарок человеку, который уже не занимал никакого поста и, более того, находился у меня в немилости. И я впервые подумал — а было ли случайным то обвинение, что Дюбуа выдвинул против королевы Алессандры? И не играл ли маркиз на чужой стороне? Ответы мне нужны были срочно, и я не стал мелочиться, а велел задержать и допросить с пристрастием и бывшего главного мага Линарии, и министра финансов.

Я боялась даже дышать, опасаясь неосторожным жестом или словом прервать его монолог.

— Дюбуа держался до последнего, а вот Жомини сдался, стоило только дознавателю сообщить ему, что по обвинению в государственной измене будут казнены не только он, но и его супруга, и его сыновья. Тогда-то он и рассказал всё — оказывается, его светлость рассчитывал на мой брак с нурландской принцессой еще до того, как я женился на Лессе. За то, что он поспособствует этому союзу, он получил из-за границы немалые средства. Мое знакомство с Алессандрой спутало эти планы. Но оба маркиза решили, что если у нас с Лессой не будет детей, то брак рано или поздно распадется, и тогда они снова предложат мне руку и сердце принцессы. Не поверите, ваша светлость, но они опаивали мою жену какими-то отварами, мешавшими ей забеременеть. А позднее решились и на более жесткие меры. Да, Бланш Сурель не случайно оказалась в саду в ту ночь — она сделала это по наущению Дюбуа.

— Что стало с этими людьми? — меня передернуло от отвращения.

— Жомини утверждал, что его супруга ничего не знала, но преступление было слишком серьезным. И их самих, и их сыновей лишили титулов и имущества, а потом с помощью амулета забвения — и памяти. Их сослали на рудники, где они находятся и по сей день. И я полагаю, что поступил с ними еще милосердно — они не помнят прошлого, а значит, и не страдают из-за потери своего бывшего положения. Барон Дюбуа же должен был быть казнен — поскольку признался во всём не добровольно, а только под тяжестью улики. Я

разговаривал с ним лично, и он пытался убедить меня, что делал это ради моего же блага и ради блага Линарии. Рассказывал о каком-то амулете, ради создания которого пожертвовал всем. Но как только он осознал, что его ждет, он лишился рассудка. Мог ли я казнить безумца? Мог, но делать этого не стал. Он был удален от двора и сейчас влачит существование в одном из пригородов Лимы. А помолвка с нурландской принцессой была расторгнута — несмотря на выгоды, которые это брак сулил нашей стране, мне невыносима была сама мысль о том, что именно принцесса, пусть и невольно, стала причиной гибели Алесандры. Но что же вы не спросите, ваша светлость, был ли наказан главный виновник того, что случилось семь лет назад?

Я, не понимая, о ком он говорит, посмотрела на него с недоумением. Он подошел к окну и поманил меня за собой.

— Смотрите, ваша светлость! Вот — королевский источник, подпитывавший Линарию магией многие сотни лет. Теперь он пуст. Да-да, не удивляйтесь! Об этом еще мало кто знает, но скоро узнают все. И тогда власти Эллинаров придет конец. Вам кажется, что я слишком спокойно говорю об этом? Да, потому что это — мое наказание. Когда-то давным-давно королева Алэйна мечтала о том, что в доступе к магии линарийцы будут иметь равные права, независимо от того, где они родились — в королевском дворце или в лачуге бедняка. А мы, ее потомки, забыли ее наказ. Моя жена была похожа на Алэйну — она старалась позаботиться о каждом, кто обращался к ней за помощью без различия титулов и состояний. А мне всего лишь нужно было позаботиться о ней самой — но я не сумел сделать даже этого. И разве не будет справедливым, если такой никчемный король лишится своей короны?

Он снова замолчал — только на сей раз я уже понимала, что наш разговор окончен. Теперь он сам опустился на канапе и потерял ко мне интерес. Когда я выходила из комнаты, он смотрел на портрет Алесандры.

56. Еще один заговор

Я шла по коридорам, и встречавшиеся мне придворные и слуги почтительно кланялись мне. Я понимала, что этот разговор с королем еще больше укрепит двор в мысли, что между нами что-то есть, но теперь мне было уже всё равно.

Рассказ Этьена заставил меня посмотреть на наши прошлые отношения по-другому, но не переменил моего намерения вернуться в Антарию. Мне нужно было о многом подумать, но сделать это здесь, в Лиме, было сложно. Быть может, потом мы с Андрэ вернемся сюда, но сейчас признаться во всём его величеству я была не готова — слишком привыкла к той маске, которую носила почти семь лет. Слишком боялась снова оказаться в окружении людей, которые улыбаются тебе в лицо, держа при этом камень за пазухой.

Но сомнения по поводу правильности принятого решения у меня всё-таки были. Во-первых, источник признал Андрэ и сам перебрался к нам в дом. И увозя сына из Линарии, не пытаюсь ли я поступить против древней магии, и не отомстит ли она нам за это однажды?

Во-вторых, как выяснилось, я всё еще была женой короля, и что с этим делать, я пока не понимала. Меня тянуло к Этьену — это было трудно отрицать. Тянуло даже тогда, когда я была уверена, что он меня предал. Ни один другой мужчина за все эти годы, что мы были в разлуке, не вызвал у меня подобных чувств. Смогу ли я быть вдали от него теперь, когда знаю, как он продолжает по мне тосковать? И что я должна буду сделать, если он всё-таки решит жениться на другой? Ведь тот брак будет недействительным, а значит, пострадает ни в чем неповинная девушка, согласившаяся стать его женой.

Вопросов было больше, чем ответов, и я поняла, что пока не готова принимать решение.

— Летисия, дорогая, как я рада, что встретила вас! — отвлек меня от размышлений голос Делфины де Преваль. — Я проезжала мимо и заметила вашу карету у дворца. Вы тоже пытались повидать его величество? Говорят, он решительно никого не принимает. И, между

прочим, совершенно напрасно — так он еще больше усложняет обстановку.

Мы обнялись. И хотя сейчас я предпочла бы просто отправиться домой, я ничем этого не показала. Но и откровенничать с маркизой я была не намерена.

Мы стояли на крыльце, и Делфина вдруг остановила проходившего мимо мужчину, поприветствовавшего нас изысканным поклоном.

— Кажется, вы еще не знакомы, не правда ли? Княгиня Летисия Алонсо. Герцог Ноэль де Жервез, — представила она нас друг другу.

Министр иностранных дел был действительно еще весьма молод и, что скрывать, красив. И даже тонкий шрам на правом виске ничуть ему не вредил, а напротив, придавал особое очарование. Поэтому не удивительно, что стоявшие неподалеку дамы бросали на него самые пылкие взоры.

— Наслышан о вас, ваша светлость, — герцог поцеловал мне руку, — и давно мечтал познакомиться с вами лично.

Прозвучало это немного двусмысленно (то, что говорили обо мне в свете, трудно было назвать завидной аттестацией), и я бросила на него пылкий взгляд. Но нет, он смутился и сам, и я не стала на него сердиться — это лишь показало, что он не мастер говорить женщинам комплименты.

Уже потом, когда Делфина забралась в мою карету, она спросила:

— Не правда ли, он очень мил? И при этом весьма разборчив в отношениях, — мне показалось, или она при этом грустно вздохнула? — Поверьте — на полях боевых сражений у него куда больше побед, чем в амурных делах. Но довольно о герцоге! Я хотела поговорить с вами совсем не об этом. Но сделать это будет лучше не в карете — не возражаете, если мы нанесем визит герцогу де Крелону? Наше прошлое посещение его особняка вышло не слишком веселым, но я надеюсь, что на этот раз всё будет совсем по-другому. Его светлость хотел поговорить с вами, и я взялась передать вам его приглашение.

Мне не хотелось наносить никаких визитов, но любопытство снова взяло верх. Старый интриган опять что-то затевал, а находясь рядом с таким человеком, как он, лучше было знать о его планах из первых уст.

В особняке Крелонов многое переменилось — яркие гардины и светлые ковры были заменены на темные, и теперь интерьеры дворца сразу навевали на посетителей уныние. Сам герцог тоже был одет строго и даже мрачно. Тем не менее, он нашел в себе силы мне улыбнуться.

— Благодарю вас, княгиня, что согласились навестить старика. Я постараюсь вас не задержать, хотя разговор, ради которого я вас пригласил, весьма серьезный.

Мы расположились в гостиной, и хозяин велел принести напитки и фрукты. Но теперь я предпочла проигнорировать угощение — слишком памятен был еще прошлый прием.

— Должно быть, вы уже слышали, ваша светлость, что магия ушла из королевского источника? — начал герцог. — Пока об этом говорят вполголоса, еще боясь оскорбить этими слухами его величество, но скоро эта новость докатится до простого народа. Я сам не хотел в это верить, но, боюсь, мы вынуждены сделать это. Граф де Ла Верден, главный королевский маг, делает всё, чтобы сохранить эту тайну, но это уже невозможно. Рано или поздно газеты, в том числе и правительственные, вынуждены будут опубликовать это, и тогда Линария погрузится в хаос. Против его величества восстанут не только простолюдины, но и дворяне. Источник ясно дал понять — Эллинары обречены.

Я понимала и сама, что именно так трактуют исчезновение магии в народе. Но я-то знала, что источник отнюдь не отказался от Эллинаров, ибо сам пришел к одному из них. И я надеялась, что спустя некоторое время магия вернется в королевский фонтан, и быть может, именно наш отъезд из Лимы этому поспособствует. Если Андрэ покинет дом барона Робера, то магия наверняка вернется туда, откуда пришла.

— Понимаете ли вы, сударыня, какие потрясения ждут нашу страну? — продолжал де Крелон. — И наши соседи — эти бесчестные гиены — тут же набросятся на Линарию, чтобы растащить ее по кусочкам. Нурландия, Сигезия, Антария — никто из них не останется в стороне. Начнется война, и мы в ней проиграем — нашему народу некого будет защищать, и нам придется сдаться на милость победителей. Я понимаю, ваша светлость, Линария для вас не много

значит, но мы, будучи ее истинными патриотами, хотели бы, что наша страна сохранила свою независимость.

— Вполне разделяю ваши тревоги, ваша светлость! — осторожно сказала я.

Этого оказалось достаточно, чтобы он воодушевленно воскликнул:

— Не сомневался в этом, сударыня! И думаю, вы не будете удивлены, если узнаете, что патриотично настроенная группа дворян решила попытаться не допустить крушения Линарии. Да-да, в их числе и ваш покорный слуга.

Я перевели взгляд на сидевшую у окна Делфину, и та кивнула, подтверждая, что тоже входит в эту группу. Ну, что же, этого следовало ожидать. Но чего они пытаются добиться? Чтобы Этьен отрекся от престола? Но это лишь ускорит начало смуты. И я посчитала возможным сказать это вслух.

Герцог кивнул:

— Вы совершенно правы, ваша светлость. Как вижу, я не ошибся, решив вам открыться. Линарии нужен новый король!

— Вот как? — удивилась я. — Но, насколько мне известно, у его величества нет ни братьев, ни дядей, которые могли бы претендовать на престол. Если же претендент будет из совсем другого рода, то не вызовет ли это еще большую вражду — только уже внутри страны?

Де Крелон вздохнул:

— К сожалению, это именно так, сударыня. Возвышение одного рода неизменно приведет к зависти и заговорам со стороны других. Но, тем не менее, есть вариант, который может устроить многих. Должно быть, вы знаете, что простой народ в Линарии почитает память королевы Алессандры — ее гибель овеяна множеством тайн, и никто не удивится, если к этим тайнам добавится еще одна. Королева была добра и справедлива, и многие до сих пор скорбят о ее безвременной кончине.

Я вздрогнула. Меньше всего я ожидала услышать именно это.

— Да, — признала я, — я слышала об этом. Но какое отношение королева Алессандра имеет к текущей ситуации?

Он ответил не сразу.

— Послушайте, ваша светлость, всё то, о чем сейчас пойдет речь, крайне важно, и мне хотелось бы надеяться, что я не пожалею о своей

откровенности. Я хотел бы, чтобы всё это осталось между нами. До всех других будет доведена другая, несколько приукрашенная версия. Так вот, княгиня, скажите — могло ли так оказаться, что у его величества и королевы Алессандры был ребенок?

Я не смогла сдержать вздох изумления. Нет, в отличие от д'Эрсана, он ни на что не пытался намекать. Я видела — он не подозревал меня ни в чём. Он явно не знал, с кем говорил. Но в таком случае его слова звучали столь бессмысленно, что я засомневалась в ясности его рассудка.

Я даже посмотрела на Делфину, желая убедиться, что она слышит то же, что и я. Она чуть наклонила голову в ответ, призывая меня выслушать герцога до конца.

— Предположим, перед самой гибелью королева Алессандра родила ребенка — разумеется, мальчика. Так вот — пошел бы за этим принцем народ? Конечно!

Следовало признать — де Крелон отлично сочинял сказки. И теперь я уже не сомневалась, что та история с ребенком Энрики целиком и полностью была придумана именно им.

— Но рядом с королевой Алессандрой во дворце всё время были люди, — возразила я. — Как вы собираетесь убедить их в том, что она была беременна? Ее видели фрейлины, слуги, которые оспорят ваши слова.

— О, нет, ваша светлость, — усмехнулся герцог, — это не так. Придворных, которые были рядом с ее величеством, во дворце осталось не так много. Кто-то отправлен в отставку и находится далеко от Лимы, кто-то перешел в мир иной. Из первых вельмож, которые сохранили или улучшили свои посты, пожалуй, остались только я да граф Эрсан. Что же касается слуг, то никто из них не посмеет сказать правду. Но даже если кто-то и попытается нам возразить, то что будут значить слова какой-нибудь камеристки против моего слова и слова Эрсана?

Я хмыкнула. Он еще не знал, что граф в этом деле ему не помощник.

— Но как вы объясните, что король скрывал беременность своей супруги ото всех? Разве он не должен был бы радоваться появлению долгожданного сына?

Герцог лукаво улыбнулся:

— О, сударыня, в то время по Лиме ходили слухи, что его величество был намерен развестись со своей женой. Правда, это приписывали тому, что у них не было детей. Но предположим, что причина была другой — король влюбился в принцессу Нурландии и был намерен жениться на той любой ценой. Алессандра же только мешала ему. Он не решился убить ее, когда она была беременна — ведь это означало бы, что он поднял руку на собственного ребенка. Но как только она разрешилась от бремени, он избавился от нее. Мальчика же спрятал в одном из королевских замков на границе. В таком случае сохранить всё в тайне было в его интересах.

Он делал из Этьена чудовище. И делал это с улыбкой на устах, явно наслаждаясь ситуацией. Возможно, для него это была своеобразная месть за разбитые надежды Энрики.

— Как известно, брак с принцессой не состоялся. Мы можем объяснить это тем, что король Нурландии узнал об участии его величества в убийстве его первой супруги и не захотел, чтобы его дочь когда-нибудь постигла та же участь.

— Этому никто не поверит, ваша светлость! — я была в этом убеждена.

Но он покачал головой:

— Вы плохо знаете людей, сударыня. Они готовы поверить всему, что идет на пользу их интересам. Линарийцы понимают, что страна находится в тупике, и будут признательны любому, кто подскажет им из него выход. Нам нужно будет только найти мальчика лет семи, обладающего некоторыми магическими способностями, и народ охотно признает его наследным принцем.

Что-то в его голосе подсказало мне, что такого мальчика он уже нашел.

— Ни за что не поверю, ваша светлость, что вы готовы пойти на это исключительно ради благородной идеи спасения Линарии. Признайтесь, в чём ваш собственный интерес.

Он рассмеялся:

— Маркиза так и сказала мне, что вы не удовольствуетесь полуправдой. Ну, что же, извольте — да, мальчик, которого я намерен выдать за принца — мой внук. Надеюсь, вас не шокирует моя корысть? И предвосхищая ваши вопросы, сразу скажу — он вырос вдали от Линарии, ибо моя старшая дочь вышла замуж за иностранца против

воли семьи, и всё это время мы не общались. Возможно, вы посчитаете это ужасным, но я полагаю, что в нынешних условиях это — вполне приемлемый вариант. Моя прапрапрабабка была дочерью одного из линарийских королей, так что в наших с внуком жилах есть кровь Эллинаров. Так почему бы нам этим не воспользоваться? Никто из настоящих линарийцев не хочет, чтобы страна стала провинцией Сигезии или Нурладнии, так почему бы им не поддержать того, кто будет назван законным сыном Этьена Третьего?

Несмотря на всю абсурдность этой затеи, я понимала, что она может сработать — в отчаянии люди способных ухватиться даже за соломинку. Я только не понимала, чего же герцог хочет от меня? И спросила его об этом.

— Мы хотим предложить вам сделку, ваша светлость, — ответил он. — Для того, чтобы повернуть всё то, о чём я вам только что рассказал, нам нужны деньги, и немалые. К сожалению, вынужден признать, что я не так богат, как обо мне думают. Мои поместья приносят весьма скромный доход. А вы же понимаете — не все захотят поддержат нас бескорыстно — чье-то содействие нам придется купить. К тому же, нам нужно будет склонить на свою сторону народ. А проще всего это сделать, устроив в каждом городе пиршество по случаю обретения наследного принца. За кружку пойла и кусок хлеба простолюдины готовы будут носить его высочество на руках.

Он всё продумал, этот старый пройдоха. Реализации его планов мешал только один человек — Этьен.

— Чтобы вы поняли, сударыня, насколько серьезны наши намерения, могу сказать, что мы уже начали рассказывать эту историю тем, на чье молчание мы можем положиться. Конечно, им совершенно ни к чему знать всю правду. И могу вас заверить, что все, кому мы рассказывали о сыне королевы Алесандры, встречали эту новость с подлинным восторгом.

— В числе наших сторонников многие храбрые военачальники, за которыми пойдет армия — в том числе и герцог де Жервез, — подала, наконец, голос и Делфина. — Это — благородные люди, которые возмущены тем, что король когда-то предал своих супругу и сына, и поддерживают нас в наших устремлениях. Источник явно обозначил свое отношение к его величеству, а значит, Линария нуждается в новом короле.

Она весьма кстати вспомнила про источник, и я спросила:

— Но однажды магия может вернуться в королевский сад. Вы не боитесь, что источник не признает вашего внука?

Герцог согласился с самым серьезным видом:

— Да, есть такое вероятие. Но, быть может, как и в предыдущий раз, магия не вернется в источник в несколько ближайших столетий, а за это время много воды утечет. Надеюсь, я сумел вас заинтриговать, ваша светлость? Мы понимаем, что интересы Линарии для вас — пустой звук. Но, быть может, вы согласитесь поддержать нас финансово, если после того, как мой внук взойдет на престол, будете щедро вознаграждены за это? Я знаю, что в Антарии вы владеете весьма доходными изумрудными рудниками. Что вы скажете на то, если я пообещаю передать вам в собственность алмазные рудники, что принадлежат сейчас его величеству? Даю вам в этом слово дворянина. Конечно, сделать это сразу будет невозможно — но для начала я передам вам право на их разработку.

Он понимал, что это — лакомый кусочек, — и не сомневался в моем согласии. Я же мечтала только о том, как бы побыстрее добраться до особняка на площади Доблести и найти возможность предупредить Этьена о заговоре. Они собирались бороться с ним, прикрываясь моим именем, и даже не догадывались о том, насколько близки к правде на самом деле.

— Вы позволите мне подумать, ваша светлость?

— Разумеется, ваша светлость! — воскликнул де Крелон. — Мы будем ждать вашего ответа.

57. Похищение

Всю дорогу до дома я пыталась понять, что мне делать. Разумеется, я не собиралась помогать де Крелону — он и прежде не был мне симпатичен, а уж теперь... Но следовало, признать, что его ум, несмотря на почтенный возраст хозяина, был светел и остер.

Мне нужно сообщить о заговоре его величеству, но я понимала, что за мной наверняка следят люди герцога, и если я направлюсь прямо во дворец, они найдут способ меня остановить. Отправить Этьену письмо? Но где гарантия, что оно не попадет в руки заговорщиков? Наверняка, у них немало сторонников во дворце, а значит, доверить такую тайну бумаге я тоже не могу. Даже если я на время изменю внешность и выйду из дома в одежде служанки, я не смогу попасть на аудиенцию к королю, не назвав своего имени.

И я должна была думать не только о себе. Ради того, чтобы предупредить Этьена, я не готова была рисковать безопасностью близких мне людей. Вот если отправить Андрэ в Антарию с Лео и Велией... Тогда у меня появилось бы больше свободы.

От безуспешных попыток найти решение у меня разболелась голова, и когда карета остановилась перед крыльцом нашего особняка, я не сразу поняла, что уже оказалась дома, и распахнувший дверцу кучер посмотрел на меня с удивлением.

Едва я переступила порог, ко мне неожиданно резво подбежала Велия.

— Дорогая, наш мальчик не с тобой?

У меня помутилось перед глазами. И еще до того, как мадемуазель де Шатильон произнесла следующую фразу, я поняла, что случилось.

— Он еще совсем недавно был здесь — бегал по саду, запускал кораблики. А потом они с Грейси затеяли игру в прятки. Она не сумела его найти и забеспокоилась, не вышел ли он за ограду. Мы с Леони прочесали весь сад, но Андрэ там нет. Сейчас все слуги отправлены на площадь — там было представление бродячего театра, возможно, наш малыш решил на него посмотреть.

У нее на глазах были слёзы. Я подбадривающе пожала ей руку и побежала в сад. Но нет — сын не откликнулся и на мой голос.

— Представление на площади уже закончилось, — сказала Лео, — но там еще полно народа. Думаю, когда толпа разойдется, Андрэ сам придет домой.

Я с сомнением покачала головой. Я была почти уверена, что сын пропал не просто так. То, что это случилось сразу после моего разговора с де Крелоном, наводило на определенные мысли.

— Да, дорогая, тебе принесли письмо! — спохватилась Велия. — Я совсем забыла сказать тебе об этом.

Я схватила пахнувший лавандой конверт и заперлась в своей спальне. На конверте не было имени отправителя, но я знала, кем оно было написано. Мои руки тряслись, когда я достала исписанную мелким почерком бумагу.

«Многоуважаемая княгиня, прошу простить меня за то, что мои действия уже доставили вам определенное беспокойство. Смею надеяться, что после того, как я объясню мотивы своего поведения, вы сочтете возможным меня понять.

Думаю, вы и сами догадались, что после той откровенности, что я себе позволил в разговоре с вами, я не мог не принять некоторых предупредительных мер. За вами и за вашим домом наблюдают мои люди, и о любом вашем действии мне сразу же будет известно.

Но это отнюдь не значит, ваша светлость, что я хоть в чём-то пытаюсь вас ограничить. Я всего лишь хочу быть уверенным в том, что наш приватный разговор не станет достоянием общности.

Я просил вас о небольшом финансовом одолжении, но понял, что мое предложение вас не особо заинтересовало. Я же и мои сторонники находимся сейчас в столь уязвимом положении, что не можем пустить это дело на самотек. И я подумал, что вам потребуются дополнительные доводы для того, чтобы перестать сомневаться и ответить согласием на наше предложение. К сожалению, я не придумал ничего другого, кроме как воспользоваться для этого вашим сыном.

О, прошу вас, не беспокойтесь — у меня нет ни малейшего намерения причинить ему вред. Его светлость сейчас всего лишь является моим гостем. Предвосхищая ваше возможное желание взять мой особняк штурмом (а я понимаю, что при вашем капитале нанять

несколько десятков отважных воинов — не проблема), хочу сказать, что этим вы ничего не добьетесь. Мы держим вашего сына под надежной охраной совсем в другом месте. Но не сомневайтесь — ему обеспечены условия, которые вполне соответствуют его княжескому статусу. Более того — он находится сейчас вместе с моим внуком. Уже хотя бы поэтому вы можете быть уверены, что ваш малыш ни в чём не будет нуждаться.

К сожалению, в письме я не могу сказать большего, и понимаю, что вы захотите вернуться к нашему разговору, поэтому буду ждать вас у себя.

С наилучшими пожеланиями и заверениями в искреннейшем почтении, герцог Арно де Крелон».

Я велела закладывать карету и пообещав Лео и Велии объяснить всё несколько позднее, отправилась в особняк герцога. Первой, кого я увидела там, была Делфина. Но на сей раз я уклонилась от ее дружеских объятий.

— О, дорогая Летисия, я пыталась его отговорить, — маркиза едва не плакала. — Но когда он идет к своей цели, его невозможно остановить. Но поверьте, что он — человек слова. И он никогда не причинит вред ребенку. Если хотите, я настою на том, чтобы лично присматривать за вашим сыном. Ах, прошу вас, не сердитесь!

Она проводила меня в кабинет герцога. Его светлость сидел за столом, но поднялся сразу же после моего появления.

— Понимаю, ваша светлость, что вы не расположены обмениваться любезностями, поэтому давайте перейдем сразу к делу.

— Где мой сын? — я сжала кулаки. Если бы я была уверена, что это поможет, то разнесла бы здесь всё — и этот кабинет, и герцога, и Делфину — мне хватило бы магии. Но сумею ли я найти Андрэ сама? Наверняка, Крелон дал на такой случай соответствующие указания.

— Прошу вас, ваша светлость, выслушайте меня! — воскликнул хозяин. — Я понимаю ваше волнение, но мы же оба заинтересованы в том, чтобы найти подходящее решение. Так почему бы не сесть за стол переговоров?

И он указал мне на кресло напротив себя. Я сдержала гнев и присела.

— Поверьте, ваша светлость, — продолжил он, — у нас нет никакого намерения ущемлять ваши интересы. Всё то, что вы вложите

сейчас в наше благородное дело, вернется к вам сторицей. Алмазные рудники станут вашими, как только я стану регентом при своем внуке, — он говорил о том, что его внук займет престол Линарии как о чём-то уже решенном. — Если угодно, я предложу вас концессию и на месторождения других самоцветов.

— Что вы хотите? — меня совсем не прельщали его обещания. Более того — чем больше он обещал, тем больше сомнений у меня возникало. Кто может помешать ему забыть о своих словах, когда он достигнет своей цели?

— О, ваша светлость, мы весьма умеренны в своих желаниях. Мы понимаем, что ваши основные капиталы находятся не в Линарии, и вам потребуется время, чтобы получить крупную сумму. Поэтому мы будем признательны, если вы предоставите нам на первых порах, скажем, тысяч двести риэлей.

Он посмотрел на меня вопросительно, желая понять, как я отреагирую на названную сумму. Но я давно уже прекрасно блефовала.

— У меня нет с собой в Лиме такой суммы, — холодно ответила я. — И все мои капиталы вложены в дело — чтобы предоставить вам такой заем, мне придется продать часть имущества, а это потребует времени.

У меня были такие деньги, но герцогу совсем не обязательно было об этом знать.

— Я понимаю, ваша светлость, — кивнул он. — Но я наслышан о вашем великолепных изумрудных украшениях — уверен, найдется немало желающих их приобрести. Наверняка, в Анжероне у вас остались куда более ценные гарнитуры, так что продажа этих не станет для вас слишком значимой. Нет-нет, я не пытаюсь заставить вас делать это, но буду весьма признателен, если вы откликнетесь на мою просьбу.

— И вы сразу же вернете мне сына?

Герцог снова вскочил и принялся прохаживаться вдоль окна.

— Разумеется, ваша светлость! Как только мы получим двести тысяч риэлей, ваш малыш будет дома. Так что как можно быстрее выполнить условия сделки со своей стороны — в ваших интересах.

Маркиза проводила меня до кареты, снова и снова повторяя, что я не должна сомневаться в ее дружбе. Но теперь эти слова звучали как издевательство. И всё-таки я пожала ее протянутую руку — пока мне

не хотелось явно показывать свое к ней отношение. О том, как отомстить и ей, и де Крелону, я подумаю потом.

Потеря двухсот тысяч риэлей не пробила бы ощутимую брешь в моем бюджете. Да, мне пришлось бы продать кое-какие из своих драгоценностей, но я никогда и не была любительницей их носить. И если бы проблему можно было решить так просто, то я не сомневалась бы ни секунды. Но я прекрасно понимала — получив деньги, они не вернут мне Андрэ. Слишком откровенен был со мной герцог во время нашего первого разговора — теперь я была слишком опасна для них. Но до тех пор, пока у них мой сын, я вынуждена буду молчать.

К тому же, деньги имеют свойство заканчиваться, и когда герцог потратит эти средства, ему потребуются новые. Они не остановятся до тех пор, пока не выкачают из меня всё, что у меня есть. А потом, когда я окажусь для них бесполезна, они расправятся и со мной, и с Андрэ.

Это был замкнутый круг. Я не могла выдать заговорщиков, не навредив при этом сыну. Но и помогая им, я только усложняла ситуацию. Они не могли перейти к решительным действиям, пока у них не было денег. Как только они будут не стеснены в средствах, они погрузят Линарию в хаос.

Я всхлипнула, но тут же отругала себя за слабость. Если я хочу спасти Андрэ, я должна быть сильной и решительной. Я всё еще не могла понять, стоит ли рассказывать обо всём Велии и Лео — мне придется как-то объяснить им исчезновение сына, но должна ли я быть полностью откровенной? Тетя и мадемуазель де Шатильон были единственными людьми, с кем я могла поделиться своими переживаниями.

А что, если утром отвезти герцогу часть суммы — тысяч двадцать или тридцать (думаю, он поверил бы, что именно столько наличных было у меня при себе) — и потребовать, чтобы он разрешил Лео находиться рядом с племянником? У меня не было ни малейших сомнений в том, что тетушка согласится пойти на это. Так будет спокойнее и Андрэ, и мне самой.

Я добралась до дома прежде, чем сумела прийти к какому-то решению.

— Ну, что? — с двух сторон метнулись ко мне Лео и Велия. — Ты нашла Андрэ? Где ты была столько времени?

— Да, я нашла Андрэ, — я попыталась улыбнуться. — Сейчас я вам всё расскажу. Только пообещайте, что выслушаете меня спокойно и не станете делать глупостей.

— О, дорогая! — сразу же побледнела мадемуазель де Шатильон, и Лео пришлось ее обнять.

Тетя, как и обыкновенно, проявила большую невозмутимость, но даже в ее глазах я заметила страх.

— Я думаю, нам лучше поговорить в кабинете.

— Да-да, — закивала Велия. — Но, в таком случае, следует сказать мужчине, что тебя дожидается, что ты не сможешь сегодня его принять.

— Мужчина? — переспросила я. — Какой мужчина?

— Он пришел, едва ты уехала, — ответила мадемуазель де Шатильон. — Я сказала ему, что следует отложить визит на завтра, но он так просил, что я позволила ему тебя дождаться. Я подумала — вдруг у него есть новости об Андрэ? Он сейчас в гостиной. Очень галантный мужчина с печальными глазами. Подождите, как же его фамилия? Монте? Монтер? Ах, нет, я вспомнила — шевалье де Монкур!

58. Решение

Я вздрогнула и переспросила:

— Шевалье де Монкур?

Мадемуазель де Шатильон не была в этом уверена.

— Кажется, милочка, он назвался именно так. Весьма приятный молодой человек.

Я направилась в гостиную. Если это действительно был Этьен, то в том, что он не сказал своего настоящего имени, не было ничего удивительного — он и прежде часто ездил по городу инкогнито. И то, что он решил меня навестить, я тоже вполне могла понять — наш разговор во дворце закончился странно, и он, должно быть, почувствовал себя виноватым.

Если бы он приехал как шевалье де Монкур не сегодня, а хотя бы день назад, во мне проснулись бы воспоминания.

Но сейчас меня беспокоило совсем другое — за нашим домом наблюдали люди герцога де Крелона, и если они узнали его величество, то ни к чему хорошему это не приведет. А что, если герцог подумает, что это я вызвала короля, чтобы выдать ему заговорщиков? Что тогда будет с Андрэ?

Я распахнула дверь. С дивана у окна встал Этьен. Когда он увидел меня, на губах его появилась улыбка, но я не смогла улыбнуться в ответ.

— Что-то случилось, ваша светлость? — сразу встревожился и он. — Простите, я приехал без предупреждения. Но я подумал...

Я перебила его:

— Ваше величество, вы приехали одни? Кто-нибудь знает, что вы здесь?

— Да, я приехал один. И нет, думаю, никто не знает. Под широкополой шляпой трудно разглядеть лицо. Но что же всё-таки случилось?

Это решение далось мне непросто, но я понимала, что одна я не сумею справиться с ситуацией. Несмотря на то, что я пыталась думать,

будто за эти семь лет я изменилась — стала сильной, отважной и даже жестокой — на самом деле я осталась прежней, и теперь мне нужна была помощь близких мне людей. Да-да, в том числе и Этьена. И пусть де Крелон и его сообщники полагали, что им легко удастся лишить его короны и власти, пока еще он был королем.

— Прошу вас, ваше величество, выслушайте меня! — я по-прежнему не готова была открыть ему всю правду — такой рассказ занял бы слишком много времени — но пересказать ему то, что случилось сегодня, можно было довольно коротко. — Я не уверена, что вы поверите мне, но клянусь вам, что буду говорить только правду.

Я опустила в кресло, а он вернулся на диван. Я постаралась пересказать всё то, что было мне известно о заговоре, как можно более ёмко, и с каждым моим словом лицо Этьена всё больше мрачнело. Но он ничем не показал своего удивления или возмущения. Мне даже показалось, что это не стало для него откровением. Быть может, до него уже доходили слухи о заговоре — в конце концов, в его тайном сыске наверняка были и преданные ему люди.

И когда я замолчала, он кивнул.

— Да, исчезновение магии из источника дало моим врагам такой козырь, о котором они не могли и мечтать. А тут еще и я сам невольно поспособствовал успеху их начинания — то, что случилось с источником, я посчитал справедливым возмездием за то, что я не оказался достойным высокого имени Эллинаров, и совершал поступки, за которые мне искренне стыдно. Мне доложили о том, что в среде моих придворных появились протестные настроения, но о том, что их главной движущей силой является де Крелон, я не знал.

Мне не понравилось его настроение, к тому же, сейчас я не была расположена думать и заботиться об интересах Линарии. Куда больше, чем судьба страны, меня волновала судьба моего маленького Андрэ.

Впрочем, Этьен спохватился и сам:

— Простите, ваша светлость, меньше всего я хотел, чтобы то, что творится сейчас в Линарии, коснулось и вас. Мне искренне жаль, что заговорщики решили втянуть вас в эту игру. Я был не намерен предпринимать что-либо ради себя, но без сомнений сделаю это ради вас и вашего сына. Вы сказали, за домом следят?

Я кивнула:

— Да. Надеюсь, вы не привлекли особого внимания. Здесь живет не только моя семья, но и семья барона Робера, а к его милости часто приходят друзья — вас могли принять за одного из них. К тому же, вы приехали прежде, чем я вернулась из особняка герцога — возможно, наблюдатель следит за мной, а не за домом, и тогда он мог вовсе не узнать о вашем визите.

Его величество согласился:

— Думаю, вы правы. Но как бы там ни было, этого мы уже не можем исправить. Теперь нам нужно решить, что делать дальше. Ваш сын находится у де Крелона, и мы должны вызволить его любой ценой.

От его прежней меланхоличности не осталось и следа.

— Вы полагаете, герцог сказал правду, что не держит Андрэ в своем особняке? — спросила я.

— Наверняка, так оно и есть. Это было бы слишком рискованно. Пока кроме его личного признания, от которого он легко откажется, ничто не связывает его с похищением вашего сына. А если бы ребенка привезли в его особняк, об этом бы узнали его слуги, и кто-то из них мог вольно или невольно мог выдать его.

— Но если он воспользовался для этой цели домом одного из своих соратников, то мы не сумеем найти Андрэ! — почти закричала я. Положение казалось мне удручающим.

Но Этьен покачал головой:

— Нет, я слишком хорошо знаю герцога. Он недоверчив по натуре. Он никогда не отдал бы такие козыри в виде вашего сына и собственного внука в чужие руки. Он всё привык держать под контролем.

Он не усомнился в моих словах о виновности де Крелона, хотя я боялась этого. Ведь герцога он знал много лет, а с княгиней Алонсо познакомился лишь недавно.

— Может быть, он увез детей в свое поместье? — предположила я.

Но Этьен не согласился и с этой версией.

— Нет, оно слишком далеко от столицы, а ему нужно, чтобы по крайней мере собственный внук всегда был у него под рукой. Постойте, ваша светлость! Кажется, я знаю, где это может быть! Герцог перебрался в центр Лимы, когда стал первым министром. До

этого де Крелоны владели особняком на окраине столицы — тот дом сейчас пуст и вполне может быть использован для незаконных дел, — его величество вдруг задумался и ненадолго замолчал. — Кстати, недавно я проезжал мимо старого особняка его светлости на улице Оружейников, и мне показалось, что у его ворот стояла карета герцога де Жервеза. Я тогда подумал, что Ноэль, должно быть, хочет его купить — он неоднократно говорил, что ненавидит шум центральных улиц. Признаться, я не придавал этому значения, но теперь, когда мы знаем, что Жервез — в числе сторонников де Крелона, этот факт приобретает новый смысл.

Мне показалось, что об участии в заговоре герцога де Жервеза Этьен говорил с сожалением. И он словно угадал мои мысли.

— Да, Жервез — тот человек, за которым многие могут пойти. Крелон не пользуется любовью народа. Де Жервез — совсем другое дело. Он — герой войны и никогда прежде не был замечен в том, чтобы использовать свой пост в корыстных интересах. Его участие в деле говорит о том, что он поверил в тот бред, что придумал Крелон. А значит, могли поверить и другие.

— Допустим, Андрэ держат именно в том старом особняке, — согласилась я. — Но если это так, то что мы можем сделать?

Сама я готова была на всё, но прекрасно понимала, что если моего сына охраняют боевые маги и офицеры, что пошли на поводу у герцога, то я мало что смогу им противопоставить.

— Мы возьмем особняк штурмом! — в голосе Этьена не было ни тени сомнения. — Вряд ли там находятся сейчас много заговорщиков — у Крелона пока нет денег, чтобы рассчитывать на поддержку наемников. Вовлекать же в это дело слишком многих людей из высшего общества он бы не решился — велика вероятность, что кто-то из них мог проболтаться или намеренно выдать заговорщиков. А значит, пока он может доверять только узкому кругу своих сторонников. К тому же, слишком большое оживление у почти заброшенного дома могло бы привлечь к тому ненужное внимание, а это — дополнительный риск. Думаю, охраной детей занимаются не больше десятка человек. А скорее — даже меньше.

— Но даже с десятком вооруженных дворян вдвоем мы справиться не сумеем, — возразила я. — Я немного владею боевой магией, но этого слишком мало, чтобы рассчитывать на успех. И мы

должны подумать об осторожности — наши действия не должны причинить вред детям.

— Вы совершенно правы, ваша светлость! — признал Этьен, поднимаясь с дивана. — Но и медлить долее нельзя. Наш единственный шанс достичь цели — это напасть на них внезапно. Я абсолютно уверен в преданности мне моей личной гвардии — с этими офицерами я прошел и огонь, и воду, и уж они-то меня не подведут. Я напишу записку капитану Бювелю — он как раз сегодня дежурит во дворце. Доставить ее сможет кто-то из ваших слуг. Даже если за вашим домом наблюдает не один человек, а двое или трое, мы сможем их отвлечь. Сначала из дома выйдете вы — вы можете отправиться в банк (это будет ожидаемо). Потом — кто-то из ваших близких, кого вы можете попросить отвезти что-то из ваших драгоценностей ювелиру. Это тоже не вызовет подозрений, но заставит соглядатаев отойти от дома. Потом в противоположную от дворца сторону отправлюсь я, и мы встретимся с вами в условленном месте. Думаю, этого будет достаточно, чтобы ваш слуга смог выйти из дома, никем не замеченный. Он доставит записку вместе с моим кольцом в качестве пропуска во дворец, и капитан со своими людьми примчится в старый особняк Крелона вскоре после нас. А пока да, мы поедем туда вдвоем.

Его план был неплох, но прежде, чем я успела сказать ему об этом, раздался голос Лео:

— Вот уж нет! Я отправлюсь туда вместе с вами!

Тетушка стояла на пороге, воинственно сжимая в руках бронзовый канделябр.

— Простите, дверь была не закрыта, и мы невольно всё слышали, — рядом с Лео появилась мадемуазель де Шатильон. — Я — отнюдь не боевой маг, но, быть может, от моих защитных щитов тоже будет польза.

— Не думаете же вы, ваша светлость, что мы оставим вас в такую минуту, — у двери, опираясь на трость, стоял барон Робер, за спиной которого я разглядела жениха Лауры виконта Анри де Кавелье. — Я давно уже не участвовал в схватках, но поверьте, что мои руки еще могут удержать шпагу.

Мои глаза затуманили слёзы, и я едва не расплакалась. Но тетушка сердито ущипнула меня за руку и велела не раскисать.

Мы разделились в соответствии с планом Этьена. Я направилась в банк, надеясь, что тот еще работает в столь позднее время, Лео с Велией — к ювелиру, барон с виконтом в карете поехали на набережную, а сам Этьен — в направлении Дижонского предместья. Мы разъехались в разные стороны, и это должно было запутать наблюдателей и дать возможность моему управляющему незамеченным добраться до дворца.

Мы должны были встретиться на улице Оружейников, где находился старый дом Крелона, и всё то время, что я была в банке, а потом ехала по уже темным и почти пустым улицам Лимы, я тряслась от страха. Нет, я боялась не за себя, а за то, что что-то могло не сработать так, как предполагалось. Что Андрэ могло не оказаться в особняке герцога. Что там могла быть слишком сильная охрана. Что управляющего могли перехватить по дороге во дворец.

Но когда карета остановилась неподалеку от нужного дома, я уже совладала с нервами и ступила на булыжную мостовую, полная решимости сокрушить всё, что попадется на пути.

Этьен уже ждал меня здесь, и я испытала облегчение, когда заметила в переулке его фигуру. Вскоре подъехали и две другие кареты.

Если за нами наблюдали, то соглядатаи тоже должны были сойтись где-то неподалеку, и если наши действия до этого еще могли не вызвать у них подозрений, то теперь один из них непременно направится с сообщением к де Крелону. Расчет был только на то, что мы сумеем прорваться в особняк и освободить Андрэ прежде, чем герцог прибудет сюда.

Наш маленький отряд прошел через печально скрипнувшие ворота. Ведущая к дому аллея не была освещена, а вот в нескольких окнах особняка горел свет. Мы с Этьеном переглянулись — похоже, наши предположения были не напрасными.

Мы, вроде бы, никем не замеченные, поднялись на крыльцо. Мои спутники расступились, я же, как и было условлено, постучала в дверь. Для начала я собиралась спросить, не здесь ли проживает некий граф Ларош. Ну, а дальше мы собирались действовать по ситуации.

Но спрашивать про графа не потребовалось. Мне пришлось постучать несколько раз, прежде чем по ту сторону двери мы услышали звук шагов. Дверь распахнулась, и я увидела герцога

Жервеза. В одной руке он держал свечу, а в другой — шпагу. Он сразу же узнал меня и удивился:

— Княгиня Алонсо? Что привело вас сюда, ваша светлость?

59. Пикировка

— Я объясню вам всё, ваша светлость, если вы позволите мне войти.

Конечно, он сразу понял, что я не одна, но ни единый мускул не дрогнул у него на лице.

— Простите, ваша светлость, — он покачал головой, — боюсь, что это невозможно. Поверьте, мне очень жаль, что я вынужден вам отказать.

— Я прибыла с сообщением от герцога де Крелона, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

— Вот как? — он мне не поверил. — В таком случае, наверняка дал вам что-то, что удостоверило бы ваши полномочия.

Он собирался закрыть дверь, но виконт де Кавелье не позволил ему этого сделать.

— Мы всё равно войдем, сударь, хотите вы этого или нет, — я старалась говорить как можно увереннее. Мне показалось, что он прекрасно знает, чьего сына они держат в заложниках, а значит можно было действовать открыто, — но мне не хотелось бы, чтобы кто-то пострадал. Послушайте, сударь, все отзывы, что я слышала о вас, аттестовали вас как человека благородного, и мне хотелось бы думать, что это именно так. Я приехала сюда, чтобы увидеть своего сына. Он еще слишком мал, чтобы участвовать в ваших политических играх. Он — всего лишь ребенок, который наверняка страшно напуган всем этим. И я всего лишь хочу убедиться, что с ним всё в порядке. Поймите чувства матери, которую разлучили с сыном!

Он задумался на несколько мгновений, а потом распахнул дверь:

— Ну, что же, извольте.

Он безбоязненно повернулся к нам спиной и пошел по коридору. Пламени свечи было недостаточно, чтобы рассеять темноту, и мы продвигались неспешно и без лишних разговоров.

Наконец, открылась еще одна дверь, и в коридор хлынул поток света. Мы вошли в просторный зал — за исключением большого стола

и нескольких расставленных вокруг того стульев, в нём не было ничего.

За столом сидели пятеро мужчин, которые при нашем появлении вскочили и схватились за оружие — кто за шпаги, кто за пистолеты. Но герцог де Жервез покачал головой, призывая их к благоразумию, и спокойно сказал:

— Господа, позвольте представить вам княгиню Алонсо — мать маленького князя.

Я чуть наклонила голову. Среди них были и совсем молодые люди, и те, кто постарше. До нашего прихода они играли в кости. Я скользнула взглядом по столу, но не увидела ни бокалов, ни бутылок с напитками. Наверняка, в доме был кто-то еще, кто сейчас отдыхал или ужинал в других помещениях.

Они поклонились в ответ.

— Позвольте заверить вас, сударыня, что мы обращаемся с его светлостью как и подобает, — заявил самый старший мужчина, в волосах которого уже пробивалась седина. — У нас нет намерения причинить ему хоть малейший вред, и хотя я вполне понимаю ваше беспокойство, будет лучше, если вы сейчас удалитесь. Если ваш сын увидит вас, ему будет трудно снова с вами расстаться.

Его лицо показалось мне знакомым. Быть может, мы встречались когда-то на балах во дворце.

Жервез его поддержал:

— Даю вам слово, ваша светлость, что, если кто-то попытается сделать что-то дурное маленькому князю, я лично стану защищать его до последней капли своей крови. Поверьте, то, что мы удерживаем его здесь — вынужденная мера. Герцог де Крелон всего лишь хочет убедиться, что вы сумеете сохранить тайну, которую неосторожно узнали. Как только всё закончится, ваш сын вернется домой.

— Так вы полагаете, что Крелону нужно всего лишь мое молчание? — я горько рассмеялась. Кажется, его светлость не сказал им об истинной цели похищения Андрэ. — Неужели вы столь наивны, ваша светлость? Хозяин этого дома заявил, что вернет мне сына не раньше, чем я передам ему двести тысяч риэлей. Не кажется ли вам, что похищать детей ради получения выкупа — не слишком подходящее занятие для дворян?

Они переглянулись. Нет, я отнюдь не ждала, что эта новость заставит их отступить от прежних намерений и отдать мне Андрэ. Но, быть может, они хотя бы выслушают нас?

— Если это так, сударыня, то, клянусь вам, мы об этом не знали, — чуть дрогнувшим голосом сказал Жервез. — Но даже если герцог де Крелон поступил подобным образом, то у него, должно быть, были на то веские причины. И хотя я не одобряю таких действий, отдать вам сейчас вашего сына я не могу. Я дал герцогу слово и сдержу его. Но обещаю вам, что я потребую от де Крелона ответа и сообщу вам о результатах нашего с ним разговора.

Это было не то, на что я рассчитывала. Можно было не сомневаться, что Крелон найдет способ убедить своих сторонников в собственной правоте. К тому же, как только появится возможность, он перевезет детей в другое место, и среди их охранников уже не будет де Жервеза.

— Поймите, ваша светлость, — снова вступил в разговор пожилой мужчина, — речь идет о благе всей Линарии, и мы уже не можем отступить. Мы хотим спасти свою страну и готовы идти до конца.

Время шло, а разговор не двигался с места. И я по-прежнему не знала, где мой сын. Возможно, если бы в особняк прибыла королевская гвардия, мы могли бы действовать более решительно, но пока наши силы были слишком слабы. Да, нас тоже было шестеро, но трое были женщинами, а барон Робер едва стоял на ногах.

— Если вы хотите спасти Линарию от меня, — раздался голос Этьена, — то вы можете сделать это, не прикрываясь ни в чём не повинным ребенком.

Он снял шляпу, и я услышала чей-то изумленный возглас. Стоявшие напротив нас мужчины не сразу, но всё-таки склонили головы, приветствуя короля.

— Если вам нужен заложник, господа, то я останусь с вами и сложу оружие, как только вы отпустите княгиню с сыном и сопровождающих ее людей. Давайте решим этот вопрос как настоящие мужчины и не будем впутывать в него женщин и детей.

По взгляду герцога Жервеза я поняла, что это предложение пришлось ему по душе, и у меня появилась надежда, что нам удастся вызволить Андрэ без кровопролития. Конечно, я не собиралась

бросать здесь и Этьена, но сначала мне нужно было вывести сына, а потом разыскать капитана Бювеля с его гвардейцами.

Но Жервез не успел дать нам ответ — сначала на крыльце, а потом и в коридоре раздались чьи-то шаги, и я напряглась. Я не знала, кто это был — друзья или враги, — и на всякий случай стала собирать магию на ладони.

— Ваше величество? Вот как? — услышала я хриплый голос герцога де Крелона.

Герцог стоял в дверях, но не впереди, а за спинами людей, которые прибыли вместе с ним. Его сопровождающих было немного — всего трое, но вкупе с ним самим и сопровождавшей его Делфиной де Преваль враги превосходили нас уже почти вдвое. Мы отступили к окну.

— Признаться, не ожидал, что вы посетите мое скромное жилище, — усмехнулся хозяин, — а иначе непременно подготовил бы пышную встречу.

Жервез прервал его:

— Полагаю, ваша светлость, что теперь, когда мы можем решить все вопросы напрямую с его величеством, уже нет необходимости удерживать маленького князя Алонсо. Будет лучше, если мы позволим княгине забрать сына и удалиться.

Его соратники согласно закивали, но Крелон метнул в их сторону негодующий взгляд:

— Княгиня — любовница его величества, и как только мы отпустим ее сына, она сделает всё, чтобы нам помешать. Вы хотите сражаться с теми, кто еще верен королю?

— Кто вам дал право оскорблять подобными подозрениями ее светлость? — спросил Этьен. — Если у вас есть претензии ко мне, то я выслушаю их. Я останусь здесь один, безоружный.

Крелон был слишком опытным придворным и умел хорошо чувствовать настроение аудитории — он сразу понял, что выпады в мою сторону не вызывают отклика у слушателей, и сменил тон.

— Разумеется, у меня нет намерения чинить какие-то препятствия княгине и ее сыну — они будут вольны покинуть Лиму, но несколько позже. А пока я всего лишь прошу их побыть нашими гостями еще некоторое время.

Его речь прервал скрип двери, находившейся в другом конце зала, которую я заметила только сейчас. Дверь отворилась, и в зал вышла молодая девушка (должно быть, горничная или гувернантка), а вслед за ней — Андрэ и еще один мальчик примерно его возраста. Сын увидел меня и рванул мне навстречу, но девушка успела схватить его за руку.

— Прошу вас, ваша светлость, вернемся в комнату!

А он ответил твердо и, как ни странно, спокойно:

— Я хочу, мадемуазель, остаться здесь.

Конечно, он заметил шпаги и пистолеты, что мужчины и с одной, и с другой стороны держали в руках. Мой бедный малыш, сколько потрясений пришлось ему перенести в этот день. Я тоже сделала шаг в его сторону, но Крелон предостерегающе вскинул руку:

— Остановитесь, сударыня, вы же не хотите, чтобы мы применили к вам силу? Мадемуазель Дюваль, уведите отсюда его высочество!

Его высочество? Сначала я подумала, что речь идет об Андрэ, и только потом сообразила, что герцог говорил о втором мальчике — о своем внуке, которого он пытался выдать за нашего с Этьеном сына. Это было странно и нелепо, но я понимала, что в сложившейся ситуации во многом виновата сама. Моя нерешительность, мое желание избавить Андрэ от бремени власти, которое я не смогла когда-то выдержать сама, привели к такому вот гротеску.

Внук герцога был розовощеким пухлым мальчиком, и вот он-то явно ничего не понимал. Девушка взяла его за руку и отпустила руку моего сына.

Крелон разрешил Андрэ остаться в зале, и я понимала почему — в его присутствии ни я, ни мои спутники не решимся ни применить магию, ни использовать оружие. Наши враги могли спрятаться за его худенькой спиной.

— Кого вы осмелились назвать его высочеством, ваша светлость? — усмехнулся Этьен. — Своего внука, которого пытаетесь незаконно посадить на престол? Да-да, господа, наверно, это станет для вас откровением, но вы таскаете каштаны из огня не во благо Линарии, а во благо герцога де Крелона, решившего удовлетворить свои амбиции.

— Довольно, ваше величество! — холодно сказал Жервез. — Вам не удастся убедить нас в том, что этот мальчик — не ваш сын. Герцог никогда не решился бы пойти на столь чудовищную ложь. Он дал нам слово дворянина. К тому же, источник ясно дал понять, что он считает вас недостойным правителем — и думаю, именно из-за тех ваших поступков, что привели к гибели королевы Алесандры. Если магия вернется в источник, у нас будет возможность проверить истинность слов де Крелона. А если нет — ну, что же, нам придется поверить ему на слово и понадеяться на то, что этот мальчик станет однажды достойным правителем нашей страны.

Мне показалось, что Этьен заскрежетал зубами.

— Послушайте, господа! Я никогда и никого в своей жизни не любил так, как любил свою жену! И я никогда не сделал бы ничего такого, что могло ей навредить.

Мне было трудно судить, посеяли ли его слова хоть крупицу сомнений в сердца сторонников герцога. Пока нам важно было тянуть время, ожидая прибытия гвардейцев короля.

Но Крелон тоже не мог не понимать, что мы надеемся на подмогу.

— Ваше величество, не трудитесь обвинять меня в вероломстве, — он покачал головой. — Неужели вы думаете, что я решился бы подставить под удар собственного внука, зная, что если магия вернется в источник, то этот обман легко будет раскрыт? Я всего лишь пытаюсь восстановить справедливость. Этот мальчик по праву является принцем Линарии, и вам не удастся убедить нас в обратном. Давайте обсудим всё спокойно! Вы хотите, чтобы мы отпустили княгиню Алонсо, и мы сделаем это — как только вы публично признаете своего ребенка и отречетесь от престола в его пользу.

— А если я не сделаю этого?

Герцог развел руками:

— Ну, что же, есть и другие основания для передачи власти, — он уже не боялся открыто угрожать королю. — Но подумайте, сколько ваших сторонников напрасно пострадают.

Мне стало страшно — он говорил с такой уверенностью, что я не удивилась бы, вели он одному из своих людей убить Этьена прямо на наших глазах. Медлить и дольше было нельзя. И я решила хотя бы попытаться.

А герцог, меж тем, продолжал:

— Может быть, если я вам скажу, что вот-вот сюда прибудет граф д'Эрсан со своими людьми, это подтолкнет вас к правильному решению? Да-да, ваше величество, военный министр, а стало быть, и почти вся армия тоже на нашей стороне.

— Простите, ваша светлость, — мой голос дрогнул, но я заставила себя улыбнуться, — но на вашем месте я не рассчитывала бы на помощь его сиятельства.

Он, наконец, перестал буравить взглядом Этьена и переключился на меня:

— Извольте пояснить, сударыня, почему же?

— Потому что вчера я убила его!

Я сделала паузу, давая им осознать то, что я сказала. Я понимала, что мои слова произведут эффект, и так оно и случилось. Делфина охнула, а в глазах де Крелона впервые появилось что-то похожее на растерянность.

— Вы несете чушь, сударыня! — выкрикнул он, но этим только подтвердил свое волнение.

— Ну, отчего же? — я пожала плечами. — Вы сможете сами убедиться в этом, если пошлете кого-то из своих людей в Дижонское предместье — в парк, что находится перед домом маркиза Дюбуа. Признаться, я даже удивлена, что тело графа до сих пор не обнаружили. Впрочем, может быть, в нем просто не узнали птицу столь высокого полета, оттого и не сообщили вам, — он всё еще отказывался этому верить, и я продолжила. — Между прочим, перед смертью его сиятельство рассказал мне немало интересного. К сожалению, некоторым его словам я не придавала значения, а зря. Теперь же, вспомнив и рассказ маркиза Дюбуа, мне кажется, я, наконец, поняла, что же случилось в королевском дворце семь лет назад. И раз уже всех здесь присутствующих так трогает судьба королевы Алессандры, позвольте я поделюсь с вами своими догадками.

— Нам неинтересны ваши догадки, сударыня! — буркнул он. — Мы все и так это знаем. Был заговор, в котором принимали участие министр финансов маркиз Жомини и главный королевский маг — тот самый маркиз Дюбуа, о котором вы изволили упомянуть. Их целью было уничтожить королеву и посодействовать женитьбе его величества на принцессе Нурландии. Такова была общепризнанная версия. Теперь

же мы знаем, что в том заговоре участвовал и сам его величество, который хотел избавиться от надоевшей супруги.

Этьен дернулся, но я коснулась его рукой, призывая к спокойствию.

— О, нет, ваша светлость! Всё было не совсем так. Да, заговор двух маркизов имел место. Но он был не единственным. На самом деле заговоров было два! И тот, второй, возглавляли именно вы!

60. Правда

Это стало для него неожиданностью — то, что в тех давних событиях кто-то решился обвинить его самого! А я мысленно ругала себя за то, что не поняла этого раньше. Я удовлетворилась полуправдой и не обратила внимания на некоторые факты.

Ведь Эрсан в открытую признал, что участвовал в заговоре, но при этом его положение при дворе после того, как Жомини и Дюбуа были наказаны, ничуть не пошатнулось. Напротив, он был назначен министром морских и сухопутных сил. Так на чьей же стороне он тогда был?

— Да-да, ваша светлость, — мой голос становился всё громче и громче, — вы тоже хотели избавиться от королевы в надежде на то, что овдовевший король женится на вашей дочери. Просто вы предпочли сделать это чужими руками. От кого вы узнали о намерениях двух маркизов? От Эрсана, который в то время возглавлял тайный сыск? Вы узнали о заговоре, но предпочли дать заговорщикам свободу действий? А потом, после того, как они достигли своей цели и убрали королеву из дворца, не вы ли сами и выдали их? Ведь брак его величества с нурландской принцессой шел вразрез с вашими интересами.

Этьен переводил взгляд с меня на Крелона и обратно. Я понимала, как ему непросто было поверить в то, что я говорила.

— Если всё было именно так, ваша светлость, то вынуждена признать, что вы — гениальный стратег, — признала я. — Вот только вы не учли одного — того, что даже став свободным, его величество так и не женился на вашей дочери.

Я понимала, что причиняю ему боль, напоминая об Энрике, но во мне уже не было жалости. Не я развязала эту войну.

И я не ждала от него признания — он был слишком опытным политиком, чтобы не понимать — что бы я сейчас ни говорила, это будет лишь мое слово против его. И даже если в умы его союзников закрадутся сомнения, этого будет слишком мало, чтобы выиграть эту битву.

А вот Этьен поверил мне — я чувствовала это. Его глаза потемнели, а рука опустилась на эфес шпаги.

Сталь звякнула, и этого оказалось достаточно, чтобы и без того натянутые как струна нервы герцога сдали.

Должно быть, де Крелон подумал, что его величество вот-вот сделает выпад, и выставил вперед руку, с которой тут же полетел магический шар. Сделал ли это герцог намеренно или просто не совладал со своей отреагировавшей на опасность магией, я не знала. К тому же, я сама была так погружена в свои мысли, в свой рассказ, что не среагировала на его движение.

Шар летел прямо к нам. Барон дернул меня за плечо, уводя в сторону. Но еще быстрее Велия выставила свой щит.

Герцог был отнюдь не самым сильным магом, и пущенный им шаг, ударившись о щит, не смог пробить его, а отскочил назад. Де Крелон взвизгнул, но шар попал не в него, а в стоявшую с ним рядом Делфину — маркиза охнула и тяжело осела на пол. Правый бок ее темно-зеленого платья стал бурым. А губы дрогнули в странной ухмылке.

— Как же нелепо всё получилось! — выдохнула она.

И взгляд ее, брошенный на меня, тоже был странным. И хотя она не сказала мне ни слова, меня вдруг пронзила мысль, что я по-прежнему что-то упускала. Что-то очень важное, что было связано с маркизой.

— О, да, — меж тем, прошептала маркиза, — эта стратегия была гениальной.

А я, наконец, поняла, что она отнюдь не сейчас стала сообщницей де Крелона. И я сказала это и вслух:

— Так это был ваш замысел, Делфина?

Она улыбнулась из последних сил.

— Он хотел выдать Жомини сразу же, как только узнал о заговоре, и выслужиться тем самым перед королем, и устранить основного конкурента. А я сказала — подожди, пусть тот сначала вытащит для тебя каштан.

Герцог попытался закрыть ей рот рукой, но маркизу не так-то просто было заставить замолчать. Она понимала, что обречена, и хотела насладиться хотя бы минутой торжества.

— Когда я вышла замуж за маркиза де Преваль, я надеялась, что с моей поддержкой тот станет видным политиком и будет приближен к королю. Что дипломатическая служба в Сигезии станет лишь одной из ступенек его карьеры. Но мой супруг был совершенно не тщеславен — даже должность обычного посла была для него тягостной. И никакие мои уговоры не могли заставить его проявить хоть сколько-нибудь инициативы. А вот Крелон — совсем другой. Мы познакомились лет десять назад, когда я приезжала в Лиму из Сигезии на несколько месяцев. В нём я сразу почувствовала родственную душу. Он, как и я, хотел добраться до самого верха. И ради поставленной цели готов был пойти на всё. Тогда вы, ваше величество, были еще молоды и свободны, и герцог надеялся, что его дочь сумеет влюбить вас в себя настолько, что вы женитесь на ней. Но вы влюбились в дочь маркиза де Сурель. Да, мы были разочарованы, но не стали совершать опрометчивых поступков. Тем более, что этим браком были недовольны не только мы. Мы знали, что маркиз Жомини, проталкивавший интересы Нурландии, тоже надеялся, что ваш союз с королевой Алессандрой окажется недолгим. Он получал от нурландцев деньги и вынужден был танцевать под их дудочку. Граф д'Эрсан узнал о сговоре Жомини и Дюбуа, целью которого было развести вас с супругой. Арно хотел доложить об этом вам, ваше величество, но я посоветовала ему подождать. Мне не составило никакого труда убедить посла Сигезии в Линарии, с которым я была неплохо знакома, что ее величество вела тайную переписку с королевским двором Сигезии, и когда его вызвали на допрос, его слова подтвердили вину королевы. И когда план маркизов сработал, нам оставалось только предпринять некоторые дополнительные действия.

Я содрогнулась, подумав о бедняжке Ванесс.

— Значит ли это, что именно герцог де Крелон убил королеву?

Мне всегда казалось, что маркиз Жомини не пошел бы на столь страшное преступление. Да и маркиз Дюбуа всё-таки не признался в этом.

— О, нет, — возразила маркиза, — я не скажу вам об этом. Некоторым тайнам лучше остаться нераскрытыми.

А герцог уже пришел в себя и заявил:

— Разве вы не видите? Она не в себе. К тому же, обиженная женщина способна на любую ложь, если это может помочь ей

отомстить обидевшему её мужчине. А у маркизы есть основания на меня сердиться. Некогда она питала надежды стать моей женой.

— Да, — подтвердила Делфина с горечью, — ты так на мне и не женился.

Она посмотрела на меня, словно беря меня в свидетели мужского коварства.

Мне казалось, что теперь уже доказательств лжи де Крелона было уже достаточно, и его сторонники должны были бы признать нашу правоту, но я ошибалась.

— Давайте не будем слушать женщин, господа! — как ни в чем не бывало, предложил герцог. — Они могут придумывать всё, что им заблагорассудится. Мы же, мужчины, не должны поддаваться эмоциям. На кону судьба Лианирии, и пути назад уже нет. Или вы думаете, что сложи вы сейчас оружие, и его величество помилует вас? Как бы не так! Он велит казнить вас сразу же, как только вернется во дворец. Более того — он велит уничтожить и того безвинного мальчика, от которого уже отрекся однажды. Разве вы этого хотите, господа? Если вы не устраните короля, — герцог чеканил каждый слог, — он устранит вас.

Он надавил на больную мозоль. У них у всех были семьи, о безопасности которых они вынуждены были думать. И никакие заверения Этьена о том, что он не станет преследовать их, уже не могли на них повлиять. Они зашли слишком далеко и понимали это.

— Простите, ваше величество, — сказал мужчина с сединой в волосах, — но у нас нет другого выхода.

Звякнули шпаги. Этьен заслонил меня, а барон и виконт — Лео и мадемуазель де Шатильон. Мы могли задействовать боевую магию, но рядом с Жервезом и его людьми находился мой сын. Андрэ словно застыл — ему не позволили подойти к нам, и он так и стоял, прижавшись к дверному косяку.

— Будьте благоразумны, господа! — выкрикнула я. — Ради чего вы собираетесь устроить кровопролитие? Ради кого?

Я еще надеялась, что сумею воззвать хотя бы к совести герцога де Жервеза. Я видела, что он всё еще сомневался. Но даже он покачал головой:

— Мы делаем это ради того, во что верим. Ради справедливости. Ради маленького принца. И ради памяти его матери — королевы

Алессандры.

Я оглянулась на тетю, словно прося у нее разрешения сделать то, что мне следовало сделать уже давно. Лео кивнула.

Сбросить иллюзию, с которой я стала единым целым уже давным-давно, было не так-то просто, и наверно, я одна не справилась бы с этим так быстро. Но рядом была Велия, и она, едва поняв, что я хочу сделать, тут же стала мне помогать.

Я не могла видеть себя со стороны, но я видела, как изумленно вытягивались лица наших противников. Я не знала, признают ли они во мне королеву, о которой говорили с таким придыханием, ведь большинство из них видели меня только на портретах, но в том, что меня узнает де Крелон, я не сомневалась.

Но тот седой мужчина воскликнул первым:

— Ваше величество???

Этьен стоял ко мне спиной, но услышав это, повернулся и отшатнулся от меня — словно увидел привидение.

Попятился к дверям и де Крелон.

— Что вы стоите, господа? Это же ведьма! Она всего лишь применила иллюзию! Теперь-то вы видите, кто нам противостоит? Наш долг уничтожить и ее саму, и ее отродье!

На сей раз его магический шар полетел не в мою сторону, а в сторону Андрэ. Наперерез ему сразу бросились два человека — Этьен и герцог Жервез.

— Остановитесь, ваша светлость! — крикнул герцог. — Мы не воюем с детьми!

Мое сердце бешено застучало. Я надеялась, что сын не снял амулет маркиза Дюбуа, но не могла быть в этом уверена. Но уже через секунду шар рассыпался в воздухе, не долетев до Андрэ.

А Этьен, опомнившись, развернулся в сторону де Крелона, и на ладони его правой руки появилось пламя. Это было пламя Эллинаров — древняя магия, проявлявшаяся в мужчинах королевского семейства в минуты крайней опасности. С этим пламенем на старинном портрете был изображен еще основатель династии.

И почти сразу же такое же пламя, только чуть меньшего размера, засверкало на руке Андрэ.

И едва увидев это, седовласый мужчина опустился на одно колено. А вслед за ним преклонили колена и остальные — все, кроме

герцога де Крелона.

61. Встречи

Этьен побледнел так сильно, что цвет его лица стал таким же, как накрахмаленное кружево на манишке. Я понимала, что нам нужно очень многое сказать друг другу, но сейчас для этого было не время и не место.

На несколько секунд уже почти потухший взгляд маркизы де Преваль вдруг снова стал осмысленным и ясным, и в нём словно появилось одобрение.

А Андрэ смотрел на своего отца с удивлением и любопытством. Конечно, он еще не понял правды, и нам с ним тоже предстоял серьезный разговор. А еще ему, судя по всему, придется привыкать к своему новому статусу.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что напрочь забыла о де Крелоне, а он, воспользовавшись тем, что на него никто уже не обращал внимания, решил на новую атаку, но на сей раз он не захотел довериться магии и вытащил из-за пояса пистолет. Не знаю, в кого из них он целился — в Этьена или в Андрэ — потому что руки его дрожали, но Этьен снова заслонил собой сына.

Я закричала, но было уже поздно — его величество рухнул, сраженный пулей, а герцог бросился к выходу. Мы с Лео подбежали к Этьену — тетя сразу же приложила руку к ране на его плече, я же просто опустилась на пол с ним рядом. Услышала шум, обернулась — виконт де Кавелье и герцог Жервез связывали Крелону руки за спиной, а тот изрыгал ругательства.

Схватив в охапку подошедшего ко мне Андрэ, я разрыдалась. Как глупо и страшно всё получилось. И ради чего всё это было — мои молчание, притворство и наивная месть? Чтобы понять, что я всё еще любила своего мужа? Но я это знала и так, пусть и пыталась убедить себя в обратном.

— Ну, что ты, переполошная? — ущипнула меня за руку тетя. — Ребенка напугаешь.

Я шмыгнула носом и посмотрела сначала на Андрэ, потом на Этьена и, наконец, на саму Лео.

— Мужчины иногда падают в обморок от простой царапины, — ухмыльнулась она. — И твой — не исключение.

И в этом слове «твой» были одновременно и прощение, и одобрение.

Капитан Бювель с гвардейцами прибыл как раз тогда, когда мы все уже вышли на крыльцо. Занимался рассвет, и воздух был чистым и свежим. Уже пришедший в себя Этьен опирался на крепкую руку виконта де Кавелье, но смотрел только на нас с сыном, словно боялся, что если хоть на миг потеряет нас из вида, то мы снова исчезнем. И когда мы садились в карету, он спросил шепотом:

— Лесси, это правда ты?

Арестованного герцога Крелона капитан Бювель повез в тюрьму. А Этьен отказался ехать во дворец и заявил, что он может еще пару дней побыть шевалье де Монкурор. Лео не без ворчания признала, что одна свободная комната у нас в особняке, пожалуй, найдется. А я только сейчас подумала о том, что так и не рассказала им с Велией, что я, оказывается, до сих пор королева Линарии.

Герцог Жервез и его товарищи тоже были готовы отправиться в тюрьму, но Этьен заявил, что не держит на них зла и предпочтет, чтобы они продолжали преданно служить стране на своих прежних постах.

Мы вернулись домой большой компанией, подняв на ноги всех слуг и затребовав сытный завтрак. Барон Робер заметно волновался и всё повторял, что его особняк слишком скромнен для венценосных особ. А я смеялась и говорила, что главное, чтобы в доме было тепло. А потом, уже за столом, мы с Лео напомнили ему о том, что он уже принимал нас однажды — семь лет назад.

Это была самая замечательная трапеза из всех, в каких я принимала участие — и пусть мы все еще чувствовали себя немного неловко, но мы были счастливы и делились своим счастьем друг с другом.

Андрэ спокойно воспринял известие о том, что король Линарии — его отец, — и только напомнил Этьену, что тот обещал покатасть его на корабле по морю. Я не сомневалась, что они станут настоящими друзьями. Треволнения прошлого дня заметно утомили сына, и он не

стал протестовать, когда я предложила ему отправиться в спальню и отдохнуть. И когда он ушел из столовой, в нашем общем разговоре появилось небольшое напряжение.

— Послушайте, ваше величество, если еще хоть раз вы обидите мою племянницу, вы будете иметь дело со мной! — строго заявила тетя.

— И со мной! — поддакнула Велия.

Этьен смутился, покраснел и заверил их, что будет носить меня на руках. Я видела, что его гложет что-то еще и спросила его об этом. Он долго отнекивался, но всё-таки признал:

— Суд над де Крелоном должен состояться как можно скорее. И, боюсь, мы будем вынуждены вынести смертный приговор. Я знаю, что он — чудовище, и он причинил много зла и тебе, и мне, и многим другим людям. Но я всё равно всегда буду помнить, что он — человек, который когда-то спас мне жизнь.

Мой милый Этьен по-прежнему был добр и снисходителен — даже к своим врагам, — но я и любила его в том числе и за это.

А барон Робер вдруг сказал:

— Если ваше величество изволил вспомнить давний случай в горах на охоте, то ваша совесть может быть совершенно спокойна — это не герцог де Крелон закрыл вас собой от камней, а совсем другой человек — мой товарищ, который тогда и погиб. А герцог, который был в составе спасательной операции, всего лишь обернул ситуацию в свою пользу — вы не помнили, что произошло, и он сказал вам то, что позволило ему возвеличиться. Я тогда входил в свиту вашего отца и был единственным, кто знал правду, и его светлость добился того, чтобы меня удалили от двора.

О, сколько же зла совершил де Крелон!

В этот день мы велели слугам сообщать визитерам (коих было огромное количество), что мы никого не принимаем — после бессонной ночи нам всем нужно было отдохнуть. Но мы с Этьеном, когда все уже отправились спать, еще долго сидели в гостиной и не могли наговориться. Он хотел знать о нас с Андрэ всё — с того момента, как я покинула дворец, и до того, как я вернулась в Лиму. Он прослезился, когда я рассказывала про шевалье де Ламажа, и подивился тому, что Велия могла создавать амулеты. Он заявил, что не сердится на Бланш и искренне желает ей скорейшего выздоровления.

И хотя нам обоим не хотелось разлучаться ни на минуту, спали мы всё-таки в разных комнатах.

Весть о том, что королева Алессандра оказалась жива, а у Линария, наконец, обрела долгожданного принца, быстро распространилась по Лиме, и капитану Бювелю с его людьми пришлось выставить на площади Доблести караулы — так много желающих было посмотреть на нас с Андрэ.

После дня отдыха мы начали принимать посетителей, и первым нашей аудиенции удостоился главный королевский маг граф де Ла Верден. Его сиятельство осмотрел Этьена и признал, что рана затягивается, а затем заверил меня в совершеннейшем почтении.

— Жаль только, ваше величество, что ваше возвращение пришлось на столь непростые для Линарии времена. Боюсь, исчезновение магии из источника еще долго будет аукаться нашей славной стране.

Но тут мне было что ему рассказать. Я позвала и его, и Этьена (который еще тоже ничего не знал) на прогулку в сад и сполна насладились их сначала недоверием, а потом — восторгом от увиденного там. Наш маленький фонтан, в котором Андрэ с Грейси как раз пускали кораблики, играл разноцветными струями.

Граф сразу почувствовал магию и возрился на меня с таким изумлением, что я рассмеялась.

— Ваше величество, но это невозможно! Вы говорите, что магия появилась тут сразу же, как только ушла из королевского сада? Но нужно же поставить здесь охрану! И почему вы позволяете этой девушке касаться воды? Как вы не понимаете — к источнику не должен подходить никто, кроме членов королевской семьи!

Но я покачала головой:

— Похоже, ваше сиятельство, пока кое-чего не понимаете именно вы! Всё то время, что магия была здесь, водой из фонтана пользовались и мои домочадцы, и наши слуги. Источник ясно дал понять, что для него не важны сословные различия! Мне кажется, это именно то, что еще много-много лет назад пыталась объяснить всем королева Алэйна. И, похоже, нам придется еще подкорректировать свод законов Линарии, убрав из него все запреты на использование магии простым народом.

Граф пробормотал что-то неразборчивое — он еще не готов был со мной согласиться. Но я уже не намерена была отступить. Раз уж я снова стала королевой, то я намеревалась вести себя совсем по-другому. И если главный королевский маг не поддержит мое предложение, значит, у Линарии будет другой главный маг.

Но я не собиралась думать об этом прямо сейчас. Пока я просто наслаждалась тем, что мои близкие люди были рядом.

Я отправила тетюшку и Велию с Сурель за папенькой — я не хотела, чтобы он узнал обо всём от посторонних. И через неделю отец приехал в Лиму. Он обнял меня и долго не отпускал. А потом заявил, что от этой новости он помолодел на несколько лет и захотел узнать всё-всё, что он пропустил.

Бланш тоже потихоньку поправлялась — каждый день они с папенькой выходили ненадолго в сад и сидели у фонтана.

Во дворце полным ходом шел ремонт апартаментов, предназначенных для королевы и принца. Я понимала, что вскоре нам нужно будет перебраться в королевскую резиденцию, хотя мне немного жаль было уезжать из особняка на площади Доблести, где я всегда чувствовала себя как дома. Особняк возвращался в семью Робер — это был наш подарок на свадьбу Лауры и виконта де Кавелье.

Я настаивала на том, чтобы и отец, и Лео, и Велия тоже жили во дворце, но они заявили, что намерены вернуться в Сурель. Вместе с ними домой отправлялась и Бланш. Я надеялась, что там, в родных местах, сестра еще найдет свое счастье.

В числе визитеров, которые посетили нас еще до того, как мы с Этьеном и Андрэ перебрались во дворец, была и Джемма. Она смотрела на меня как кролик на удава и лепетала что-то про то, как ей жаль, и как она раскаивается в том, что невольно совершила. Она призналась мне в том, что я уже знала и сама, и кажется, была совершенно уверена, что на ее месте так поступил бы каждый. Откланиваясь, кузина заверила меня в своей искренней любви. Я выслушала ее с улыбкой на губах. Я не собиралась ей мстить, но и доверять больше была не намерена — теперь я слишком хорошо знала цену настоящей дружбы.

Эпилог

— Ваше высочество, прошу вас, минутку внимания! — художник старался вовсю, но наш малыш упорно не желал быть запечатленным на картине.

Принц Рауль сидел у меня на коленях, но в силу несознательного возраста не мог проникнуться важностью момента и непрерывно крутился, отворачивая от живописца свое лицо. Это должен был быть семейный портрет, но наш старший сын был сейчас слишком занят другими делами — подготовка к церемонии отнимала все его время.

— Сегодня нам стоит пораньше лечь спать, — сказал Этьен, который уже тоже вовсю зевал. — Завтра нам потребуется много сил.

Да, церемония состоялась уже на следующий день. Я и заметить не успела, как принц Андрэ стал взрослым.

На это торжество в Лиму прибыло много народа — со всей Линарии и из-за ее пределов. Нас почтили своим присутствием представители королевских домов Сигезии, Нурландии и многих других стран. Из Антарии поприветствовать Андрэ прибыли принцесса Кьяра и ее супруг — герцог Гальярдо.

Мы приехали в церковь, и на улицах столицы нас встречал восторженными возгласами наш народ.

В храме мы расположились на отведенных местах, и я позволила себе оглядеться.

На скамье за нами расположились папенька, Бланш с мужем — искренне любящим ее графом Намюром, еще робевшим в столичном обществе, Лео и уже плохо слышавшая Велия. Чуть поодаль сидело семейство Робер-Кавелье. А еще чуть дальше — все министры и члены Совета магов Линарии.

В этот день отнюдь не мы с Этьеном играли тут главную роль. И когда старенький (да-да, тот самый!) епископ лимский призвал всех к тишине, рядом с ним стоял наш сын Андрэ — именно на его голову должна была вот-вот опуститься корона Эллинаров.

Это решение Этьен принял уже давно, и теперь, когда Андрэ стал совершеннолетним, он будет, наконец, наречен королем Линарии. А мы с мужем никогда не держались за власть. И мы не сомневались — сын будет править достойно и справедливо. Он вырос добрым человеком, любящим правду и готовым защищать слабого. Он никогда не кичился своим положением и даже с приехавшим во дворец с челобитной крестьянином готов был беседовать так, словно меж ними не было различий. И он был сильным магом, что было немаловажным для короля. И подтверждением этому служила магия, которая вновь вернулась в источник в королевском саду, как только мы оказались во дворце.

И вот древняя корона коснулась его головы, и я прослезилась. Мой маленький принц стал королем! И я чувствовала и гордость, и немного страх. Но он не один — у него есть верные друзья, и мы, готовые помочь и поддержать.

Этьен сжал мою руку, и я прислонилась к его плечу. После того, как пройдет праздничный пир, и в небе Лимы отгремит фейерверк, мы отправимся путешествовать. Мы погостим в моем родном поместье в Суреле, а потом поедem в Антрарию в Эскалу — я хотела показать младшему сыну и мужу, как добываются изумруды. А сколько еще стран и морей было на свете, и я не сомневалась, что куда бы мы ни поехали, нам с Этьеном никогда не будет скучно. Потому что когда ты любишь кого-то, тебе с ним просто хорошо — всегда и везде. И для счастья отнюдь не нужна корона.